

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

ПЕЛИПЕНКО Татьяна Игоревна

**Положение шляхтянок в семье и обществе Великого княжества
Литовского в XVI веке**

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

научный руководитель:

доктор исторических наук,

проф. А.Ю.Дворниченко

Санкт-Петербург – 2019

Введение	3
Глава 1. Женщина как объект сексуального желания.....	64
§1. Красота как один из компонентов гендерной идентичности литовских шляхтянок .	64
§2. Девичья и женская честь как основа «символического капитала» шляхтянок	80
§3. «Опека» как механизм регулирования общественных отношений	84
§4. Институционализация сексуальных отношений	92
Глава 2. Женщина как хранительница домашнего очага: социальные функции жены и матери в шляхетском обществе XVI века.....	102
§1. Порядок заключения брака и социальное значение супружества в Великом княжестве Литовском	102
§2. Имущественное положение и рождение детей как основные факторы социальной независимости шляхтянок.....	115
§3. Реализация гендерных функций жены и матери	127
Глава 3. Горизонты повседневной жизни: вдовство, развод и девичество как возможные варианты жизни вне брака	143
§1. Особенности культурного развития Великого княжества Литовского в середине XVI века	143
§2. Способы прекращения брака и их влияние на социальное положение женщины ...	150
§3. Признание брака недействительным: условия и последствия	152
§4. Развод: условия и последствия. Социально – экономическое положение разведенных шляхтянок	154
§5. «Вдовый стол»: социально-экономическое положение вдовых.....	163
Заключение	173
Список источников и литературы, использованных в работе	181
Список сокращений, использованных в работе	203

Введение

Актуальность темы исследования

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что в отечественной исторической науке на сегодняшний день нет комплексного исследования, посвященного гендерным ролям женщин привилегированного сословия Великого княжества Литовского. Несмотря на то, что гендерные исследования уже заняли свою нишу в современной исторической науке¹, Великое княжество Литовское довольно редко попадает в поле зрения российских историков гендера. Кроме того, нельзя не указать на общее ослабление интереса к истории Великого княжества Литовского у отечественных исследователей в последнее время. Обращение к частным эпизодам истории развития этого сложного государственного образования зачастую происходит исключительно в контексте изучения тех или иных исторических процессов Российского государства, что вполне правомерно, учитывая, что Великое княжество Литовское довольно много заимствовало от русских земель, вошедших в его состав. Однако подобного явно недостаточно. Отношение к Великому княжеству Литовскому как к вторичному объекту исследования по сравнению с Северо-Восточной Русью заметное в историографии дореволюционного времени², сейчас вряд ли терпимо. Это обедняет наши представления о родной истории, оставляет значительную её часть на откуп зарубежной историографии.

Более того, нельзя не отметить, что круг тем, разрабатываемых отечественными исследователями на современном этапе, имеет множество лакун, среди которых самая заметная – отсутствие работ, посвященных сложной проблеме культурного развития Великого княжества Литовского, а так же разработке т.н. истории повседневности. Сосредоточенность социальных историков на изучении общих тенденций развития литовского

---

¹ *Пушкарева Н.Л.* 1) Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, АНО «Женский проект СПб», 2007. С. 95 – 123; 2) Гендерная история // Теория и методология истории: учебник для вузов / Отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014. С. 287 – 312 .

² *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Сочинения. Кн. II: Т. 3 – 4. М.: Мысль, 1988. С.439.

социума вполне объяснима, учитывая довольно кратковременное возрождение исследовательского интереса к этому региону в 1990-х годах после длительного «затишья». Однако тем интереснее и полезнее представляется нам обращение к вопросам частного характера, с применением методов, предлагаемых гендерной историей, микроисторией, исторической антропологией и проч.

Феномен Великого княжества Литовского заключается в том, что это политическое образование, сохранив множество традиций Киевской Руси, в кратчайшее время впитало в себя самые разнообразные веяния со стороны Западной Европы. Получившийся симбиоз проявился и в бытовой жизни литовского общества, и в общих культурных тенденциях. Общая «вольготность» жизни литовского шляхетства не могла не отразиться на личном социальном опыте его представителей, и большая вариативность доступных литовским женщинам XVI столетия социальных практик тем интереснее для исследователей, что, по сути, существовала наряду (если не сказать – параллельно!) с весьма жестким, патриархальным законодательством. Изучение источников конструирования гендера для социальных историков является следующим шагом после изучения социально-экономического положения женщин, семейных отношений и сексуальных нравов и других вопросов, находящихся в поле зрения т.н. *women studies*³. Однако касательно гендерной истории Великого княжества Литовского в отечественной историографии этот шаг до сих пор не был сделан. Данное исследование является попыткой наметить направления для ликвидации этих пробелов.

Степень изученности темы (историография)

Проблема социально-экономического и правового положения женщин в Великом княжестве Литовском не является новой в отечественной и

---

³ *Пушкарева Н.Л.* Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования. Ч.1. под ред.И.А.Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, СПб.: Алетейя, 2001. С.287 – 288.

зарубежной литванистике. Еще дореволюционные историки обращались к вопросам, связанным с историей семьи и брака как в специально посвященных этому исследованиях, так и в контексте изучения более общих проблем формирования общественной, правовой и политической систем.

В рамках изучения истории права Великого княжества Литовского тонкости взаимоотношений в шляхетской семье изучались такими выдающимися исследователями, как М.Ф.Владимирский-Буданов, В.Д.Спасович, Н.А.Максимейко, И.А.Малиновский и др. И хотя проблема формирования литовской судебной системы волновала многих дореволюционных историков⁴, вопросов семейных и сексуальных взаимоотношений в своих работах касались лишь некоторые из них.

М.Ф.Владимирский-Буданов обратил внимание не только на территориальные различия в развитии семейного права, но и на существовавшие вплоть до XVIII в. две формы брака – церковную и светскую – и связанные с этим различия в восприятии семьи, как института, в среде шляхетства и простолюдинов⁵. Историк отмечает, что более подверженная влиянию извне, восприимчивая ко всему новому шляхта гораздо быстрее отказалась от т.н. «гражданского» (невенчанного) брака в пользу церковного. В крестьянской же среде невенчанная форма брака, когда семейный союз заключался без какого-либо участия церкви, сохранялась вплоть до XVIII (в некоторых регионах – и гораздо дольше). При этом исследователь указывает на тесную взаимосвязь семейных отношений с имущественными. «Еще в XVI в. весь семейный строй обуславливался экономическими причинами, как во времена Русской Правды, – пишет М.Ф.Владимирский-Буданов. – Разница в

---

⁴ *Леонтович Ф.И.* Русская Правда и Литовский Статут в видах настоятельной необходимости включить литовское законодательство в круг истории русского права. Киев: б/и, 1865. – 92 с.; *он же.* Очерки истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства. СПб.: Тип. В.С.Балашева, 1894 – 393 с.; *он же.* Источники русско-литовского права. Общий обзор источников. Договоры. Земские и областные привилегии. Варшава: Тип. Варшавского учеб. округа. 1894. – 72 с.; *Ланно И.И.* К вопросу об утверждении Статута 1588 года. Пг: б/и., 1914 – 43 с. *Пташицкий С.Л.* К вопросу об изданиях и комментариях Литовского Статута. СПб.: Тип. С.А.Корнатовского, 1893. – 78 с.; *Максимейко Н.А.* Русская Правда и литовско-русское право. Киев: Тип. С.В.Кульженко, 1904. – 14 с.; *он же.* Источники уголовных законов Литовского Статута. Киев: Тип. Унив-та Св.Владимира В.И.Завадского, 1894. – 185 с. и др.

⁵ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Очерки истории Литовско-русского права. Вып.2: Черты семейного права. Киев: Тип.В.И.Завадского. 1889. С. 4 – 6.

воззрениях на семейное право простых людей и людей высшего класса объясняется не столько степенью образованности, сколько разницею экономических условий их быта»⁶. Другими словами, шляхтичам в случае возникновения каких-либо имущественных споров было что терять. После того, как Литовский Статут окончательно утвердил церковную форму брака, как приоритетную, гражданский брак уже не имел в суде никакой юридической силы, хотя и не преследовался по закону (но облагался специальным единовременным налогом).

Если М.Ф.Владимирский-Буданов в своем «Очерке...» касается источников семейного права лишь бегло, давая общий обзор существовавших в XVI в. семейных порядков и традиций, то В.Д.Спасович в работе «Об отношениях супругов по имуществу по древнепольскому праву» прослеживает, какие из семейно-правовых норм, существовавших в древней Польше, позднее нашли свое отражение в законодательстве Великого княжества Литовского, прежде всего – в Литовских Статутах⁷. Следует отметить, что семейное право Литовского государства никогда не было основным предметом научных интересов исследователя. Он сам называет свою работу «рассуждением», однако это не мешает ему сделать ряд ценных наблюдений и выводов, весьма значимых для нашего исследования. Указывая на противостояние двух систем – земского и магдебургского права, В.Д.Спасович прослеживает эволюцию имущественных внутрисемейных отношений от первых привилеев до Вартского статута 1423 г. в Польше и I Литовского Статута 1529 г. в Великом княжестве Литовском. Находя в литовской судебной системе XVI в. несомненные отголоски Правды Русской, историк все же указывает на основополагающее влияние древнего польского права⁸.

---

⁶ Там же. С. 14 – 15.

⁷ *Спасович В.Д.* Об отношениях супругов по имуществу по древнепольскому праву. Рассуждение, представленное на юридический факультет Санкт-Петербургского Императорского Ун.-та. СПб.: Тип. М.О.Вольфа, 1857. – 82 с.

⁸ Там же. С. 62.

Прямо противоположной точки зрения придерживается Н.А.Максимейко, считавший, что именно Русская Правда была «исходным пунктом» развития литовско-русского права⁹. В качестве доказательств исследователь приводит статьи гражданского права, касающиеся именно наследственных прав вдов и дочерей, а так же наследования т.н. «материзны» – собственности, оставшейся детям после смерти матери¹⁰. Ученый указывает на совпадение обычного права Литовско-Русского государства со статьями Русской Правды относительно наследственных прав вдов, отмечая не только одинаковый смысл упоминаемых норм, но и схожую терминологию.

Помимо вопросов об источниках семейного права, другой проблемной для ученых темой был вопрос о характере собственности в шляхетских семьях. Практики заключения брачных договоров, которые позволяли обойти некоторые статьи Литовских Статутов, ограничивающих женщин в правах наследования, сложная взаимосвязь приданого, вена и посага оставляли ученым много возможностей для различных трактовок. Многочисленные варианты раздела собственности в случае прекращения брака (развода или смерти одного из супругов) позволяли сделать прямо противоположные выводы о характере этой собственности – от полностью совместной до полностью раздельной. В.Д.Спасович указывает, что именно раздельная собственность супругов лежала в основе имущественных отношений, узаконенных в Статутах¹¹. Однако здесь же исследователь как будто бы вскользь упоминает и об особой форме общей собственности супругов, упоминаемой в 21 статье Статута и пришедшей, по мнению исследователя, из магдебургского права. «Припомним, что со времен Владислава Ягайло множество городов литовских получили Магдебургское право; что в числе редакторов Третьего Статута был знаменитый юрист Августин Ротундус Войт города Вильно, который внес в этот Статут много статей из Римского и Германского права; что статья 21 относится не к одной шляхте, но ко всякого

---

⁹ Максимейко Н.А. Русская Правда и литовско-русское право... С.13.

¹⁰ Там же. С. 9 – 11.

¹¹ Спасович В.Д. Об отношениях супругов по имуществу по древнепольскому праву... С. 64.

вообще состояния людям; что, наконец, эта статья стоит отдельно, без связи с другими постановлениями и лишена, так сказать, корней в Статуте Литовском. Все эти обстоятельства заставляют предполагать, что это вставка, заимствованная из городского Магдебургского права»¹². Таким образом, общая собственность супругов, полагает В.Д.Спасович, явление заимствованное и, кроме того, довольно позднее, распространившееся не ранее второй половины XV века.

На отголоски немецкого городского права в литовском законодательстве указывал и М.Ф.Владимирский-Буданов¹³. Он отмечал, что немецкое право распространилось по всем областям Великого княжества Литовского уже в XIII в. и в дальнейшем приобрело различные формы в зависимости от особенностей развития территорий¹⁴. Однако, исследователь не склонен связывать немецкое право и характер собственности в семьях литовской шляхты, указывая, что имущественные отношения между супругами или между родителями и детьми регулировались нормами, имевшими как польские, так и русские корни¹⁵.

Другое направление, в котором развивалось изучение правовой системы Великого княжества Литовского и которое важно в контексте рассматриваемой нами темы – это изучение уголовного права. Здесь стоит упомянуть работы Н.А.Максимейко¹⁶ и И.А.Малиновского¹⁷, посвященные источникам уголовных законов Литовского Статута. Не отрицая безусловного влияния Русской Правды, оба исследователя отмечают, что Литовский Статут систематизировал, прежде всего, разрозненные королевские привилеи, нормы которых далеко не всегда уходили своими корнями к древнерусскому праву. Н.А.Максимейко замечает, в частности, что в числе преступлений, упоминаемых в Статуте, есть и такие, которых не знает Русская Правда, что

---

¹² Там же. С.65 – 66.

¹³ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Немецкое право в Польше и Литве. СПб.: б/и, 1868. – 312 с.

¹⁴ Там же. С.3

¹⁵ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Черты семейного права... С.14.

¹⁶ *Максимейко Н.А.* Указ.Соч.

¹⁷ *Малиновский И.А.* Учение о преступлении по Литовскому Статуту. Киев: Тип. Имп. Унив.-та Св.Владимира В.И.Завадского, 1894. – 171 с.

скорее свидетельствует о несовершенстве последней, чем об особенности первого¹⁸.

Другой историк права В.Г.Демченко отмечает существенную эволюцию, произошедшую в литовском праве от первой редакции Статута к третьей: постепенно изменяется не только система наказаний, но и смысл, вкладываемый государственной властью в понятие преступления. «Литовский Статут в его трех редакциях – памятник эпохи, когда система денежных выкупов сменяется системой публичных наказаний, – пишет исследователь. – Система композиций ограничивается началами, лежащими в основании наказаний публично-уголовных. С другой стороны, публично-уголовные наказания не достигают своего полного развития, пока существуют месть и денежный штраф»¹⁹. Кроме того, если в первой редакции Литовского Статута господствует взгляд на преступление, как на частное явление, то к редакции 1588г. формируется сознание общественного значения преступления²⁰.

Большой интерес в контексте изучаемой темы представляет работа И.А.Малиновского «Учение о преступлении по Литовскому Статуту». Исследователь обратил внимание на присутствующую в Статутах классификацию преступлений и деление по степени наказуемости: против государства, против семейного строя, против отдельной личности²¹. Систематический разбор всех упоминаемых в Статутах преступлений, проведенный И.А.Малиновским, дает весьма полное представление о судебной системе Великого княжества Литовского. Исследователь разделяет все категории преступлений на несколько подвидов, среди которых интерес для нашего исследования представляют следующие: преступления против нравственности, против семейного строя, против чести²².

---

¹⁸ *Максимейко Н.А.* Источники уголовных законов литовского Статута... С.46.

¹⁹ *Демченко Г.В.* Наказание по Литовскому Статуту в его трех редакциях. Киев: Тип. Имп. Унив.-та Св.Владимира В.И.Завадского, 1894. С.31.

²⁰ Там же. С.9.

²¹ *Малиновский И.А.* Учение о преступлении по Литовскому Статуту... С.52.

²² Там же. С.56 – 57.

К преступлениям против нравственности относятся квалтованье (изнасилование), обращение непотребства в ремесло, сводничество (сутенерство). Преступления против семейного права – это: нарушение условий, необходимых для совершения брака, похищение замужней женщины, чужоложство (измена), преступления детей против родителей. Отдельно ученый рассматривает также оскорбление чести женщин и девушек действием или словом, отмечая, что в третьей редакции Статута в 1588 году все статьи о преступлениях против чести переходят в раздел о правах и привилегиях шляхетского сословия²³.

Следует отметить, что «женская тема» никогда не была преобладающей в области научных интересов дореволюционных историков. Это вполне объяснимо, ведь перед исследователями в то время стояли более обширные задачи: вписать историю Литовско-русского государства в общий контекст истории России²⁴ и охарактеризовать процессы эволюции его политической структуры²⁵.

Работы таких выдающихся историков-литванистов, как М.К.Любавский²⁶, М.В.Довнар-Запольский²⁷, М.О.Коялович²⁸, В.Б.Антонович²⁹ и др. посвящены сложным и неоднозначным процессам

---

²³ Там же. С.106.

²⁴ Любавский М.К. Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. СПб: Наука. 2004. – 312 с; Соловьев С.М. Указ.Соч.

²⁵ Любавский М.К. Областное деление и местное самоуправление в Литовско-Русском государстве до Люблинской унии включительно. М.: Университетская тип.,1893. – 984 с.; *он же*. Литовско-русский сейм. Очерк по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М.: Императорское общество истории и древностей при Московском университете. 1900. – 850 с.; *он же*. К вопросу об удельных князьях и местном управлении в Литовско-русском государстве. СПб.: Тип. В.С.Балашева и Ко. 1894. – 48 с; Ланто И.И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI в. Литовско-русский повет и его сеймик. Юрьев: Тип. К.Маттисена, 1911 – 192 с.; *он же*. Земский суд в Великом княжестве Литовском в конце XVI в. СПб.: Тип. В.С.Балашева, 1897. – 39 с.; Максимейко Н.А. Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 года. Харьков: Тип.А.Дарре, 1902. – 205 с.; Малиновский И.А. Рада Великого княжества Литовского в связи с Боярской Думой древней России. Ч.2. Вып. 1. Томск: Паровая типо-лит. П.И.Макушина, 1904. – 139 с. и др.

²⁶ Любавский М.К. Указ. Соч.

²⁷ Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. 1. Киев: Тип. Имп. Унив.-та им. Св.Владимира, Акционерное общество печатн. и изддела Н.Т.Корчак-Новицкого. 1901. – 820 с.; *он же*. Западно-русская сельская община в XVI в. СПб: тип. В.С.Балашева, 1897. – 52 с. и др.

²⁸ Коялович М.О. Лекции по истории Западной России. М.: Тип. Бехметева, 1864. – 391 с.; *он же*. Люблинская уния или последнее соединение Литовского княжества с Польским королевством на Люблинском сейме в 1569 году. СПб.: ред. Газеты «Русский инвалид», 1863. – 87 с.

²⁹ Антонович В.Б. Монографии по истории западной и юго-западной России. Т.1. Киев: Тип. Е.Я.Федорова, 1885. – 351 с.

формирования государственного строя Великого княжества Литовского, а также отдельным аспектам социально-политической истории региона.

Публикация Археографической комиссией огромного массива литовской метрики открыли ученым беспрецедентные возможности изучения частной (социальной) истории. Примером биографических исследований могут служить работы В.Б.Антоновича³⁰, и, разумеется, О.И.Левицкого. Прославленный историк литовского быта, О.И.Левицкий не просто восстановил биографии волынских дворянок XVI века, но и впервые попытался охарактеризовать тип их поведения. В работах, посвященных исследованию жизненного пути двух литовских дворянок – Анне Монтовт³¹ и Анне-Алоизе Острожской³² – ученый говорит о своих героинях, как о типичных представительницах тогдашнего поколения, отмечая, что шляхетское общество в Великом княжестве Литовском отличалось многообразием женских жизненных сценариев и судеб в виду предоставленной женщинам свободы и простора для разнообразной деятельности³³. И если землянка Анна Монтовт, отравившая двух состоятельных мужей и сбежавшая с собственным слугой в Польшу, является ярким примером отрицательного персонажа, то Анна-Алоиза, внучка Константина Острожского, для О.И.Левицкого – типичная жертва обстоятельств, ставшая заложницей собственной доброты и безынициативности³⁴. Впрочем, приводя в качестве примера деятельность множества других шляхтянок, которые сами организовывали книгопечатание, возглавляли войска, вызывали обидчиков на дуэли, вели судебные тяжбы и хозяйственные дела³⁵, О.И.Левицкий отмечает, что пассивность – черта скорее исключительная для литовской дворянки, нежели характерная.

---

³⁰ Антонович В.Б. Исторические деятели Юго-западной России в биографиях и портретах. Вып.1. Киев: Типогр.Имп. ун.-та им. Св.Владимира. 1883. – 138 с.

³¹ Левицкий О.И. Ганна Монтовт. Историко-бытовой очерк из жизни волынского дворянства в XVI веке. Киев: Тип. Г.Т.Корчак-Новицкого, 1888. – 69 с.

³² Левицкий О.И. Анна-Алоиза, княжна Острожская. Киев: Тип. Г.Т.Корчак-Новицкого, 1883. – 45 с.

³³ Там же. С.1.

³⁴ Там же. С. 5 – 6.

³⁵ Левицкий О.И. Очерки старинного быта Волыни и Украины. Вып. I. Пасквиль и суд. Киев: Тип. Г.Т.Корчак-Новицкого, 1889. – 32 с.; Вып. II – III. Матери-преступницы. Превелебный сват, 1891. – 32 с.

Примечательны также и обобщающие работы ученого, в которых он описывает состояние нравов литовского шляхетства, а также брачные и семейные обычаи³⁶. О.И.Левицкий выявляет исконные черты принятых тогда «правил приличия», а также заимствования, пришедшие в шляхетскую среду из соседней Польши³⁷. Исследователь также пытается разобраться, правда, больше мимоходом, почему женщины пользовались в Великом княжестве Литовском такой беспрецедентной свободой, особенно в сравнении с соседним Московским государством. Причины этого ученый видит в твердом имущественном положении шляхтянок, которое обеспечивалось нормами Литовских Статутов³⁸. На наш взгляд, объяснение женской «вольности» и общественной терпимости к ней одними только имущественными привилегиями несколько упрощает реальную ситуацию, однако нельзя не согласиться с главным выводом О.И.Левицкого, что литовские женщины «не знали ни теремного затвора, ни монастырского заключения, ни той горькой домостроевской неволи и порабощения, какие выпали на долю ее сестры – великороссиянки»³⁹.

В советское время исследователей больше занимали вопросы, связанные с формированием и последующей эволюцией государственного строя, нежели проблемы «женской» истории. Ученым было важно вписать историю Великого княжества Литовского в рамки марксистско-ленинской концепции. После опубликованной в конце 1950-х годов фундаментальной монографии В.Т.Пашуто «Образование Литовского государства»⁴⁰, содержащей резкую критику дореволюционной историографии и подводящей

---

³⁶ *Левицкий О.И.* Черты семейного быта в Юго-Западной Руси в XVII – XVIII в. Киев: Тип. Имп.Ун.-та Св.Владимира, Акц.общ. Н.Т.Корчак-Новицкого, 1909. – 120 с.; *он же.* Из истории брачного права и семейного быта в Юго-Западной Руси в XVI и XVII вв. // ЧИОНЛ. Кн.18. Вып. III-IV. С.68-71; *он же.* Про шлюб на Руси-Украине в XVI-XVII столетью // Зоря. 1885. №13. С. 1 – 18; *он же.* Южнорусская женщина в XVI-XVII вв. // Иллюстрированный сборник Киевского литературно-артистического общества. К.: б/и, 1900. С.108 – 122; *он же.* Обычные формы заключения браков в Южной Руси в XVI–XVII вв. // Киевская Старина. 1900. №1. С.1 – 15. и др.

³⁷ *Левицкий О.И.* Черты семейного быта в Юго-Западной Руси...

³⁸ Там же. С.7.

³⁹ Там же. С.6.

⁴⁰ *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М.: АН СССР, 1959 – 531 с.

итоги в области изучения истории Западной Руси, интерес к региону у исследователей практически сошел на нет⁴¹.

Только в конце 1960х – 1970х гг., традиционно в рамках изучения истории права, литовские исследователи снова обратились к «женской теме» и внутрисемейным отношениям в Великом княжестве Литовском. Главным предметом изучения были Статуты, содержавшие статьи по урегулированию не только имущественных, но и сексуальных отношений в обществе. Вслед за статьей И.Лукшайте «Об обычае двойного выкупа за женщину по литовскому праву»⁴², в свет вышли работы В.И.Андрюлиса и И.М.Валиконите, посвященные правовому и социально-экономическому положению женщин в XVI в.

В своей кандидатской диссертации «Правовое регулирование семейных отношений по Литовскому Статуту 1588 года»⁴³ В.И.Андрюлис проводит сравнение норм Второго (1566г.) и Третьего Статутов (1588г), касающихся взаимоотношений в литовских семьях, как привилегированных, так и крестьянских. Помимо ценных обобщений касательно условий заключения и расторжения брака, прав наследования и т.д. В.И.Андрюлис впервые обращает внимание на различный для мужчин и женщин смысл, вкладываемый в нормы Статутов, регулировавших семейные отношения⁴⁴.

Вопрос об имущественном положении женщин в Великом княжестве Литовском получил развитие в работах И.М.Валиконите. Ряд статей, опубликованных в 1970-х – 1980-х гг., и кандидатская диссертация исследовательницы были посвящены социально-экономическому положению литовских шляхтынок в XV – первой половине XVI в. Подводя своеобразную черту под дискуссией дореволюционных историков о характере собственности в литовских семьях, И.В.Валиконите указывает на смешанный

---

⁴¹ Подробнее о советской историографии см: *Дворниченко А. Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского: Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.) СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1993. (2-е издание – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2013). С.26 – 29.

⁴² *Лукшайте И.* Об обычае двойного выкупа за женщину по литовскому праву // Советская этнография. 1968. №2. с.114 – 120.

⁴³ *Андрюлис В.И.* Правовое регулирование семейных отношений по Литовскому Статуту 1588г. Автореф. дисс. ... канд. юрид наук (12.00.01). Вильнюс: Вильнюсский гос. Унив.-т им.В.Капсукаса, 1975. – 34 с.

⁴⁴ Там же. С.9.

тип имущества (в одной семье одновременно могла быть как отдельная, так и совместная собственность)⁴⁵. Прочность положения шляхтянок обеспечивалась приданым и вендом (имуществом, которое муж должен был записать жене после свадьбы), однако не гарантировала свободы в обществе. Ссылаясь на нормы Статута, запрещавшие женщинам выступать в суде и быть свидетелями при составлении завещаний, И.М.Валиконите подвергает сомнению излюбленный тезис дореволюционных историков о небывалой свободе литовских шляхтянок и указывает на дискриминацию, какой подвергались женщины в правовой и общественно-политической сферах жизни⁴⁶. Не смотря на то, что понятие дискриминации в обществе раннего нового времени не так однозначно, как представляется исследовательнице, подобный взгляд на проблему характерен для литовской историографии конца 1970-х – 1980-х гг. в целом.

Параллельно с обобщающими работами, направленными на изучение социально-экономического положения женщин, большое значение имеют труды, пытавшиеся вписать «женский вопрос» в культурный контекст эпохи⁴⁷. Здесь особое внимание следует обратить на биографические исследования польских историков В.Поцехи, Ю.Пирожинского, З.Куховича и М.Богущки. По сути именно с биографии королевы Боны, опубликованной В.Поцехой в 1949 г.⁴⁸, начались польские «женские исследования» Великого княжества Литовского. Историк не просто воссоздал жизненный путь второй жены Сигизмунда I и матери Сигизмунда Августа, но и попытался проанализировать, каким образом традиционные женские практики могли

---

⁴⁵ Лазутка С.И., Валиконите И.М. Имущественное положение женщины (матери, жены, дочери, сестры) привилегированного сословия по I Литовскому Статуту // Научные труды Вузов Литовской ССР. История. XVI (2). Вильнюс, 1976. С.80.

⁴⁶ Валиконите И.М. Социально-экономическое и правовое положение женщины в ВКЛ (с конца XVв. до первой половины XVI) и его отражение в I Литовском Статуте. Автореф. дис. ... канд. исторических наук (07.00.02), Вильнюс, 1978. С.24.

⁴⁷ Напр: *Jurginis J.* Lietuvie seima XIII – XIV aa. // *Is lietuviu kulturos istorijos*. Vilnius: Mintis, 1958. T.1. p.248 – 260.; *Bardach J.* Swiecki charakter zwyczajowego prawa malzenskiego ludnosci ruskiej Wielkiego Ksiestwa Litewskiego (XV – XVII wiek). // *Czasopismo prawnno-historyczne*. Krakow: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 1963. T.XV, z.1, p.85 – 148.; *Jurginis J., Luksaite I.* Lietuvos kulturos istorijos bruoza. Feodalizmo epocha. Iki astuonioliktosios. Vilnius: Mokslas, 1981. – 344 p.

⁴⁸ *Pociecha W.* Krolowa Bona (1494 – 1557). Czasy i ludzie odrodzenia. Poznan: Państwowe zakłady wydawnictw szkolnych, 1949. – 322 p.

применяться в вопросах управления государством и внешней политики страны, т.е. в сферах, по определению «принадлежащих» мужчинам. В 1970-х – 1980-х гг. в Польше наряду с биографиями великих княгинь литовских⁴⁹ появляются работы, в той или иной степени затрагивающие вопросы гендерных взаимоотношений в обществе. З.Кухович одним из первых обратил внимание на вопросы эротики и эротизма, как культурного и исторического явления⁵⁰. И хотя исследователь больше известен своими новаторскими экспериментами в области исторической демографии и истории повседневности (З.Кухович занимался проблемой влияния питания на состояние человека и общества во времени)⁵¹, его исследования затрагивают вопросы, связанные с сексуальными отношениями в шляхетских семьях XVI – XVIII вв.⁵², а также матримониальные стратегии женского поведения⁵³. Анализируя жизненные пути «необычных» полячек, ученый волей-неволей проводит параллели с примерами «нормального», «привычного» в обществе Речи Посполитой женского поведения, тем самым впервые определяя исторические границы дозволенного и недозволенного в рамках морали. Логическим продолжением изучения интимности в польской семье стало обращение ученого к проблеме истории детства. В 1989 году совместно с Софией Лебичевской им была опубликована статья «Ребенок в польской семье в XVIII в.»⁵⁴, в которой комплексно рассматривалась проблема социализации детей разного пола в польском обществе XVIII в.

---

⁴⁹ *Kuchowicz Z.* Barbara Radziwiłłówna. Łódź: Wydaw. Łódzkie 1976. – 318 p.; *Bogucka M.* Bona Sforza d'Aragona. Warszawa: Książka i Wiedza, 1989. – 311 p.; *Eadem.* Anna Jagiellonka. Wrocław: Ossolineum, 2004. – 208 p.; *Pirozynski J.* Księżna Brunszwicka Zofia Jagiellonka (1522 – 1575) i jej biblioteka. Stadium z dziejów kultury. Kraków: PAU, 2004. – 339 s. etc.

⁵⁰ *Kuchowicz Z.* Miłość staropolska. Łódź: Wydaw. Łódzkie, 1982. – 595 s.

⁵¹ *Kuchowicz Z.* Z badań nad stanem biologicznym społeczeństwa polskiego od schyłku XVI do końca XVIII w., Łódź: Łódzkie Towarzystwo Naukowe. 1972 -142 s.; *Idem.* Wpływ odżywiania na stan zdrowotny społeczeństwa polskiego w XVIII wieku. Łódź: Uniwersytet Łódzki, 1966. 289 ss; *Idem.* O biologiczny wymiar historii: książka propozycji. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1985. – 251 ss. etc.

⁵² *Kuchowicz Z.* Człowiek polskiego baroku. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1992. – 418 p.

⁵³ *Kuchowicz Z.* Wizerunki niepospolitych niewiast staropolskich XVI-XVIII wieku. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1972. – 460 s.; *Idem.* Żywoty niepospolitych kobiet polskiego baroku. Łódź: Wydawnictwo Towarzystwa Krzewienia Kultury Świeckiej 1989. – 157 s.

⁵⁴ *Kuchowicz Z., Libiszowska Z.* The child in the polish family in the XVIII century // *The Polish Review* Vol. 27, No. 3/4 (1982), pp. 70-83.

В целом польская историография разрабатываемой нами темы развивалась в несколько ином русле, нежели литовская или советская. В то время как литовская историография вслед за отечественной дореволюционной и ранней советской изначально была ориентирована на исследование общих проблем и тенденций с опорой на законодательные источники, польские ученые сосредоточились на биографических исследованиях. Как показало время, путь последних от «женских исследований» к гендерным оказался гораздо короче, чем у их литовских и российских коллег.

В 1990-х гг. историки стран бывшего СССР столкнулись с необходимостью формирования национальной истории. В России, где вопрос о национальной исторической памяти и государственной идентичности стоял не так остро, как в других бывших республиках, после довольно длительного перерыва возобновляется интерес к истории Великого княжества Литовского. Появляются работы, посвященные историографии⁵⁵, социально-политическим процессам в Литовском государстве, истории международных отношений, религии и духовной жизни, сравнению ВКЛ с Россией⁵⁶. А.Ю.Дворниченко постарался проследить, как древнерусские земли в рамках Великого княжества Литовского продвигались от общинного наследия Киевской Руси⁵⁷ к социальной и политической структуре раннего военно-служилого государства. Ему удалось показать, что постепенно меняя свою социальную структуру и политическое устройство, эти земли сохраняли массу архаических традиций⁵⁸. Особенно интересно для нашей работы наличие таких явлений в праве Великого Княжества Литовского⁵⁹.

---

⁵⁵ Мегем М. Е., Вакар М. Дореволюционная и советская историография средневековой Литвы в трудах современных российских историков // Балтийский регион. 2014. № 4 (22). С. 126 – 136.

⁵⁶ См.: Филошкин А.И. Изучение Великого княжества Литовского и Речи Посполитой в российской историографии 1990-х гг: проблемы, тенденции и перспективы. // Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння у 1991 – 2003 гг. Мінск: Медисонт, 2006. с.8 – 15.

⁵⁷ Дворниченко А.Ю., Фроянов И.Я. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд.-во Ленинградского университета, 1988. – 269 с.

⁵⁸ Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского... С.214 – 218.

⁵⁹ Там же. С. 61 – 76. См. также: Дворниченко А. Ю. Уголовное право западнорусских земель и Судебник 1497 г. // Судебник Ивана III. Становление самодержавного государства на Руси: Сб. ст. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. С. 120 – 136.

Однако, вне поля зрения отечественных ученых оставались вопросы, связанные с гендерными проблемами, в том числе историей семьи и брака. Современные работы К.Ю.Ерусалимского частично заполняют этот пробел⁶⁰.

Как отмечает А.И.Филюшкин, изучение истории Литвы на современном этапе в большинстве случаев является «личной творческой инициативой исследователя»⁶¹. Более того, как правило, изучение проходит в контексте глобальных проблем: истории международных отношений, восточноевропейских войн, культурной, литературной, религиозной жизни⁶², истории России в целом⁶³. Это значит, история Литовского государства по-прежнему рассматривается исследователями в качестве «дополнительной», «второстепенной», что не способствует разработке отдельных тем внутривосточной и социальной истории региона.

Если для российских исследователей гендерная история Великого княжества Литовского пока так и не стала привлекательной⁶⁴, то в Белоруссии и Украине ситуация несколько иная.

В Белоруссии исследовательницами Г.В.Дзербиной и Н.В.Слиж на протяжении последних десятилетий активно разрабатываются проблемы истории семьи и брачных стратегий мужчин и женщин в обществе второй половины XVI – начале XVII вв. В монографии Г.В.Дзербиной «Право и семья в Белоруссии в эпоху Ренессанса»⁶⁵, вышедшей в 1997 г. и переизданной с существенными дополнениями в 2007 г., рассматривается эволюция брака, как юридического института. Г.В.Дзербина анализирует процесс

---

⁶⁰ *Ерусалимский К.Ю.* История одного развода // Соціум. Альманах соціальної історії. Вип.3. Київ: Інститут історії України НАН України 2003. С.149 – 176.; *Ерусалимский К.Ю.* Гендерная асимметрия в средневековой Вольни: (по поводу исследований Н. Старченко) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / под ред. Л.П. Репиной. М.: Российская Академия наук, Институт всеобщей истории, 2007. № 13. С. 261–275.

⁶¹ *Филюшкин А.И.* Изучение Великого княжества Литовского и Речи Посполитой в российской историографии 1990-х гг... С.14.

⁶² Там же.

⁶³ *Дворниченко А. Ю.* Российская история с древнейших времён до падения самодержавия. М.: Изд-во «Весь Мир», 2010. С. 225 – 259.

⁶⁴ Хотелось бы верить, что недавно защищенная диссертация А.А.Бондаренко, посвященная грамотам Боны Сфорца православному духовенству, иллюстрирует рост интереса к литовской государственности и ее выдающимся представительницам у современных исследователей. См: *Бондаренко А. А.* Грамоты польской королевы Боны Сфорца православному духовенству Великого княжества Литовского (1523 – 1556): источниковедческое исследование. М.: Изд.-во РГГУ, 2018. – 256 с.

⁶⁵ *Дзербіна Г.В.* Права і сям'я ў Беларусі эпохі Рэнесансу. Мінск: Тэхналогія, 1997. – 175 с.

формирования и закрепления института семьи, показывая как под влиянием экономических и политических факторов древняя форма светского брака постепенно уступает место браку церковному. Исследовательница фокусирует свое внимание на юридическом урегулировании брачных отношений; отдельное место занимает сравнительный анализ эволюции правовой системы Великого княжества Литовского в XV – XVI вв. Следует отметить, что работа Г.В.Дзербины выдержана в общем русле *women' studies* и практически не содержит анализа гендерных ролей в шляхетской семье. Гораздо дальше в этом плане продвинулись исследования Н.В.Слиж, кандидатская диссертация и ряд статей которой освещают различные аспекты взаимоотношений мужчины и женщины с точки зрения развития социальных институтов.

Диссертация Н.В.Слиж, защищенная в 2002 г., была посвящена влиянию сословности на формирование и развитие института семьи в Великом княжестве Литовском⁶⁶. В чем-то работа уточняла и дополняла выводы, сделанные Г.В.Дзербиной, однако, в целом же была ориентирована на оценку влияния религиозных и культурных перемен на институт семьи.

Одним из главных выводов Н.В.Слиж был вывод о зависимости социального статуса традиционных социальных ролей от пола⁶⁷. Для женщин исследовательница выделяла как традиционные роли жены и матери, так и роли меценатки и госпожи, характерные для литовского социума XVI в. Традиционными для мужчин, по мнению Н.В.Слиж, были роли рыцаря, политика, защитника, господаря и мецената⁶⁸. Положения, изложенные в диссертации, получили свое развитие и в ряде статей исследовательницы⁶⁹.

---

⁶⁶ *Сліж Н.У.* Шляхецкая сям'я у Вялікім княстве Літоўскім у XVI – XVII стагоддзях: уздзеянне саслоўнага падзелу грамадства на яе фарміраванне і развіццё. Аўтарэферат дысертацыі на суісканне вучонай ступені кандыдата гістарычных навук. Мінск, 2002. – 75 с.

⁶⁷ Там же. С.3.

⁶⁸ Там же. С. 4.

⁶⁹ *Сліж Н.У.* Жанчына у шляхецкай сям'іу XVI – XVII стагоддзях // *Женщины в истории: возможность быть увиденными: Сб. научн. Ст. / под ред. И.Р.Чикаловой.* Мн: БГПУ им.М.Танка, 2001. с. 270 – 277.; *она же.* Сексуальнае жыццё шляхты Вялікага княства Літоўскага у XVI – XVIII стст // *Terra Alba. Т.2. Homo venetus: сексуальная прастора беларускай культуры / под ред. С.І.Даніленкі; Мн: Экаперспектыва, 2001. с. 138 – 167.; она же.* Тэрміналогія па гісторыі сям'і Вялікага княства Літоўскага у XVI – XVIII стст // *Гістарычны альманах.* Мн., 2003. т.9. с.49 – 63.; *она же.* Гендэрна-ролевыя функцыі шляхціца у сям'і і

Примечательно, что Н.В.Слиж одной из первых затронула в своих работах проблему соотношения мужских и женских ролей в шляхетской семье и обществе. Отмечая общую традиционную для патриархальных обществ ориентированность женщины на семью, она указала на высокую значимость социальной активности шляхтянок для реализации успешного жизненного сценария. Однако, обращает внимание исследовательница, шляхтичам, чтобы соответствовать гендерным «стандартам» своего времени, так же важно было справляться не только с общественными ролями – господаря, слуги короля, рыцаря – но и с традиционными семейными – отца и мужа⁷⁰. Акцент на взаимозависимости общественного и личного для лиц обоих полов позволил по-новому взглянуть не только на семейный уклад литовской шляхты, но и на юридические нормы, регулировавшие брачные отношения в XVI – XVII вв.

Большой обобщающей работой по истории семьи и брака в Великом княжестве Литовском стала монография Н.В.Слиж «Брачные и внебрачные отношения шляхты Великого княжества Литовского в XVI – XVII вв.», вышедшая в 2015 г.⁷¹ Институт брака анализируется с точки зрения законодательства, религии и традиций. При этом большое внимание уделяется месту сексуальных отношений в повседневных практиках литовской шляхты: отношение к внебрачному сексу в обществе, религии и правовых нормах, двойные стандарты «дозволенного» и «запрещенного» для женщин и мужчин, механизмы регулирования сексуальных отношений и др. Н.В.Слиж выстраивает свое исследование, исходя из традиционного подхода к гендерным ролям, как к определенным, биологическим константам: шляхтичи исполняли роль защитника и добытчика, доминируя в публичной сфере жизни общества, главной сферой деятельности женщины была семья. Признавая за женщиной большую экономическую свободу и возможность

грамадстве Вялікага княства Літоўскага. // СОЦІУМ. Альманах сацыяльнай історыі. Кіев: Інститут історыі Украіны НАН Украіны, 2005, Выпуск 5. С. 165 – 184.; *она жэ*. Гендэрная ідэнтыфікацыя шляхціча або што такое быць сапраўдным мужчынай у ВКЛ у XVI – XVII ст. // Канструкцыя і дэканструкцыя Вялікага княства Літоўскага: матэрыялы міжнар. навук. Канф. Гродна, 23 – 25 крас. 2004. / пад. Рэд. Н.У.Сліж. Мн: Лімарыус, 2007. с.135 – 142. и др.

⁷⁰ *Сліж Н.У.* Гендэрна-ролевыя функцыі шляхціца у сям’і і грамадстве Вялікага княства Літоўскага... С.135

⁷¹ *Сліж Н.У.* Шлюбныя і пазашлюбныя стасункі шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў XVI—XVII стст. Смаленск: Інбелкульт, 2015. — 672 с.

активного участия в политической жизни страны, Н.В.Слиж тем не менее не рассматривает вопрос об источниках формирования гендера.

Что касается Украины, то здесь необходимо отметить работы Н.П.Старченко. В ее диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Положение женщины-шляхтянки на Волыни второй половины XVI – начала XVII: имущественный и правовой аспекты»⁷² анализируются права и обязанности женщины разного социального статуса: незамужних девушек, жен и вдов. В работе исследуется, как согласно Статуту 1588 г. менялось правовое положение шляхтянки с изменением ее семейного и, следовательно, социального статуса. Отдельно оговариваются региональные особенности уклада жизни литовской шляхты на Волыни в конце XVI – начала XVII вв., также влиявшие на положение девушек и женщин в обществе.

Вариативность социальных практик, на которую указывает Н.П.Старченко, нашла отражение и в терминологии Статутов – в статьях, регулировавших имущественные отношения в семьях⁷³. Неслучайно исследовательница уделяет так много внимания именно терминологическим тонкостям литовского имущественного права, детализируя и уточняя выводы, сделанные И.М.Валиконите⁷⁴. Опираясь на материалы земских и гродских судов, Н.П.Старченко восстанавливает материальное положение женщин-шляхтянок, выявляя общие тенденции в изменениях источников финансирования и характера капиталов. «Независимое материальное положение и договорной характер брака выравнивали гендерную асимметрию в семье, которая возникала вследствие стереотипных представлений о физическом и интеллектуальном несовершенстве женщины, и утверждали партнерский тип отношений между супругами. – Подводит итоги исследовательница. – Все это влияло на реальный вес женщины в

---

⁷² Старченко Н.П. Становище жінки-шляхтянки на Волині другої половини XVI - початку XVII ст.: майновий та правовий аспекти: дис... канд. іст. наук: 07.00.01. Київ, 2002. – 225 с.

⁷³ Там же. С.75.

⁷⁴ Там же. С 115 – 132,,150 – 158 etc.

шляхетском сообществе, вводя ее в отдельных случаях даже в публичную сферу»⁷⁵.

Дальнейшие исследования Н.П.Старченко выходят за рамки изучения гендерных ролей литовского общества, но существенно дополняют работы, посвященные межличностным отношениям в среде волынского шляхетства XVI – XVII вв. Рассматривая публичность как основу всей шляхетской культуры раннего нового времени, Н.П.Старченко дает новую трактовку социального успеха и символического капитала: публичное признание/порицание всевозможных действий зачастую определяло состоятельность мужчины в таких социальных ролях, как «господарь», «шляхтич», «воин» и т.д. В своей монографии «Честь, кровь и риторика. Конфликт в шляхетском обществе Волыни (вторая половина XVI – XVII вв)» исследовательница рассматривает конфликт именно как публичное событие, соблюдение ритуалов которого было необходимо для подтверждения социальной состоятельности шляхтича ⁷⁶. Независимо от того, чем заканчивался конфликт – наездом и разорением имения, дуэлью или примирением в суде – важность следования «рыцарским идеалам» являлась основополагающей, т.к. входила в сложный портрет «настоящего мужчины (шляхтича)»⁷⁷. Подчеркивая важность подобной состоятельности именно для мужчин, Н.П.Старченко также отмечает значимость того, насколько женщины были вовлечены в публичную сферу жизни общества, как отличительную черту волынского социума⁷⁸.

Что касается постсоветской литовской историографии, гендерное направление занимает видное место в исследованиях литовских ученых. В 1996 г. в свет вышла большая энциклопедия, содержащая краткие

---

⁷⁵ Там же. С.201.

⁷⁶ Старченко Н. П. Честь, кров і риторика. Конфлікт у шляхетському середовищі Волині (друга половина XVI - XVII століття). Київ: Laurus, 2014. – 508 с.

⁷⁷ Там же. С.237.

⁷⁸ Старченко Н.П. Публічність як домінанта культурної традиції: Волинь 2 п.16 ст. // Mediaevalia Ucrainica, т. 5. Київ: Akademia, 1998 с. 68 – 81.; она же. Шлюбна стратегія двів і кілька проблем навколо неї (шляхетська Волинь кінця XVI ст.). «Каждая вдова ест себе панєю, и ничиих владзі не подлегла», або Правова дієздатність вдови // Київська старовина. К., 2001. № 1. С. 42 – 63.; она же. Честь як регулятор шляхетського повсякдення (Волинь останньої третини XVI – початку XVII ст.) // Український історичний журнал. Київ, 2012. №6. С.25 – 39. и др.

биографические справки о знаменитых литовских женщинах (переиздана в 2008 с существенными дополнениями)⁷⁹. Биографии знатных шляхтянок и великих княгинь литовских были восстановлены по не публиковавшимся ранее источникам частного происхождения, что позволило внести в истории их жизней ряд важных дополнений и уточнений.

С конца 1990-х по настоящее время продолжают исследования И.М.Валиконите, посвященные изучению женского статуса в источниках XVI в.⁸⁰

Большой вклад в развитие гендерного направления внесли работы Й.Сарцявичене о стереотипных женских образах в литературных произведениях конца XVI – начале XVII вв. Исследовательнице удалось воссоздать механизм конструирования женских образов и основные черты идеальной женщины, представленной в панегириках Великого Княжества Литовского⁸¹. В монографии исследуется 399 панегириков (написанных на похороны и на свадьбы), содержащих информацию о 155 женщинах. Эти сведения позволили не просто определить основные добродетели, которые ценились в литовском обществе на рубеже XVI – XVII вв., но и воссоздать модель идеальной семьи. Судя по панегирикам, прежде всего, литовская мораль воспевала, взаимное уважение и любовь в семье, а так же стремление супругов к единой цели в создаваемом браке⁸². Семейные роли жены и мужа были различными (просто не могли быть одинаковыми), но говорить об иерархии и строгом подчинении одного супруга другому в идеальной семейной модели не приходится. Исследовательница также указывает, что, несмотря на довольно высокую степень свободы, которой пользовались литовские женщины на практике, в обществе все равно существовали

---

⁷⁹ *Butkuvienė A. Amžinos moterys: izymios XIV – XIX a. Lietuvos moterys. Kaunas: Baltos lankos. 2008. – 358 p.*

⁸⁰ *Valikonyte I. Nasles vainikine Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštysteje XVI a.: norma ir realybe // 1566 metu Antrasis Lietuvos Statutas. Respublikines mokslines konferencijos, skirtos Antrojo Lietuvos Statuto 425-osioms metinems pažymety, medžiaga. Vilnius, 1993. p.82 – 90; Eadem. The Venets of noblewomen in the Grand Duchy of Lithuania. // Lithuanian Historical studies. 1997, Vol.2, p.97 – 107.; Eadem. Lietuvos metrikos 4-oji Teismu bylu knyga – saltinis moters statusui tirti // Lietuvos Metrikos Studijos. 1998. p. 124 – 148. и др.*

⁸¹ *Sarcevičienė J. Idealusis moters modelis XVI a. II P. – XVII a. I P. Progineje literaturoje Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštysteje. Vilnius: Versus aureus, 2000. – 276 p.*

⁸² *Ibid. P.156.*

теоретические модели, построенные на убеждении, что женщины изначально слабее и менее нравственны, нежели мужчины. Впрочем, тут же замечает Й.Сарцявичене, эти убеждения не ослабляли и не подрывали женский авторитет в качестве жены или матери в обычной жизни⁸³. На сегодняшний день монография Й.Сарцявичене является наиболее комплексным исследованием, посвященным гендерным ролям женщин в обществе Великого княжества Литовского. Интерес также представляет ряд статей этого автора, раскрывающих принципы формирования стереотипного восприятия женщин в литовской историографии⁸⁴, а также материнству и способам самопрезентации женщин в литовском обществе в XVI – XVII вв.⁸⁵

Отдельного упоминания заслуживают докторские диссертации Ю.Чирунайте и И.Карпявичене. В поле зрения Ю.Чирунайте попали женские имена, присутствовавшие в войсковой переписи Великого княжества Литовского⁸⁶. Исследовательница анализирует социальное положение женщин, несших воинскую повинность, и обстоятельства их жизни. И.Карпявичене занимает отдельный тип женщин XVI в. – горожанки. На примере двух крупнейших литовских городов (Вильнюс, Каунас) она показывает особенности складывания гендерной идентичности девушек и женщин в условиях городской жизни⁸⁷.

В 2001 г. Р.Рагаускене и А.Рагаускасом были изданы письма, пожалуй, одной из самых знаменитых литовских женщин – Барбары Радзивилл⁸⁸. Ее захватывающая и трагическая судьба не раз становилась темой как научных изысканий, так и художественных произведений. Интерес представляют не только сами письма, но и обширный научный комментарий, который

---

⁸³ *Ibid.* P.220.

⁸⁴ *Sarcevicene J.* Vieno stereotipo istorija – LDK moterys ivaizdis istoriografijoje // *Feminizmas, visuomene, kultura.* №1. p. 30 – 39.

⁸⁵ *Sarcevicene J.* Moterys // *Lietuvos Didziosios Kunigaikstijos kultura: tyrinejimai ir vaizdai.* Vilnius, 2001. p. 397 – 412.

⁸⁶ *Cirunaite J.* Moteru ivardijimas Lietuvos Didziosios Kunigaikstystes kariuomenes dokumentuose. Kaunas: Vytauto Didziojo universiteto leidykla, 2000. – 276 p.

⁸⁷ *Karpaviciene J.* Moters statusas Lietuvos miestuose iki XVI a. vidurio: Vilniaus ir Kauno pavyzdys. Vilnius: Versus Aureus, 2005. – 280 p.

⁸⁸ *Ragauskiene R., Ragauskas A.* Barboros Radvilaite laiskai Zygmantui Augustui ir kitiems: studija apie XVIa. Lietuvos Didziosios kunigaikstystes moteru korespondencija. Vilnius: Vaga. 2001. – 256 p.

содержит комплексный анализ характерных особенностей женской корреспонденции середины XVI в.

В область научных интересов Р.Рагаускене также входят двор великих княгинь литовских, институты опеки, историография и методология гендерной истории⁸⁹.

В рамках антропологических исследований в Литве издаются сборники статей и материалов конференций, посвященные телу и сексуальной эстетике в культуре Литвы, гендерному аспекту проблем национальной идентичности⁹⁰. Созданный в Вильнюсском университете Центр гендерной истории принимает активное участие как в публикации архивных источников, так и в междисциплинарных исследованиях. Как отмечает Р.Рагаускене, гендерное направление в современной литовской исторической науке постепенно переходит от чисто методологических разработок к попыткам применения данной методологии на практике.⁹¹

Нельзя не сказать о польских исследованиях по интересующей нас теме. Здесь стоит отметить работы Марии Богуцки, которая от «женских исследований»⁹² в 1980-х – 1990-х гг. обратилась к гендерной истории Польши⁹³. Ее труд «Женщины в истории Польши», по сути, был первым серьезным исследованием места женщин в обществе Речи Посполитой. Вышедшая впоследствии на английском языке монография «Женщины в обществе Польши в раннее новое время»⁹⁴ аккумулировала все предшествующие исследования по «женской теме». М.Богуцка рассматривает

---

⁸⁹ *Ragauskiene R.* The Households of XVI century Lithuanian great noblewomen. // *Lithuanian Historical studies*. 2003, t.8. p.24 – 38.; *Eadem.* XVI a. LDK didikiu patronatas. // *Lithuanistica*, 2005. Nr.1, p.1 -19.; *Eadem.* XVI a. Lietuvos Didziosios Kunigaikstystes moterys: istoriografinis ir praktinis poziuris // *Moterys, darbas, seima. Luciu vaidmenys uzimtumo sferoje: sociokulturinis aspektas*. Vilnius, 2008. p.146 – 165. etc.

⁹⁰ *Teraskinas A.* Kuno zymes: seksualumas, identitetas, erdve Lietuvos kulturoje. Vilnius: Baltos lankos, 2001. – 174 p.; *Berenis V., Beresnevicius G., Samalavicius V., Savukynas V.* Lituviu mentalitetai: tautine istorija ir kulturos problemos. Vilnius: Kultūros, filosofijos ir meno institutas, 2002. – 273 p; *Tipas ir individas Lietuvos Didziosios Kunigaikstystes kulturoje / sud. J.Liskeviciene, T. Raciunaite.* Vilnius: Vilniaus Dailės akademijos leidykla, 2002. – 267 p. etc..

⁹¹ *Ragauskiene R.* XVI a. Lietuvos Didziosios Kunigaikstystes moterys: istoriografinis ir praktinis poziuris... p. 147.

⁹² *Bogucka M.* Указ. Соч.

⁹³ *Bogucka M.* Gorsza płec. Kobieta w dziejach Europy od antyku po wiek XXI. Wroclaw: Trio, 2005. – 378 p.; *Eadem.* Białogłowa w dawnej Polsce. Kobieta w społeczeństwie polskim XVI-XVIII wieku na tle porównawczym. Wroclaw: Trio, 2003. – 224 p. Etc.

⁹⁴ *Bogucka M.* Women in Early Modern Polish Society, Against the European Background. Burlington, 2004. – 226 p.

женщину как активную участницу исторического процесса. Она пытается оценить роль женского труда в городах и сельской местности, влияние Реформации на общественное положение женщин, а также их роль в политической истории Польши в сравнении с другими странами Центральной Европы. Благодаря комплексному подходу М.Богуцке удалось продемонстрировать, как влияли общие исторические процессы на бытовую жизнь полячек с XVI по XVIII вв. Женщина, по М.Богуцке, не безвольный и безучастный свидетель исторических событий, но не менее активный, чем мужчина, Творец, создающий историческую реальность.

Безусловный интерес представляют и польские публикации источников, в частности – дорожных дневников путешественниц XVII – XVIII вв. Как правило, мы привыкли видеть в качестве рассказчика – мужчину, совершающего длительное путешествие и делящегося собственными наблюдениями о жизни в посещаемых им странах. Публикации Б.Роком дорожного дневника Теофилии Констанции Моравской⁹⁵, совершившей в 1773 – 1774 гг. путешествие по Европе, открывает новый жанр в женском историческом нарративе. Подобный опыт весьма ценен для историков гендера, т.к. дорожные дневники, или путевые заметки, содержат личностные оценки и наблюдения, что позволяет судить об индивидуальной системе ценностей автора текста, его (в нашем случае – *ее*) мировоззрении, интересах и трудностях. Это выводит изучение роли женщины в истории на качественно другой уровень, делает ее не объектом, а субъектом исторического процесса. К сожалению, подобный подход применим только к более позднему периоду – самые ранние женские дорожные дневники датируются второй половиной XVII в. Что же касается века XVI, то в нашем распоряжении находится большое количество источников, по которым можно судить о деятельности выдающихся и рядовых женщин Великого княжества Литовского. Однако, их мнения, мысли

---

⁹⁵ *Morawska T.S. Diariusz podróży 1773 – 1774. / ws. i oprac. B.Rok. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002. – 260 p.*

и реакции на исторические события по-прежнему остаются недоступны исследователям.

Изучение историографии подтверждает актуальность избранной для изучения темы. Для отечественной историографии гендерная проблематика Великого княжества Литовского явно относится к разряду белых пятен. Этого не скажешь об историографии Украины, Белоруссии, Литвы, Польши. Развившаяся здесь историографическая традиция облегчает работу над темой, предоставляя определенный исследовательский инструментарий и компендиум фактов. В то же время анализ этой историографии ясно показывает отсутствие комплексного исследования, посвященного динамике развития гендерных ролей в обществе Великого княжества Литовского.

Источниковая база исследования

В работе использовано несколько групп источников⁹⁶.

I. Законодательные акты: Литовские Статуты, являвшиеся главным сводом законов в Великом княжестве Литовском в XVI веке, а так же более ранние памятники литовско-русского права – Судебник Казимира, королевские привилеи и распоряжения, касающиеся различных привилегий шляхетства. Три редакции Статута – 1529, 1566 и 1588 года – отражают юридическое положение женщины на протяжении всего XVI века. Литовский статут 1529 года в этом смысле представляется наиболее архаичным, сохраняющим многие нормы традиционного права, направленным на закрепление действовавших норм в виде закона. Не следует думать, что Статут немедленно вытеснил из повседневной жизни нормы обычного права. Он скорее расставил приоритеты среди бытовавших тогда норм, определил единое направление дальнейшего их развития. С другой стороны, очевидная

---

⁹⁶ Мы сосредоточились на изучении источников светского характера, поскольку нас в большей степени интересовали ежедневные практики шляхтичей и их рабочие стратегии гендерного поведения. Канонические тексты, как правило, содержат в себе канонические же «шаблоны», не всегда отражающие реальную картину в обществе. Более того, ряд вопросов, связанных с взаимоотношениями полов, в Великом княжестве Литовском в XVI в. уже относился к светскому семейному праву, а вопрос о влиянии церкви на быт литовской шляхты является весьма спорным. Об общей религиозной ситуации в ВКЛ и Речи Посполитой см: наст.исследование. Гл.3. 1.

компилятивность Первого литовского Статута не позволила этому своду законов снять противоречия существовавших тогда многочисленных правовых норм.

Следует отметить, что Статут 1529 г. не был напечатан и был распространен на территории Литвы в многочисленных списках, вследствие чего не существует единой редакции этого правового памятника. Систематизация и анализ большинства списков были предприняты исследователем С.Борисенком⁹⁷, выводы которого впоследствии были пересмотрены В.И.Пичетой⁹⁸.

Статут 1529 г. разделен составителями на 13 разделов — глав. Он определял прерогативы великокняжеской власти (разд. I), содержал подробные законоположения «Об обороне земской» (разд. II), кодифицировал личные и сословные права шляхты (разд. III), подробно разрабатывал вопрос о женском землевладении (разд. IV) и об опекуном праве (разд. V). Отдельный раздел (VI) посвящен организации суда и судебного процесса. Остальные разделы посвящены уголовным преступлениям против личности и собственности шляхты, а также другим видам нарушения права на недвижимую и движимую собственность — «О квалтех земских, о боех, о головщинах шляхетских» (разд. VII); «О права земские, о границах и о межах, о копах» (разд. VIII); «О ловы о поуцу и бортное дерево и озера, о бобровые гоны, о соколие гнезда и о хмелища» (разд. IX). Специальный раздел посвящен так называемому «заставному» праву — «О имениях, которые в долзех, и о заставы» (разд. X). В последующих главах Статут определяет «головщины людей поутных и мужицкие и паробоцкие» — денежные вознаграждения за преступления, совершенные землевладельцами против личности «простых людей» (разд. XI), касается вопроса «о грабежи и навезки», вознаграждения за разного рода преступления имущественного

---

⁹⁷ Борисенко С.И. Списки Литовського Статуту 1529 р.// Праці комісії для вивчення історії західно-руського та українського права. Вып. VI. Киев, 1929. С.36 – 109.

⁹⁸ Пичета В.И. Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Минск. 1960 [Электронный ресурс] // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и запада. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XVI/1520-1540/Statut1529/framevved.htm> (дата обращения - 02.02.2018)

характера (разд. XII). Последний раздел — «О злодействе» — посвящен уголовным преступлениям, совершенным «людьми простого стану»⁹⁹. В центре нашего внимания оказались раздел о женском землевладении, опекунстве, а также некоторые разделы уголовного права.

Вторая редакция Статута была принята королевским привилеем в 1566. Утверждение второй редакции Статута было внесено в «отказы» великого князя Сигизмунда Августа, данные им на Виленском сейме 1565 – 1566 гг.¹⁰⁰. Эта редакция призвана была отразить изменения, произошедшие в литовском обществе за предыдущие 40 лет, главным образом закрепить существенно расширившиеся привилегии рыцарства и шляхетства. В контексте данного исследования стоит упомянуть, что во второй (а затем и в третьей) редакции все статьи, так или иначе затрагивающие вопросы женской «чести» отнесены в раздел «О вольности шляхетской».

Повторное изменение главного свода законов в 1588 г. было вызвано существенными изменениями в самой политической системе Великого княжества Литовского после «победы Польши в спорах с Литовско-русским государством»¹⁰¹. Последняя редакция была издана на польском и русском языках, при чем оба издания имели одинаковую юридическую силу вплоть до 1786 г.¹⁰² Наибольшее распространение получили списки на польском языке, с которых уже после вхождения части польских земель в состав Российской Империи были напечатаны первые издания Статута на русском языке. В настоящее время большинством исследователей список на русском языке, изданный Львом Сапегой в 1588, признается первичным, а польский перевод 1616 года – наиболее точным¹⁰³.

Несмотря на коренные изменения в самом государственном устройстве Литовского княжества и связанные с ними перемены в правовой системе, те нормы Статутов, которые вызывают у нас особый интерес, а

---

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ *Ланно И.И.* К вопросу об утверждении Литовского Статута 1588. Пг.: б/и, 1914. С.9.

¹⁰¹ Там же. С.11.

¹⁰² *Пташицкий С.Л.* К вопросу об изданиях и комментариях Литовского Статута. СПб.: Тип.С.А.Корнатовского, 1893. С.39.

¹⁰³ *Лазутка С.А.* Предисловие // Третий Литовский Статут 1588 г. Вильнюс: Вильнюсский Ун.-т, 1989. С.5

именно нормы, так или иначе регулировавшие взаимоотношения полов, мало изменились от первой редакции к третьей.

В поле нашего зрения оказались: имущественное право, нормы уголовного права (раздел о преступлениях против нравственности и семейного права), семейное право, регулировавшее бракоразводные процессы в Великом княжестве Литовском и находившееся в тесной взаимосвязи с правом имущественным.

Хотелось бы заметить, что мы не останавливаемся подробно на вопросах источников Литовского Статута, поскольку данный вопрос ввиду своей сложности требует отдельного исследования. Непосредственно в нашей работе мы коснемся лишь отдельных моментов, связанных с источниками уголовного и семейного права.

II. Хозяйственная документация.

В работе использованы документы из архивов т.н. высшего шляхетства – крупнейших знатных родов Литвы, т.к. именно высшая шляхта в большей степени была вовлечена во всевозможные культурные и социальные эксперименты, а ее интересы и предпочтения зачастую предопределяли эти изменения в обществе Великого княжества Литовского.

Нас интересовали следующие типы документов:

1. Змовные листы

Змовные листы составлялись при помолвке между шляхтичем и родственниками невесты и являлись своеобразным прообразом брачного договора. В них оговаривались все подробности предстоящей свадьбы: срок свадьбы (между сговором и свадьбой обычно проходило от 6 месяцев до 2 лет¹⁰⁴), размер приданого, вена, примерные расходы обеих сторон на торжество, отступные в случае отмены брака и т.д. Змовные листы составлялись в свободной форме в присутствии свидетелей и имели юридическую силу в суде. В случае если одна из сторон не выполняла обязательств (например, если жених не являлся в условленный срок на

---

¹⁰⁴ *Сліж Н.У. Шлюбныя і пазашлюбныя стасункі шляхты Вялікага Княства Літоўскага... С.27*

свадьбу без уважительной причины, какой могла быть только серьезная болезнь или война, или же родные невесты вдруг решали отложить или отменить свадьбу), потерпевшая сторона на основании змовного листа могла требовать денежную компенсацию.

2. Веновые записи и дарственные.

Вено – особая форма женской собственности – записывалось женихом невесте перед свадьбой и должно было составлять двойную сумму приданого. Веновые записи составлялись одновременно с «змовным» листом в вольной форме и представляли собой перечень имущества (чаще – движимого, но иногда в качестве вена записывались и поместья¹⁰⁵) с указанием его общей стоимости. Записи составлялись в суде в присутствии представителей местной власти; в некоторых случаях подпись каштеляна заменяли подписями двух (и более) свидетелей, что так же делало веновую запись действительной. Веновые записи оформлялись до заключения брака и наряду с змовным листом являлись гарантом выполнения сторонами взаимных обязательств.

В отличие от веновых, дарственные могли оформляться в любое время до и после заключения брака и означали передачу имущества в полное личное владение. Они составлялись в том случае, если на момент заключения «змовного» листа мужчина не обладал необходимыми средствами, или же просто в знак любви и уважения к супруге¹⁰⁶. Впрочем, имела место и обратная ситуация, когда женщины записывали мужьям имения в знак особой любви и преданности¹⁰⁷. Записи составлялись по определенной схеме: даритель (полное имя с указанием всех регалий) указывал того, кому он передает право собственности (используется формулировка «записать в дар...»), далее следовало краткое описание имущества, и указывалась причина, по которой был сделан подарок.

¹⁰⁵ Напр.: Дарственные записи на имения и участки земли с крестьянами и имуществом // ЛГИА. Ф.1280. Оп.1.Т.1. №973.; № 1426; Оп.2. №527; Ф.1177. Оп.1 Т.1.№170.172 и др.

¹⁰⁶ Напр: веновые записи и дарственные записи «за любовь» // Архив Юго-западной России (далее – АЮЗР) Ч.8. Т.III. Акты о брачном праве и семейном быте в Юго-Западной Руси в XVI – XVII вв. Киев: Тип. Киевского Университета Св.Владимира. 1909. С. 14 - 16, 27, 30 др.

¹⁰⁷ Запись части имения Жабер и местечка Хомск и им. Кородыше // ЛГИА Ф.1280. Оп.1. №1426.

Причина могла быть указана любая: за рождение наследника, в знак примирения, в знак любви и особого расположения и т.д.¹⁰⁸.

3. Брачные договоры

Широко используемая практика брачных договоров не только регулировала отношения между супругами, но и, как правило, существенно расширяла имущественные права женщины, позволяя обойти ограничения, накладываемые Статутами.

Договоры подобного рода делятся на полные и неполные (затрагивают все имущество или его часть). Так же могут быть безусловными (исполняются вне зависимости от внешних обстоятельств) или условными (например, исключавшие повторный брак после смерти одного из супругов, или заранее обговаривают минимальное количество детей, рожденных в браке).

Договоры составлялись в присутствии свидетелей по определенной схеме. После указания полных имен и всех регалий обоих супругов указывается причина, по которой составляется договор, далее следует перечень имущества, принадлежащего каждому из супругов, обязательства обеих сторон по отношению друг к другу и санкции в случае их нарушения. Подчеркивается обоюдный добровольный характер заключения договора, после чего следуют подписи обоих супругов.

С помощью брачных договоров и дарственных мужчина при желании мог обеспечить жене полное право собственности на землю и тем самым обезопасить ее от возможных судебных тяжб и разбирательств с родственниками в случае его смерти¹⁰⁹. Дарственные и брачные договоры, в

---

¹⁰⁸ Напр.: Материалы по делам Хельшки Кишки, вдовы Яна Кишки // Там же Ф.1280. Оп.1. №40.39; Материалы, относящиеся к им.Велешын, Душево, Хреск и иных, 1571 – 1583 // Там же. №575; Акты продажи и передачи в собственность. Судебная документация // Там же. №576; Грамоты, инвентари, завещания // Там же. Ф.599. №513 и др.

¹⁰⁹ Напр.: Материалы о процессах Кишки Станислава и Хамынки, урожденной Сапега // ЛГИА. Ф.1280. Оп.1. 35.35.; Реестр документов с 1557 по 1595 г. // Там же. №204.; Облигационные записи, записи в дар, завещания и проч. // Там же. №308; Материалы, ассигновки, квитанции. // Там же. №310 – 312 и др.; Выписки, инвентари, завещания // Там же. Ф.599. № 513.; Акты продажи и передачи земельных участков имения Войчово // Там же. Ф.1177. Оп.1. №.168.; Акты купли-продажи и другие материалы по имению Войчово и принадлежащим к нему участкам, деревням и проч. // Там же. № 169.

отличие от завещаний, не могли быть оспорены в суде третьими лицами (за исключением случаев, когда доказывали подлог).

4. Завещания

Завещания и связанные с ними документы судебных разбирательств помогают адекватно оценить влияние такого института, как «опека», на экономическое и социальное положение женщины.

Завещания составлялись в присутствии двух и более свидетелей по установленному образцу. Первая часть – строго каноническая, где объясняются причины составления завещания (желание обеспечить семью всем необходимым, исполнить свой материнский/отцовский долг и т.п.), включаются цитаты из Святого Писания с рассуждениями о конечности земной жизни и покаяние в грехах перед Богом и людьми. Далее следует подробное описание всего имущества (движимого и недвижимого): фактическая стоимость, где расположено, когда и у кого было приобретено. Если умирающий оставлял долги (или кто-то был должен ему), об этом в этом же разделе делалась соответствующая запись.

Следом идет основная часть – распределение, что из перечисленного, кому из родственников и на каких условиях оставляется. Для женщин – наследниц фиксировалось имя опекуна, который должен был распоряжаться оставленным имуществом (есть не во всех завещаниях!), а так же различные условия опеки. До 1570-х годов в некоторых документах встречается формулировка непосредственного «завещания» женщины (вдовы, дочери, сестры) родственнику или близкому другу, что, судя по всему, накладывало на опекуна дополнительную ответственность и вводило ряд ограничений.

Подписи самого завещателя и двух свидетелей придавали документу юридическую силу, однако, они есть не на всех документах. Отсутствие одной или нескольких подписей являлось основанием для признания завещания недействительным, о чем делалась соответствующая запись в актовых книгах.

5. Хозяйственные письма, копии королевских именных привилеев и судебных решений по делам о заключении/расторжении брака, имущественным и наследственным спорам.

Документы содержат сведения о таких каждодневных заботах, как межевание земель, продажа/покупка сенокоса, текущие дела имения, разбор наездов и мелких краж и т.д. По ним можно определить характер имущественных взаимоотношений, в которые были вовлечены шляхтянки, экономическое положение знатных женщин и степень их зависимости от мужчин. Так же эти документы являются источником для определения ореола социального опыта литовской женщины при отсутствии или недееспособности мужчины, традиционно выступающего в качестве хозяина имения.

С целью ознакомления с названными источниками были проработаны личные архивы следующих знатных родов: Радзивиллов, Огинских, Шанявских, Тышкевичей, Кишек, Острожских, Гаштольдов, Меницких, Воловичей, Богушевских, Ходкевичей и др.

При работе над диссертацией использовались следующие архивные фонды:

II. 1. Литовский государственный исторический архив (далее – ЛГИА)

II.1.1. Фонд 599. Личный фонд Меницких, 1493 – 1939. Фонд содержит 1 опись на русском языке, 318 дел.

Меницкие – древний род, владевший несколькими имениями в Полоцком воеводстве с конца XV в. Исследователи родословных литовского дворянства отмечают, что род Меницких имел белорусские корни, однако после принятия католичества в начале XVI в. полоцким воеводой Яном Меницким и его родными, быстро перенял польские традиции и язык¹¹⁰.

Материалы, составляющие архив Меницких, можно разделить на несколько групп: хозяйственные документы с конца XV в, отражающие

---

¹¹⁰ *Хоронжичевски В., Деген Р.* Рышард Меницкий – исследователь белорусских архивов. [Электронный ресурс] // Репозиториум Университета им. Н.Коперника. https://repozytorium.umk.pl/bitstream/handle/item/1895/Ryszard_Mienicki_jako_badacz_archiwow_bialoruskich.pdf?sequence=1 (дата обращения – 26.02.2017)

экономическую историю рода; личные документы представителей рода с начала XIX в.; материалы по истории Полоцкого воеводства XVIII – XIX вв.; материалы по истории польско-литовских родов, не вступавших в сношения с Меницкими, полученные в результате коллекционирования двумя представителями рода – Винсентом и Ричардом Меницкими¹¹¹. К таковым относятся документы по истории родов Добожинских, Бжостовских, Вазгирдов, поместий Воронь, Выдрей, Лукомское и др¹¹².

По теме нашего исследования выявлено 18 дел, содержащих вендовые и дарственные записи, брачные договоры, а так же завещания и решения королевских судов, проходивших с участием женских представительниц рода Меницких и других¹¹³.

В фонде содержатся документы на старобелорусском, польском и латинском языках.

П.1.2. Ф. 716. Личный фонд Тышкевичей., 1451 – 1915. 4 описи на русском языке, 6705 дел

Тышкевичи – один из самых знаменитых и многочисленных родов Великого княжества Литовского. Ведя историю происхождения от смоленского воеводы Тышки (Тимофея) Мишковича, к XVIII в. Тышкевичи владели многочисленными имениями в Брестком, Луцком, Виленском и Трокском поветах. Среди представителей рода – воеводы, епископы, послы, каштеляны и даже родственники короля (Людвиг Тышкевич был женат на сестре последнего польского короля Констанции Понятовской)

---

¹¹¹ Там же.

¹¹² Материалы Викентия Меницкого. Копии имущественных и хозяйственных и других документов. XV – XVII вв // ЛГИА. Ф.599. Оп.1. №.3.; Материалы (акты продажи земли, залоговые акты, планы имений) // Там же. №103; Материалы (акты продажи земли, залоговые акты, планы имений Меницких, Измайловичей // Там же. №116.; Материалы, относящиеся к имению Лукомское // Там же. №.117.; Материалы (инвентари, акты размежевания земли, завещания) имений Витебского и Полоцкого воеводств // Там же. №.202.; Материалы, относящиеся к имению Воронь // Там же. № 254. и др.

¹¹³ Материалы (вызовы в суд, долговые обязательства), относящиеся к имению Боршковичи // Там же. №221. Материалы (инвентари, межевые документы, судебные решения) о переходе имений Душки и Боршковичи в собственность Добожинских // Там же. №229.; Акты захвата земель, грабежей // Там же. №230.; Материалы имущественные и судебные, относящиеся к им.Двожец Пинского уезда // Там же. № 266. Материалы (грамоты, инвентари, завещания) // Там же. №313. и др.

В Литовском историческом архиве хранятся документы по истории старшей ветви рода Тышкевичей – Скумин-Тышкевичей и, следовательно, Трокского, Новогрудского, Виленского и Брестского поветов.

Документы по XV – XVI вв. представляют собой единый массив, общим количеством 452. Из них по XVI в. нами использовано 5 дел в хронологических рамках 1563 – 1573, включая грамоты Сигизмунда Августа и копии судебных постановлений¹¹⁴. Язык грамот: польский, старобелорусский, немецкий, русский.

П.1.3. Ф.1288. Фонд Радзивиллов. 1416 – 1939. 2 описи на русском языке, 3355 дел.

Фонд самого многочисленного и самого значимого литовско-польского рода содержит большую часть хозяйственных и судебных документов. Фонд разделен на 16 групп по следующим критериям:

- ✓ по архивам (Несвижский, Неборовский и др)
- ✓ по ординациям (Несвижская, Клецкая, Давидогрудская и др.)
- ✓ по имениям (Волынь, Злочев, Помошаны, Ходов, Урмань и др.)

Фонд содержит документы, относящиеся не только к истории самого рода, но так же к истории близких родов (опись 2): Кишки (родственники Радзивиллов по женской линии), Соколинских, Богушевских, Лапы, Линевицей, Пузиновских, Виляловичей и др.

В рамках исследования обработаны документы, охватывающие хронологический период 1545 – 1599. По описи 1 обработано 57 дел с 1533 по 1598 гг. включительно, включая документы по истории рода Дорохстайских, хозяйственную документацию имений – Злочев, Зарудье, Яров, Дубенец, Помошаны, Ходов, Урмань, Плехов, Бенява¹¹⁵. Так же было выявлено две

---

¹¹⁴ Грамота короля Сигизмунда Августа // ЛГИА. Ф.716. Фонд Тышкевичей. Оп.1. Д.80. Материалы (завещание Петра Тышкевича); Оп.4. Д.226.230.

¹¹⁵ Дело об отдаче в залог им.Хороша // ЛГИА. Ф.1280. Оп.1. Т.1-2. №19.20.; Материалы о процессах Кишков Станислава и Хамынки, урожд. Сапега // Там же. №35.35.; Материалы, относящиеся к имениям Велешин, Душево, Мозырь – Новогрудского и Тарасовичи // Там же. №575.; Материалы, относящиеся к продаже имения Велешин // Там же. №581.; Квитанционные записи о возвращении денежных сумм, выданных Яну Сененскому // Там же. №761. и др.

венные записи 1509 и 1511 гг. на имение Рыков, подтверждающие денежное содержание Анны и Дороты Цепеджинских соответственно¹¹⁶.

По описи 2 – 3 дела с 1564 по 1576 гг: копии постановлений по делам Давидогрудской ординарии, Пинского повета, Привилеи Сигизмунда Августа Николаю Радзивиллу, материалы по делам Пузиновских, Линевских, Виляловичей¹¹⁷.

Язык фонда – старобелорусский, польский, латинский.

П.1.4. Ф. 447. Виленская соединенная палата уголовного и гражданского суда, 1486 – 1886 гг. 31 опись.

Использована опись 22: Дела о набегах на имения, причинении материального ущерба, убийствах и угрозах, о земельных и имущественных претензиях, 1517 – 1869. Всего дел – 498, из них по теме исследования – 10: дарственные и завещания Соколовского, Тышкевича, судебные письма и квитанции по имениям Рогово, Мотоль, Калиновка, Ляков и др¹¹⁸.

Отдельно – дарственные записи Халецкого на движимое имущество Анне Тальчевской 1579 г¹¹⁹.

Язык фонда – польский, старобелорусский.

П.1.5. Ф. 1177 Личный фонд князей Огинских. 1447 – 1915 гг. Фонд содержит 1 опись, разделенную на 2 тома, на русском языке. 6 898 дел.

Огинские – одни из самых крупных землевладельцев Великого княжества Литовского. Имения обеих ветвей рода Огинских (старшей – княжеской и младшей – дворянской) были сосредоточены на территориях, входивших в Галицкую Русь, непосредственно Литву, а также недалеко от Киева.

---

¹¹⁶ Обличающая запись денежной суммы, выданная Яном Гологорским Дороте Цепеджинской с обеспечением на им.Рыков, 1511. // Там же. №.822.

¹¹⁷ Дарственная запись Сигизмунда Августа Николаю Радзивиллу, 1564. // Там же. Ф.1280. Оп.2. №491.; Материалы (привилегии Николая Радзивилла, акты залога, записи о залоговом содержании разными лицами) Линевици, Пузиновские, Виляловичи. // Там же. №527; Вызов в суд по делу Ивана и Ульяны Богушовой Горностаев с Богушовой Боговитиновичевой об имущественных претензиях, 1547 – 1554. // Там же. №581.

¹¹⁸ Материалы (судебные разбирательства, деловые письма, завещания и проч.) // Там же. Ф.447. Опись 22. №.28, 213,262, 301, 312, 318, 379, 408, 409, 481 и др.

¹¹⁹ Дарственная запись кн.Халецкого, 1579 г // Там же. №.408. Л.1 – 2об.

Фонд разделен на группы документов по имениям Огинских: акты купли-продажи; акты продажи, дарения и завещания по имениям Войчово, Стравенники, Кайришки, Вевье, Крони, Миколаевщина¹²⁰ и Матеушово¹²¹. Отдельно: квитанции Катерины и Анны Огинских (1583)¹²²; дарственные акты Григория Воловича (1574)¹²³; инвентарь имения Крони (1570, поименный список проживающих)¹²⁴

18 дел (дарственные, завещания и квитанции) отражают хозяйственную деятельность Екатерины Огинской (в девичестве – Млечковой) с 1566 по 1574; 12 дел – управление имениями Богданом Огинским (включая брачные договоры, записи вена и т.д.) 1581 – 1583.

58 дел – дарственные и хозяйственные документы по имениям Григория Воловича (частично опубликованы Виленской Археографической комиссией¹²⁵), включая судебные тяжбы с сестрой и вдовой Тышкевича, веновые записи, завещания об «опеке» над представительницами рода Воловича и т.д.

При подготовке диссертации было использовано 14 дел, отвечающих непосредственно тематике исследования и вписывающихся в хронологические рамки.

Язык фонда – старорусский, белорусский, польский, французский.

П.1.6. Ф. 1285. Фонд Шанявских. 1 опись, 1550 – 1819. 1002 дела

Личный фонд шляхетского польского рода Шанявских содержит хозяйственную документацию. Основной массив документов охватывает XVII – начало XIX вв. В работе было использовано 4 дела, касающихся

---

¹²⁰ Материалы (акты купли-продажи 1537 – 1600) // ЛГИА. Ф.1177. Оп.1.Т.1. №170.172.; Материалы (реестры денежных документов по им. Веве (Вевье) // Там же. №169.126.; Материалы (акты продажи, дарения, завещания) по им.Кайришки // Там же. №174.46.; Материалы по им.Войчово // Там же. 179.133.; Материалы по им.Стравенники // Там же. № 183.79. и др.

¹²¹ Материалы (инвентари, церкви, жалобы, вызовы в суд и др. по Бальскому приходу) // Там же. Ф.1177. Оп.1.Т.2. №4522.

¹²² Квитанции (записи отречения) и др. сделки Анны и Катерины Огинских своему брату Богдану Огинскому по им.Крони и Коштаны, 1583. // Там же. Ф.1177. Оп.1. Т.1. №.209.156.

¹²³ Дарственный акт Григория Воловича своей жене Катерине Огинской на им.Миколаевщина, 1574. // Там же. №. 190.206.

¹²⁴ Инвентарь (реестр) им.Крони, 1570 г. // Там же. №. 187.155.

¹²⁵ Акты, издаваемые Комиссиею высочайше учрежденною для разбора древних актов в Вильне (далее - Акты Виленской археографической комиссии). Вильна: Тип.А.Г.Сыркина. Т.21. Акты Гродненского земского суда. 1894. – 418 с.

имущественных споров между родами Гейроцких и Хребтовичей: веновые записи, записи о свободном отдельном пользовании имением Березино, брачные договоры хронологическом периоде 1588 – 1599¹²⁶.

Язык фонда – старобелорусский, польский, латинский, немецкий, иврит.

П.2. Коллекции документов из Архива Санкт-Петербургского Института Истории РАН (Дом Н.П.Лихачева) (далее – СПБИИ РАН)

П.2.1. Ф.124. Коллекция С.В.Соловьева. Документы Смоленской воеводской избы. 2 описи, 1503 – 1838 гг, 688 ед.хр.

Коллекция С.В.Соловьева содержит хозяйственные письма и копии судебных постановлений по имениям, принадлежащим представителю одного из самых влиятельных литовско-польских родов – Альбрехту Гаштольду и его жене Софии (в девичестве – Вереиской). Для исследования было использовано 37 дел за 1539 – 1548 гг.: переписка Софии с управляющими имений, закладные, расписки о взятии/возвращении денег и имущества в долг, решения земельных споров, когда София выступала в роли третейского судьи¹²⁷.

Язык фонда – старобелорусский.

П.2.2. Ф.68. Коллекция актов Киевской казенной палаты, 1496 – 1808. 1 опись, 538 ед.хр.

Основной массив документов охватывает период с XVII по XVIII вв. По теме исследования выявлено 2 дела за 1517 и 1599 гг.: дарственная Натальи Полозовичевой земель Киевскому Николо-Пустыньскому монастырю¹²⁸, запись о размене имения Александры Тышкевич¹²⁹.

---

¹²⁶ Ассекурационные записи Анны, урожд.Сологуб, князю Иерониму Гедройц на право пожизненного владения им.Березина, а так же пользования движимым имуществом и денежными суммами, жалованными ей от первого брака // ЛГИА. Ф.1285. №76; Дело о полюбовном решении спора между Гедройцами Иеронимом и Анной, урожденной Сологуб, и Хребтовичем Адамом и Анной, урожденной Комаевской, на право свободного доступа в им.Березино // Там же. №77; Договор о браке между Зембоцким Ержи и Малальской Петронией, урожд. Ходкевич // Там же. № 409; Отлитка о записи Острожской Анны, урожд. Сологуб, мужу Острожскому // Там же. № 716.

¹²⁷ Архив СПБИИ РАН, Ф.124. Картон.1. №18; Картон.1. №36 – 37; картон.1 №39. картон.1 №98 – 100. Картон.2. №101. картон.2. №103.; карт.1.№104. и др.

¹²⁸ Архив СПБИИ РАН, Ф.68. Карт.1.Д.9. Л.1. – 1об.

¹²⁹ Архив СПБИИ РАН, Ф.68. Оп.1.1. Д.69/11.

П.3. Собрания из Отдела рукописей Российской Национальной библиотеки (далее – ОР РНБ):

Ф.293. Западно-русские акты. Собрание. 1 опись, 1389 – 1824гг, 477 ед.хр.

При работе над диссертацией использовано 37 дел за период с 1536 по 1571 гг.: грамоты польских королей Сигизмунда I, Сигизмунда II Августа¹³⁰, Сигизмунда III, документы по имущественным и финансовым спорам между Беатой Острожской и Иваном Чарторыйским¹³¹, закладные и завещания Острожских¹³².

Язык фонда – старобелорусский, русский, польский.

III. Актовый материал.

Исходя из сложной судебной системы, существовавшей в Великом княжестве Литовском, мы постарались уделить основное внимание материалам земских и градских судов. Земские суды занимались уголовными преступлениями, финансовыми махинациями, а так же гражданскими делами по бракоразводным процессам или наследованию. При спорной ситуации дело передавалось в замковый суд для вынесения окончательного решения; как правило, в этом случае в деле присутствует соответствующая запись. Мы исключили из поля исследования материалы подкоморских судов, занимавшихся преимущественно земельными спорами, ограничившись материалами из личных архивов, где информация по межеванию земель, включая копии судебных решений, представлена вполне исчерпывающе.

Значительная часть интересующих нас материалов опубликована в серийном издании Актов Литовской метрики. Масштабный проект издания Литовской метрики осуществляется с 1987 по настоящее время Институтом Истории Литвы, Вильнюсским Университетом, Институтом истории Национальной Академии наук Беларуси, Национальным историческим архивом Беларуси, Институтом Археографии и Источниковедения

---

¹³⁰ ОР РНБ. Ф.293. Д.114, 117, 144, 188, 189, 221.

¹³¹ ОР РНБ. Ф.293. Д.182 – 186, 216, 247 и др.

¹³² ОР РНБ.Ф.293. Д.214, 215, 234, 244 и др.

им.М.Грушевского Украинской Национальной Академии наук и Институтом славяноведения Российской Академии наук. Изначально базу публикаций составляют фонды Российского Государственного Архива Древних актов (далее – РГАДА), однако также широко привлекаются материалы архивов Литвы, Беларуси, Польши и Украины. На сегодняшний день в рамках проекта переиздано 33 книги Записей, 14 книг Судных дел, 6 книг Публичных дел, 5 книг Переписей, а также Посольские книги и книги Сигиллат¹³³.

Издание опирается на разделение, принятое еще С.Л.Пташицким¹³⁴. В рамках подготовки диссертации были использованы следующие Книги записей (№15, 19, 30, 43, 44, 46)¹³⁵; Книги судных дел (№19, 37)¹³⁶.

Также привлекались дореволюционные издания метрики, содержащие акты судных дел Великого княжества Литовского¹³⁷.

Книги записей содержат преимущественно королевские привилегии городам и знатным родам, так же распоряжения касательно различных споров между шляхтичами, подтверждения/опровержения судебных решений, завещания. Последние представляют большую ценность для нашего исследования, т.к. позволяют уточнить характер имущественных отношений между родителями и детьми и между супругами. Различия в осуществлении прав наследования в зависимости от пола умирающего и пола наследника, наличие дополнительных условий, практика завещания жены/дочери наравне

---

¹³³ Полный перечень изданий ЛМ [Электронный ресурс] // Новости Литовской Метрики. Научно-информационное приложение журнала «Ежегодник истории Литвы». 15 – 2014 - 2015. URL: <http://talpykla.istorija.lt/handle/123456789/213> (дата обращения - 14.03.2017)

¹³⁴ Описание книг и актов Литовской Метрики. / Сост. С.Л.Пташицкий. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1887. – 280 с.

¹³⁵ Lietuvos Metrika. Knyga Nr.15. (1528 – 1538). Uzrasumu knyga 15. Parengė A.Dubonis. Vilnius: Zara. 2002. – 448 p.; Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга запису 30. (1480 - 1546). Кніга запису 30. Падрыхтаваў В.С.Мянжынскі. Мн.: Беларуская навука. 2008. – 386 с.; Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга запису 43. (1523 – 1560). Кніга запису 43. Да друку падрыхтаваў В.С.Мянжынскі. Мн.: Беларуская навука. 2003. – 460 с.; Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга запису 44. (1559 – 1566). Кніга запису 44. Падрыхтаваў А.И.Груша. Мн.: Арты-Фэкс. 2001. – 312 p.; Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга запису 46. (1562 – 1565). Кніга запису 46. Падрыхтаваў В.С.Мянжынскі. Мн.: Беларуская энцыклапедыя. 2006. – 280 с.

¹³⁶ Lietuvos Metrika. (1546 – 1548) 19 – oji Teismu bylu knyga. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas. 2009. 288 p.; Lietuvos Metrika (1555 – 1558) 37-oji Teismu bulu knyga. Vilnius: Leidykla. 2010. – 316 p.

¹³⁷ Акты, изд. Виленской комиссией... Т.17. Акты Гродненского земского суда...; Т.21. Акты Гродненского земского суда...; АЮЗР. Ч.8. Т.3...; Акты Литовской метрики / изд. Ф.И.Леонтович. Т1. Вып.2. (1499 – 1507). Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1897. – 259 с.; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией : [В 15-ти т.]. - СПб., 1861-1892. Т 1 : 1361-1598. - СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1863. – 332 с.

с движимым имуществом детализируют тонкости гендерных отношений, распространенных в Великом княжестве Литовском, а затем – и в Речи Посполитой.

Книги судных дел включают в себя материалы подкоморских, гродских и земских судов с 1506 г. Рассматриваемые дела (за несколькими исключениями) публикуются без соответствующего отнесения к юрисдикции определенного суда.

Наибольший интерес здесь представляют документы по бракоразводным процессам, иллюстрирующие нам стратегии поведения мужчин и женщин при расторжении брака. Механизмы, с помощью которых обе стороны пытались выиграть дело (т.е. в случае польско-литовского права – доказать свою невиновность в разрушении семьи), сильно отличались в зависимости от того, кто был инициатором процесса. И хотя весь интерес противоборствующих сторон в итоге сводился к имущественным притязаниям, наиболее важными здесь являются не сами юридические нормы, а то как они использовались представителями обоих полов в каждом конкретном случае. То же правомерно применить и к делам, связанным с наследственными спорами, когда речь шла не только об имуществе, но и о дальнейшем поведении сторон после оглашения завещания (например, оспаривание в суде запрета повторного замужества или права «опеки»).

Уголовные преступления, касавшиеся оскорбления шляхтянок и «кгвалтованья» позволяют воссоздать понимание «женской» и «девичьей» чести, которое также могло отличаться в зависимости от гендерной роли и социального статуса пострадавшей.

Самыми многочисленными являются документы по мелким судебным вопросам, таким как пропажа сенокоса, кража бочки меда и проч. Все эти документы, собранные воедино, составляют общую картину деятельности литовских женщин не только в семейной, но и публичной сфере.

Нас в равной степени интересовали дела, где женщина выступает в качестве объекта права, так и те, где женщины совместно с мужчинами или

же самостоятельно являлись субъектами литовской правовой системы. Первый случай демонстрирует «опеку» в действии, а так же позволяет определить те правовые сферы, куда женщин уже не допускали.

Во втором случае важны детали: характер дел, в которых женщины выступали истцами; предпочитаемые способы ведения тяжбы и характер приводимых аргументов; отношение суда к подобной женской самостоятельности и многое другое. Об откровенном игнорировании положений Статута, согласно которому женщины не могли самостоятельно представлять собственные интересы в суде, свидетельствует огромное количество судебных разбирательств, где шляхтянки выступают не только от своего имени, но и от имени несовершеннолетних детей или недееспособных родственников – мужчин. Это позволяет точнее определить границы социального опыта, допустимого для женщин не только самим обществом, но и правовой системой Польско-Литовского государства.

Книги публичных дел, содержащие преимущественно решения Сеймов, а так же воинские реестры и документы, определяющие границы поветов и воеводств, не представляли большого интереса в силу специфики материала, поэтому привлекались эпизодически. Исключение составляют переписи войска Литовского, содержащие данные о выставлении людей и коней на службу по воеводствам – там встречаются женские имена, как среди выставивших людей от имения, так и среди шляхтичей лично явившихся на службу.

Касательно привлеченных материалов Литовской метрики можно сказать, что выборка является неполной, мобилизация всего материала – дело будущего. Однако, по нашему убеждению, данная выборка вполне репрезентативна для того, чтобы вкупе с другими источниками позволить решить поставленные задачи в области гендерной истории Великого Княжества Литовского.

Цель исследования

Целью настоящего исследования является реконструкция гендерной идентичности литовских шляхтянок XVI века и выявление основных факторов, влияющих на ее составляющие. Вопрос, которым задаются культурология и социология – какими путями гендерно-поляризующие традиции перемещаются от культуры к личности и обратно¹³⁸ – актуален и для социальной истории. Важно не столько определить фактическое место женщины в патриархальном мире XVI века (что само по себе не является наукоемкой задачей), сколько понять, чем это место было обусловлено. Основные социальные роли – матери, жены и любовницы – дополнялись ролями второстепенными, необязательными: например, меценатки, госпожи, воительницы и т.п.¹³⁹ Вопрос заключается в том, насколько второстепенные роли зависели от основных (или, напротив, были абсолютно независимыми друг от друга). Могла ли, к примеру, незамужняя шляхтянка, находившаяся под опекой отца или старших братьев, являться одновременно основательницей вольной типографии или госпиталя, или же факт замужества – социальной зрелости по представлениям XVI в. был обязательным для занятий какой бы то ни было общественной деятельностью? Считалась ли подобная социальная активность нормой или была скорее исключением из правил? Можно ли говорить о нарушении гендерной идентичности в случаях, когда литовские женщины в буквальном смысле менялись с мужчинами местами¹⁴⁰ или же такое поведение не вызывало общественных нареканий? Ответы на эти и другие схожие вопросы позволят получить представление о том, насколько гендерно-поляризованным было в действительности литовское общество XVI в., по крайней мере – его привилегированная прослойка.

---

¹³⁸ Бем С.Л. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М: РОССПЭН. 2004. С.37

¹³⁹ Сліж Н.У. Шляхецкая сям'я у Вялікім княстве Литоуском у XVI – XVII стагоддзях... С.3.

¹⁴⁰ Литовские шляхтянки не освобождались от службы и несли те же повинности, что и мужчины – шляхтичи. См: Перепись войска Литовского от 1528 г. // Радзивилловские акты из собрания Российской Национальной библиотеки / сост. М.М.Кром. М.; Варшава: Древлехранилище. 2002, (Памятники Восточной Европы. Источники XV – XVII в). С.41 – 43.

Поставленная цель требует решения следующих **задач**:

- Определить сферу социального опыта шляхтянок в Великом княжестве Литовском в XVI в.
- Определить соотношение социальных возможностей и социальной уязвимости женщин привилегированного сословия в рамках традиционных гендерных ролей.
- Обозначить основные критерии статуса шляхтянки в системе гендерных координат.
- Проанализировать, как менялись социальные возможности и обязанности шляхтянок с изменением их семейного статуса.
- Исследовать основные компоненты повседневной практики шляхтянок (образ жизни, сферы влияния, источники обеспечения etc.)

Объект исследования

Объектом исследования являются основные составляющие гендерной идентичности литовской шляхтянки и их изменения в зависимости от семейного статуса. Ключевое значение здесь отводим социальным ролям первого и второго порядка, так как именно через них транслируются главные (ожидаемые) характеристики поведения. Следует сразу отметить, что мы исходим из принятого в социологии определения социальной роли, как набора ожидаемых моделей поведения применительно к обладателю той или иной социальной позиции. В современной культурологии и социологии так же используется понятие «гендерного архетипа», зачастую как близкое либо идентичное гендерным социальным ролям. Термин был заимствован у последователей К.Г.Юнга, впервые выделившего архетипы как некие модели коллективного бессознательного, в той или иной степени присутствующего в личности индивида и влияющего на его поведение. В рамках этого учения

архетип трактуется как врожденная и неизменная модель поведения¹⁴¹. Тут, однако, стоит уточнить, что социальная роль, даже предопределенная природой (например, матери), в разном историческом контексте предполагает различные стратегии поведения. Совершенно очевидно, что быть женой или любовницей в обществе XVI в. вовсе не то же самое, что быть женой или любовницей в веке XX или XXI. Понятия ожидаемого поведения изменяется во времени под влиянием множества факторов, прежде всего культурного и идеологического.

Под социальными ролями первого порядка подразумеваем роли, которые согласно биологическому эссенциализму являются естественными (определенными): женщина, как продолжательница рода (мать), женщина, как хранительница домашнего очага (жена), женщина как объект сексуального желания (любовница)¹⁴².

Социальные роли второго порядка – набор иных качественных характеристик, необязательно присутствующий у каждой представительницы литовского шляхетства. Это могут быть роли учительницы, сестры милосердия, предводительницы войска и проч., другими словами, роли, обусловленные конкретным культурным и социальным контекстом, а не природой. Такие роли, как дочь – сестра – вдова – разведенная, являются смежными, поскольку предполагают модели поведения в рамках социальных ролей первого порядка.

При этом следует помнить, что гендерная идентичность не является аналогом социальных ролей, т.к. в той или иной степени присутствует в каждой из них и обуславливает их контекст для отдельной личности или социальной группы¹⁴³. Обращение к ролевой структуре вынужденно, т.к. позволяет реконструировать основные элементы гендерной идентичности.

---

¹⁴¹ Юнг К.Г. Психология бессознательного. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2016. – 320 с.

¹⁴² Бем С.Л. Линзы гендера... С.35.

¹⁴³ Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальное конструирование гендера: феминистская теория. // Введение в гендерные исследования. Ч.1. под ред.И.А.Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, СПб.: Алетейя. 2002. С.155 – 157.

Предмет исследования

Для ответа на поставленные вопросы требуется комплексное изучение следующих категорий исторического порядка.

1. Экономическое положение шляхтянок. Тезис о том, что степень социальной свободы измеряется прочностью имущественного положения, пожалуй, не вызывает сомнений. Правовая система Великого княжества Литовского от первых привилеев до третьей редакции Статута весьма подробно регламентирует имущественные отношения женщин – шляхтянок на каждом этапе их жизни – от прав на наследство отца и приданое до раздела имущества в случае развода и завещаний. Подобная «детальность» литовского права вкупе с многочисленными частными примерами судопроизводства позволяет ясно представить реальную экономическую ситуацию, а также обозначить факторы, которые могли повлиять на благосостояние литовских шляхтянок.

2. Правовое положение шляхтянок. Нормы Статута, регламентирующие отношения полов, частично отражают место женщины в правовой системе Великого княжества Литовского. Частично – потому, что, во-первых, многочисленные привилеи и королевские распоряжения существенно дополняют и конкретизируют положения основного свода литовских законов. Во-вторых, Статуты отражают лишь некоторые аспекты юридической практики с участием шляхтянок, рассматривая женщину исключительно в качестве объекта правовых отношений. Тем не менее, именно юридические нормы наряду с экономическими правами и свободами определяли степень социальной свободы литовских шляхтянок.

3. Деятельность шляхтянок, зафиксированная как в источниках частного характера, так и в официальных документах. Всю активность условно можем разделить на публичную (как со знаком «плюс»: благотворительность, книгопечатание, служба, так и противоположную: разбои, наезды на имения, асоциальное поведение etc.) и

частную (свадьбы, разводы, организация жизни имения и т.п.)¹⁴⁴. Именно свидетельства о бытовой деятельности позволяют более точно определить границы повседневного социального опыта шляхтянок и факторы, влияющие на изменение этих границ.

4. Стратегии поведения. Вопрос о конструировании стереотипа поведения является одним из ключевых для данного исследования. Как правило, выделяют три базовых стратегии поведения: маскулинную, феминную и андрогинную. Маскулинная модель подразумевает поведение, больше характерное для мужчин: агрессивное, доминирующее, активное, рациональное и т.д. Феминная стратегия – все, что гендерологи относят к «женскому» типу: эмоциональность, зависимость, чувственность и т.д. Андрогинная – смешанная, или переходная модель, в которой в равной степени присутствуют и маскулинные, и феминные черты. Для патриархального общества характерна жесткая привязка стратегии поведения к биологическому полу. Из утрированного постулата, что «мужчины – мужественны», а «женщины – женственны»¹⁴⁵ формировались и правовые нормы, и культурные клише. Тем не менее, предельно важно точно обозначить рамки предпочтительного и допустимого поведения женщин в системе координат семья – социум для конкретного общества в конкретном историческом периоде. Способы решения конфликтных ситуаций (наследственные или хозяйственные споры, межевание земель, борьба за право опеки над несовершеннолетними детьми etc) в данном случае будут являться своеобразными маркерами, определяющими характерные типы женского поведения. Насколько те или иные механизмы решения проблемы, доступные мужчинам – шляхтичам, были также доступны их женам, сестрам или дочерям (обращение в суд, применение физической силы и т.п.)? Так же наличие или отсутствие отдельных, «женских» способов решить проблему позволит оценить реальный уровень андроцентризма в литовском обществе.

---

¹⁴⁴ Польский исследователь З. Кухович выделяет следующие типы женского поведения: общественно-значимое, агрессивно-деятельное, пассивное (*Kuchowicz Z. Wizerunki niepospolitych niewiast staropolskich XVI-XVIII wieku... P.46.*)

¹⁴⁵ *Бем С.Л. Линзы гендера... С.12*

5. Типовые жизненные сценарии и варианты отклонения от них, а также критерии «успеха» в зависимости от следования сценарию.

Патриархальный строй предусматривает два основных варианта:

1) замужество («успешный»), и следовательно, дальнейшая реализация в связанных с женским началом гендерных ролях (мать, любовница, хозяйка), и 2) девичество («девиантный»), т.е. жизнь без мужа. Вопрос в том, какие социальные сферы оставались недоступны литовским дворянкам в случае, если им не удавалось (или не хотелось!) играть свадьбу, тесно связан с гендерной поляризацией общества. Реальная жизнь редко укладывается в четкие схемы, и было бы в высшей степени наивно полагать, что на социальную успешность женщины влияло только ее семейное положение. Статус «незамужней» и «сироты» соседствовал с такими понятиями, как «жалость» и «слабость», что тоже могло использоваться для достижения личных целей. С другой стороны, именно осуществление основных функций в семье делало женщину полноценным членом общества. Наша задача определить систему ценностей и критерии «успеха» в их жизни. Одинаково важным здесь будет являться как общественное одобрение/порицание того или иного образа жизни, так и самоидентификация.

Хронологические рамки

За нижнюю границу мы принимаем 1529 год – дату публикации Первого Литовского Статута, единого для всех территорий Литовского государства свода светских законов, в котором были регламентированы в том числе и внутрисемейные отношения. Верхняя граница – 1588 год – также дата публикации Статута, но уже его третьей редакции, зафиксировавшей многочисленные изменения в обществе после присоединения Великого княжества Литовского к Польше и образования в 1569 году единого польско-литовского государства – Речи Посполитой. Разумеется, процесс формирования и изменения гендерных стереотипов в обществе длителен и непрямолинеен и не ограничивается названным промежутком, однако мы

сосредоточили наше внимание на времени, ставшем для Великого княжества Литовского во многом переломным, насыщенным многими культурными и социальными изменениями, влиявшими, в том числе, и на гендерные роли в шляхетской среде.

Географические рамки

В работе использовались документы, относящиеся к Виленскому воеводству (непосредственно Виленский округ, Гродненский, Луцкий поветы), а также Волыни (включая Брестский повет), то есть преимущественно западные земли Великого княжества Литовского. Это связано как и с лучшей сохранностью самих источников, так и с тем фактом, что именно эти земли первыми и в наибольшей степени перенимали польские обычаи и традиции. В данном регионе, на наш взгляд, наиболее ярко проявлялось влияние различных, зачастую противоречивых факторов на складывание гендерной идентичности литовского шляхетства, как особой социальной группы. Культурная конгломерация, усилившаяся после Люблинской унии, не только затронула повседневные практики шляхтичей, но и повлияла на самоидентификацию представителей данного сословия. Именно в этих регионах наиболее заметен симбиоз прежних патриархально-религиозных воззрений и относительно новых гендерно-нейтральных установок, складывавшихся под влиянием ряда социально-экономических факторов.

Методологические основы диссертации

Ключевым в диссертации является принцип гендерного подхода – выявление таких схем межличностного взаимодействия, посредством которых воспроизводятся представления о «мужском» и «женском» как о категориях социального порядка, изменяющихся с течением времени¹⁴⁶.

---

¹⁴⁶ Скот Дж. Гендер – полезная категории исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Часть II. Хрестоматия / под ред. С.И.Жеребкина. Харьков: ХЦГИ. 2001. С.151.

Следует отметить, что в исторической науке интерес к вопросам взаимоотношения полов присутствовал практически постоянно. Однако изначально исследователей занимали вопросы, связанные с институтом брака, социальным и политическим положением женщины в разные эпохи, реже – история нравов или семейного быта. Развитие конструктивистских и постмодернистских концепций во многом было основано на этом колоссальном фактическом материале, накопленном в рамках *women studies*¹⁴⁷.

Прежде всего, необходимо четко определить само понятие «гендера», как категории исторического порядка. Мы отталкиваемся от понимания гендера, как социального конструкта, приводящего к категоризации по признаку пола. Любой человек является носителем некоего культурного кода, который безошибочно считывается обществом, к которому он принадлежит, и позволяет определить его идентичность как маскулинную или феминную. Род занятий, манера поведения, одежда, язык и множество иных символов – все это является определенными маркерами, по которым общество и сам индивид определяет гендерную принадлежность. Эти маркеры в разных типах общества в разные исторические периоды имеют различный смысл¹⁴⁸. Ношение женщиной брюк в качестве повседневной одежды в современном обществе, основанном на ценностях европейской цивилизации, не имеет гендерного подтекста, в то время как в начале XX в. предпочтение этого «мужского» аксессуара автоматически означало заимствование и маскулинной идентичности в целом, отказ от символики феминности и своеобразный вызов обществу¹⁴⁹.

Применительно к истории раннего нового времени главной проблемой является даже не столько выявление подобных коррелятов, сколько правильная интерпретации их смысла. Принимая за аксиому, что гендерные

---

¹⁴⁷ Своеобразным апофеозом всех европейских *women studies* может считаться многотомное издание по истории женщин, включающее в себя исследования по истории культуры, быта, изменений политического и экономического положения женщин с древнейших времен до XX века: *История Женщин: [В 5-ти т.]*. Под общей редакцией Ж.Дюби и М.Перро. СПб: Алетейя. 2009 – 2016.

¹⁴⁸ *Пушкарева Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание... С.195.

¹⁴⁹ *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России в 50-е – 60-е XIX в. Л.: Изд.-во ЛГУ, 1984. С.53.

отношения – это отношения стратификации (в системе власть – подчинение, где женщина является зависимой, подчиненной, слабой по отношению к доминирующему сильному мужчине), можно предположить, что любое использование символов гендерной идентичности, не совпадающей с биологическим полом, расценивалось, как отклонение от нормы. Однако вариативность повседневных практик, доступных литовским шляхтянкам, и относительно спокойная реакция общества на многие из них, ставит последний тезис под сомнение. Всегда ли можно говорить именно об отклонении, или же гендерный портрет литовской шляхтянки имел гораздо больше маскулинных черт, чем принято думать?

Для выявления источников создания гендера конструктивисты предлагают структурировать информацию по трем группам характеристик:

- ✓ поло-ролевые стереотипы;
- ✓ поло-ролевые нормы;
- ✓ половое самосознание (идентичность)¹⁵⁰.

Американская исследовательница Дж. Скотт конкретизировала предложенные характеристики, предложив изучать гендер как «социальную сетку межполовых связей»¹⁵¹. Согласно Дж. Скотт, гендерному анализу необходимо подвергать четыре группы социально-исторических «подсистем»:

- ✓ комплекс символов и образов, характеризующих мужчину и женщину в культуре;
- ✓ комплекс религиозных, педагогических, правовых, политических норм;
- ✓ социальные отношения и институты (семья, система родства, государственное устройство и т.п.);
- ✓ субъективное самовосприятие и самоосознание личности¹⁵².

---

¹⁵⁰ Пушкарева Н.Л. Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования... Ч.1. С. 291.

¹⁵¹ Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа... С.166.

¹⁵² Там же.

Подобный подход весьма удобен в случае, когда исследователь имеет дело с большим количеством однотипной информации. В то же время сама специфика существующих источников по истории шляхетства XVI в. позволяет избежать чрезмерной условности и схематизации, чем иногда отличаются исследования, основывающиеся на конструктивистском подходе. Возможность воссоздания конкретных фактов биографий позволяет не забывать, что история – прежде всего, наука о живых людях со всеми их эмоциями, отношениями, непредсказуемостью и непоследовательностью, а реальная жизнь не всегда способна полностью уложиться в социологическую схему. Эта поправка к применяемой методологии, мы надеемся, позволит нам избежать ошибок в интерпретации фактов и окончательных выводах.

Поскольку гендер, как социальный конструкт, предполагает, что характеристики пола, сексуальности и других составляющих «символического капитала»¹⁵³ производны от социального контекста, то проанализировав социальный контекст, мы выявим составляющие гендера для конкретного общества в определенный исторический период. Составляющие символического капитала, система мужских и женских ценностей, иерархия в публичной и частной сфере – все это в совокупности позволяет считать культурный код и, в конечном итоге, воспроизвести представления о том, что означало быть женщиной или мужчиной в литовском обществе XVI в.

Для нашего исследования, учитывая специфику источников, из всех подходов наиболее приемлемым является подход, предложенный С.Л.Бем – то есть анализ информации, содержащейся в нормах Статута, королевских привилегиях и актах частного судопроизводства с точки зрения т.н. «линз гендера». «Линзы», по утверждению исследовательницы, соответствуют патриархальным установкам общества – биологическому эссенциализму, гендерной поляризации и андроцентризму¹⁵⁴. Последний в свою очередь

---

¹⁵³ Бурдые П. Практический смысл. СПб: Алетейя, М.: «Институт экспериментальной социологии», 2001. С. 96 - 104

¹⁵⁴ Бем С.Л. Линзы гендера... С.195 – 196.

включает в себя еще три позиции: взгляд на женщину как на объект сексуального желания, как на продолжательницу рода и как на хранительницу домашнего очага. И хотя вопрос изменения самих этих линз во времени требует отдельного детального изучения, использование этого подхода уже сейчас позволяет более четко определить критерии, по которым стоит оценивать тот или иной формальный источник для воссоздания гендерных стереотипов разных периодов.

Биологический эссенциализм – понимание феминных и маскулинных характеристик, как природной предопределенности. Носители этих характеристик усваивают идею об их естественности по мере усвоения прочих культурных парадигм. Ключевым здесь является воспитание: роль традиций, преемственности, представлений о дозволенном и недозволенном и того, что сейчас мы назвали бы общественным мнением, чрезвычайно высока. Усвоив базовые принципы, индивид воспринимает реальность естественно разделенной по признаку пола, при этом единой и целостной в других категориях¹⁵⁵. Именно биологический эссенциализм приводит к появлению гендерной поляризации в различных сферах жизни общества.

Гендерная поляризация – социальное и культурное разделение, отводящее мужчинам и женщинам отдельные (зачастую противоположные друг другу) сферы жизни, базирующееся на биологическом эссенциализме. Система взаимоотношений и ценностей формируется в традиционной системе координат семья – социум, выделяются традиционные «женские» и «мужские» сферы. Гендерная поляризация проявляется не только в культуре, но и в правовой, профессиональной области; определяет ограниченный набор социальных ролей и статусов.

Андроцентризм – система патриархальных ценностей, отводящая женщинам три основных функции и оценивающая любую их деятельность с позиций этих функций; система мировоззрения, ориентированная на мужчину в качестве субъекта и оценивающая женщину с позиций ее «пригодности»

---

¹⁵⁵ Там же. С.178.

(полезности) для мужчины. Андроцентризм выстраивает в обществе такую иерархию, при которой любые проявления феминности воспринимаются как вторичные, подчиненные.

✓ Женщина как объект сексуального желания

Андроцентричное представление о доминирующем и активном мужчине и пассивной женщине, воспринимающейся не в контексте собственных сексуальных желаний, но в границах своей способности стимулировать и удовлетворять сексуальное желание мужчины¹⁵⁶, во многом связано с древнейшими религиозными представлениями о женщине как о носителе некой демонической силы – возбуждающей и внушающей страх одновременно. С этим связаны и представления об открытой женской сексуальности как о некой агрессии, направленной против мужчины (желание соблазнить = подчинить своей воле). Подобное поведение считалось девиантным и на уровне бытовых взаимоотношений клеймилось позором, в юридическом поле подлежало более-менее строгим санкциям. С другой стороны, неспособность удовлетворить мужское желание, неряшливость или асексуальность расценивались как отказ от одной из основных женских обязанностей, а значит, также встречали всяческое порицание.

✓ Женщина как хранительница домашнего очага

Замужество является ключевым фактором социализации (равно как женитьба – для мужчин), а необходимость ведения домашнего хозяйства понимается предельно широко – от непосредственного устройства быта до управления имениями. Частная сфера жизни – сфера преимущественно женская, где ее главенство практически не оспаривается мужчиной. Критерии успеха складываются из того, насколько девушке удастся соответствовать представлениям о «доброй жене». Затянувшееся девичество расценивается, если не как

---

¹⁵⁶ Долгов В.В. Потаенная жизнь Древней Руси: быт, нравы, любовь. М.: Яуза, ЭКСМО, 2009. С.115.

девиантный, то, по крайней мере, крайне нежелательный жизненный сценарий.

✓ Женщина как продолжательница рода

Ключевая роль, отводимая женщине патриархальным обществом – роль матери. Материнство рассматривается не только как основная обязанность женщины (независимо от социального положения), но и как критерий «нормальности». Статус матери укреплял позиции женщины в обществе и существенно расширял ее права¹⁵⁷, а невозможность иметь детей, независимо от причины, воспринималась крайне негативно. Материнство также рассматривалось как некий фактор, «извиняющий» сексуальное влечение женщины. Также именно забота о доме и детях, как основополагающие функции женщины в патриархальном обществе, предполагали весьма разнообразную деятельность.

Правовое урегулирование вопросов гендерного характера (будь то нормы семейного или имущественного права), а так же фиксация всех этих норм в писаном праве является своеобразным отражением гендерных взаимоотношений в обществе. С другой стороны, информация, содержащаяся в источниках подобного рода, косвенно сама участвует в формировании определенных поло-ролевых норм. Анализ источников сквозь обозначенные призмы поможет не просто обозначить положение женщины в шляхетском обществе XVI в, но и проследить примерный механизм конструирования гендера.

Также необходимо обратить внимание на междисциплинарность методов, используемых в работе. Это обусловлено спецификой гендерных исследований в целом. Ряд задач требует комплексного подхода с использованием методов исторической социологии, психологии и этнографии. Это позволяет оценить гендер в его разных аспектах, а значит –

---

¹⁵⁷ Кись О.А. Материнство и детство в украинской традиции: деконструкция мифа // Социальная история. Ежегодник. Женская и гендерная история. / Отв.ред. Н.Л.Пушкарева. М.: Российская политическая Энциклопедия, 2003. С.157.

более полно представить его отдельные составляющие, как типичные, так и уникальные для литовского общества раннего нового времени.

Методы исследования

Для решения поставленных задач в исследовании применялся комплекс методов исторического исследования:

- ✓ историко-системный метод (обобщение интерпретации исторических фактов и создания единой системы, а также анализа и оценки отдельных фактов с позиций всей системы);
- ✓ просопографический метод (создание на основе источников общего социального опыта представительниц литовской шляхты, а также выявление факторов, влиявших на конструирование этого опыта);
- ✓ сравнительно-исторический (кросс-культурный) метод (выявление общего и уникального в гендерных ориентирах литовского шляхетства путем сравнения с другими социальными группами, а так же – с аналогичными структурами в обществе Московской Руси того же периода)

Научная новизна

Научная новизна определяется методологией и методикой, а так же самим объектом исследования. Комплексный подход, применяемый в работе, позволяет оценить все стороны гендерного портрета литовских женщин, включая источники конструирования гендера и крайне сложную проблему самоидентификации. Изучение всех сфер женского социального опыта через призму гендера позволяет, во-первых, иначе взглянуть на противоречие между правовым и реальным положением женщин привилегированного сословия в обществе ВКЛ, во-вторых, уточнить понятия маскулинного и феминного поведения в понимании людей XVI века, расширить представления о патриархате, как общественном строе.

В работе анализируются составляющие такого понятия, как «девичья честь» литовских шляхтянок. Если «честь» шляхтича, как социальный конструкт, активно изучается рядом исследователей, женская честь большинством историков понимается исключительно в узком, физиологическом смысле, что приводит к неизменному упрощению этого понятия, как социального и культурного явления. Выявлены, проанализированы и многие другие явления социальной жизни ВКЛ в контексте гендерной истории.

В ходе работы над диссертацией в научный оборот были введены новые источники (хозяйственные письма, завещания, описи принадлежащих шляхтянкам имений), которые могут быть полезны не только для изучения гендерной истории Великого Княжества Литовского, но и для уточнения генеалогических данных по истории знатных родов Литвы. Они так же могут быть полезны и для изучения социальной и политической истории ВКЛ.

Теоретическая и практическая значимость работы

Результаты исследования могут быть использованы при разработке общих и специальных курсов для высшей школы в области истории России, Литвы, Белоруссии и Украины, гендерной истории и методологии, а также при подготовке научных и научно-популярных изданий, при составлении программ, учебно-методических пособий, учебных тестов, хрестоматий.

Положения, выносимые на защиту

1. Андроцентричность общества Великого княжества Литовского весьма специфически выражалась в том, что главной ценностью являлись не интересы отдельного мужчины – шляхтича, а интересы Семьи, как основы шляхетской корпорации. Из этого проистекала двойственность в отношении к женщинам-шляхтянкам. С одной стороны, они являлись частью корпорации, а значит пользовались всеми полагающимися правами и привилегиями. С

другой, их социальная активность легитимировалась только интересами семьи.

2. Женщины привилегированного сословия взаимодействовали с «внешним» миром в рамках традиционных семейных ролей – дочери/жены/матери. Можно выделить три типа такого взаимодействия: от имени женщины выступает старший мужчина-покровитель; женщина выступает совместно с мужчиной – главой семьи; женщины действуют полностью самостоятельно. Первый вариант полностью укладывается в схему, прописанную Статутами: женщина находится под опекой, не являясь полностью дееспособной единицей общества, а ее взаимодействие с публичными институтами сведено к минимуму.

Во втором случае и мужчина, и женщина, независимо от того, кем они приходятся друг другу, являются равноценными субъектами и обладают равными правами и обязанностями. Эти ситуации, как правило, касались совместного имущества или каких-либо других общих дел семьи.

Третий вариант допускает самостоятельные действия женщины, однако обязательно указание, почему она выполняет те или иные обязанности и интересы какого мужчины-шляхтича (мужа, несовершеннолетнего сына, брата и т.д.) представляет. Действия женщины в этом случае объясняются необходимостью исполнять традиционные «женские» функции: заботой об интересах и благополучии семьи, интересах мужа, рачительном ведении хозяйства, воспитании и защите детей. Брак и материнство легитимизируют активность женщины в публичных сферах.

3. Большая вариативность доступных шляхтянкам социальных практик от представления интересов детей в суде до меценатства связана с реалиями военно-служилого государства: длительным отсутствием мужчин и перераспределением некоторых функций между главой семьи и его супругой вследствие необходимости. Не смотря на сохранение частичной недееспособности в Литовских Статутах (женщины не имеют права давать показания в суде, быть свидетелями при составлении завещаний, должны

постоянно находиться под «опекой» etc.), государственная власть толерантно относится к присутствию женщины в публичных сферах жизни. Расширение имущественных прав шляхтянок, проходившее в рамках общего расширения привилегий шляхетского сословия, так же способствовало укреплению положения женщин в обществе ВКЛ. Личная собственность, сохранявшаяся и после заключения брака, позволяла им вести себя независимо, при этом совместное с супругом имущество выступало гарантом вовлеченности женщины в дела семьи.

4. Гендерная поляризация в шляхетской среде выражена слабо. В рамках одного (шляхетского) сословия и мужчины, и женщины используют одни и те же механизмы решения конфликтов (судебная тяжба, кгвалт), одинаково интенсивно взаимодействуют в социуме, несут одни и те же повинности, обладают равной властью над детьми etc. Однако это связано не со стремлением литовского общества к равноправию (говорить о котором преждевременно), а опять же с особенностями шляхетской ментальности. Представления о семье, являясь одним из базовых элементов сарматизма, делали супругов в равной степени ответственными за благополучие рода, а потому предоставляли одинаковые возможности для поддержания этого благополучия.

5. При этом идеологический конструкт «идеальной» жены, базирующийся на новозаветном образе сострадательной и слабой женщины, является весьма популярным и активно используется шляхтянками для формирования общественного мнения. Однако основной акцент в этом случае делается именно на «вынужденную» активность (кгвалт, подкуп свидетелей, отстаивание своих интересов в суде и т.п.). «Покорность», как бездействие, воспринимается в обществе негативно – как неспособность женщины выполнять функции жены и матери. Активизация социальной жизни из-за борьбы разных ветвей христианства в литовском обществе и рост грамотности среди женщин привилегированного сословия быстро приводят к тому, что в портрет «доброй» жены добавляется еще одна черта –

меценатство/благотворительность. С одной стороны это соотносится с традиционным образом милосердной женщины, с другой – отражает высокую социальную активность, свойственную шляхтянкам XVI в.

6. Понятия «феминности» и «маскулинности» требуют уточнения относительно временного периода. Набор конкретных качеств, приписываемых женщинам и мужчинам в раннее Новое время, не всегда совпадает с современными представлениями. Например, шляхетский наезд – кгвалт – в равной степени совершали и мужчины-шляхтичи, и их жены. При этом акт насилия со стороны женщины не расценивался как позорящий ее «женскую» честь, «нетипичное» или «неженское» поведение. Наезд рассматривался судом в контексте шляхетских споров, независимо от пола зачинщика.

7. Литовское законодательство, регулировавшее шляхетские права и обязанности, постепенно развивается в сторону гендерной нейтральности. Правом опеки обладают представители обоих полов, так же под «опеку» попадают не только незамужние девушки, но и несовершеннолетние юноши (это было связано опять же со стремлением защитить имущественный фонд семьи); закон защищает имущественное положение как мужчин, так и женщин, предоставляет инициативу развода обоим супругам. При этом нельзя не отметить, что именно в статьях, посвященных семейным отношениям, сохраняется больше всего архаичных черт: двойной выкуп за нанесение ущерба, ограничения женщин при даче показаний и составлении завещаний, позорящие наказания etc. Однако шляхетство, имевшее собственные суды, уже выведено из-под действия этих статей. Именные привилегии защищают шляхтичей от порочащих честь наказаний и предоставляют большую степень свободы в решении вопросов, касавшихся внутрисемейных дел.

8. Шляхте было свойственно толерантное отношение к женской сексуальности. Известной «свободе нравов» способствовали не только расширение политических и экономических свобод, но и слабое

распространение инквизиции на землях ВКЛ, отсутствие единой идеологической доктрины, борьба разных ветвей христианства. Элементы куртуазной культуры, которые зачастую перенимались шляхтой без какого-либо осмысления, исключительно из желания подчеркнуть свою приобщенность к западноевропейскому дворянству, теряли изначальное значение и принимали весьма прозаические формы.

Женская привлекательность также была отчасти легитимизирована все тем же образом «идеальной» жены, в обязанности которой входило, в том числе, и умение нравиться мужчине. При этом значение физической привлекательности для незамужних девушек и солидных «матрон» было разным.

9. Женская «честь» шляхтянок является составным понятием, усложняющимся в процессе формирования шляхетского сословия и роста его привилегий. Оно коррелирует с шляхетской честью и при этом понимается, как составляющая чести шляхтича – мужчины. При этом включает в себя не только традиционное понимание физической невинности для девушек и верность в браке для замужних, но и множество социальных факторов.

Апробация работы

Диссертация обсуждалась на кафедре Истории России с древнейших времен до XX века Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. По теме диссертации автором был подготовлен и опубликован ряд статей, включая три статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ, общим объемом 1,5 авт. листа:

1. Колдовство в светской судебной практике Великого княжества Литовского в середине XVI века // Вестник Брянского государственного Университета. №2 (40), 2019. С.61 – 66.

2. Опека и ограничение имущественных прав шляхтянок в Великом княжестве Литовском в середине XVI в. // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. Вып. 3, 2015. С.4 – 10.
3. Положение шляхтянок в обществе Великого княжества Литовского в раннее Новое время // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. Вып.4., 2012. С.152 – 158.

Публикации в прочих изданиях:

4. «Свободная женщина» Литовской Руси: к вопросу о социальном положении шляхтянок в Великом княжестве Литовском в XVI веке // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: Материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4 – 7 октября 2012 г., Тверь. – М.: ИЭА РАН, 2012. Т. 1. С.166 – 169.
5. Место гендерных исследований в современной исторической науке в России // Жінка в науці та освіті: минуле, сучасність, майбутнє. Матеріали Четвертої міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої 130-річчю вищої освіти жінок в Україні. Київ, 2008. С.224 – 227.
6. Особенности гендерного подхода в изучении истории // Современные методы исследования в гуманитарных науках: материалы научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 16-17 декабря 2008. / Под. ред Д.М.Ильиной, А.А.Панченко. – СПб.: издательство ИРЛИ РАН (Пушкинский дом), 2008. С.39 – 42.
7. Гендерная экспертиза источников по литовскому праву XVI в. на примере Литовского Статута в его трех редакциях // Вспомогательные исторические дисциплины, источниковедение, методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX международной конференции. М.: Издательство РГГУ. 2008. С.512 – 515.

Положения диссертации были представлены на научных конференциях и круглых столах, в частности в рамках выступления:

1. О возможности сравнительного изучения гендерных сценариев женщин привилегированного сословия в обществе Московской Руси и Великого княжества Литовского в XVI веке // Всероссийская научно-практическая школа-конференция молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды». Институт Истории РАН. Москва. 3 – 5 ноября 2011.

Автором подготовлены курсы лекций с использованием методов и методологии гендерной истории:

1. Gender and Communism (на англ. языке). Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого, высшая школа международных образовательных программ.

2. Contemporary Russian Art / Введение в современное русское искусство (на русском и английском языках). Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, высшая школа международных образовательных программ.

Структура диссертации.

Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения, Списка источников и литературы, Списка сокращений.

Глава 1. Женщина как объект сексуального желания

§1. Красота как один из компонентов гендерной идентичности литовских шляхтянок

Биологический эссенциализм уже неоднократно критиковался как социологами, так и этнографами, занимающимися изучением гендера в различных культурах¹⁵⁸. Большинство конструктивистов сходятся во мнении, что именно гендерная иерархия порождает различия в поведении и самоидентификации, а не наоборот. Тем не менее, говоря об обществах раннего Нового времени, мы не можем отрицать тот факт, что биологический пол играл не последнюю роль в выстраивании межличностных отношений между людьми прошлого. Одним из основных здесь является вопрос о сексуальных взаимоотношениях: формировании табу и определенных стратегий поведения.

Взгляд на сексуальность как на биоисторический феномен, зависимый от культурного и социального контекста, позволяет определить существовавшие в Великом княжестве Литовском особенности отношения к ряду табуированных тем и явлений¹⁵⁹. Мы будем отталкиваться от нескольких биоэссенциалистских установок, явно проявлявшихся в источниках нарративного характера, для того чтобы эти особенности определить.

Первая установка выражается в разном отношении к мужской и женской сексуальности как таковой и существовавших нормах, регулировавших сексуальное поведение. В патриархальном обществе

---

¹⁵⁸Подробнее об этом: *Киммел М.* Гендерное общество. М: РОССПЭН, 2006. С.95 – 100.; *Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* Социальное конструирование гендера: феминистская теория... С.155 – 157. и др.

¹⁵⁹ Говоря о социально-конструктивистском подходе в изучении сексуальности как культурного феномена С.Л.Бем справедливо отметила: «Этот феномен (сексуальное желание – *Т.П.*) не отличается от этикета, связанного с принятием пищи. Разумеется, люди повсеместно вступают в сексуальные контакты, так же, как они повсеместно едят. Но правила, регулирующие как и с кем осуществляются эти контакты, равно как и общественные институты, обеспечивающие соблюдение этих правил, или даже само понятие сексуального или сексуально привлекательного не имеют никакой универсальной – или внеисторической – формы». *Бем С.Л.* Линзы гендера...С.147.

женщина является объектом сексуального внимания мужчины: ее собственные желания, страхи и предпочтения воспринимаются в контексте удовлетворения мужских потребностей¹⁶⁰. Существующая гендерная поляризация в отношении эротических желаний и сексуальной экспрессии обуславливается рядом норм – как моральных, так и правовых¹⁶¹. Ограничение женской сексуальности, выраженное не только в нравственных табу, но и в законодательных актах, всегда следует рассматривать в религиозном, культурном, а иногда – и политическом контексте. При этом следует понимать, что диапазон «допустимого» в вопросах сексуальности может быть весьма широк в зависимости от конкретного общества: от полной асексуальности как некоего абстрактного идеала поведения до относительной вольности. В христианской идеологии женщина выступает как орудие соращения мужчины в руках дьявола. С этих позиций любое подавление женщины (женитьба как завоевание, половой акт как реванш за «поражение» – сексуальное влечение) рассматривается, как победа над злыми силами¹⁶². Если мы принимаем за аксиому утверждение некоторых антропологов, что основы этого взгляда на женщину восходят своими корнями к древнейшим воззрениям о демонической природе сексуальности¹⁶³, остается нерешенным вопрос: на каком этапе общественного развития и под влиянием каких именно факторов появляется разница в отношении к вопросам секса и, как следствие, к женщине и ее месту в обществе. Концепция неответственности мужчины за сексуальное влечение (т.к. женщина всегда является его источником, т.е. провокатором) была характерна и для общества Великого княжества Литовского, и для Московской Руси, однако, получила разные векторы развития. Ряд вопросов, связанных с межполовыми отношениями, находился в ВКЛ в ведении не церковных, а светских судов,

---

¹⁶⁰ Там же. С.56.

¹⁶¹ Например, разное отношение к мужской и женской измене, гомосексуальности и проч., разные наказания за одно и то же преступление в зависимости от пола преступника и т.д.

¹⁶² Долгов В.В. «Зло есть женская прелесть» (сексуальная жизнь древних руссов XI-XIII вв. и их отношение к женщине // Женская и гендерная история. / Отв. ред. Н.Л.Пушкарева... С.243.

¹⁶³ Там же.

рассматривавших оные с банальных позиций экономических споров¹⁶⁴. Нам представляется, что подобное «легкое» отношение к вопросам пола коррелирует с общим расширением политических свобод шляхетского сословия. Литовские князья и затем – короли Речи Посполитой не привлекали Церковь в качестве механизма для централизации власти. Идея о бесспорной единоличной власти (власть монарха в государстве как власть отца в семье)¹⁶⁵ не получила того распространения и той поддержки со стороны официальной идеологии, как это было в Московском государстве. Более того, заинтересованные в постоянном укреплении шляхетского сословия, как военной опоры государства, литовские князья существенно расширяли всевозможные привилегии дворянства, включая и их право самостоятельно, без вмешательства государственного или церковного аппаратов, решать семейные вопросы. Княжеская власть вмешивается в семейные отношения подданных лишь в том случае, когда это касается целостности земельного фонда государства и «чистоты» сословия¹⁶⁶, во всех остальных ситуациях предоставляя шляхтичам независимость в решении брачных вопросов. В 1387 г. Ягайло даровал литовским боярам, принявшим католичество, право самостоятельно решать вопросы, связанные с выдачей замуж дочерей. (Ранее бояре могли выдавать дочерей замуж только с согласия великого князя). Позднее это право в 1457 г. подтвердит Жалованная грамота Казимира литовскому, русскому и жмудскому духовенству, дворянству, рыцарям, шляхте, боярам и местичам (о сравнении их в правах с поляками): «...а також

---

¹⁶⁴ *Сліж Н.У.* Шлюбныя і пазашлюбныя стасункі шляхты Вялікага Княства Літоўскага... С 31.

¹⁶⁵ *Пушкарёва Н.Л.* Женщины Древней Руси (X – XV вв.) М.: Мысль., 1985. – 286 с. [Электрон. ресурс]. URL: [http://www.e-reading.club/bookreader.php/140022/Pushkareva - Zhenschiny_drevney_Rusi.html](http://www.e-reading.club/bookreader.php/140022/Pushkareva_-_Zhenschiny_drevney_Rusi.html) (дата обращения - 20 октября 2018 г.)

¹⁶⁶ Ответ великого князя Сигизмунда на посольство от панов рады и всего рыцарства Великого княжества Литовского через пана Станислава Орвида и пана Миколая Юньдила с полевого сейма в Новгородке. 1 ноября 1538. // Литовская метрика. Отд. I-II. Ч. III: Книги публичных дел. Т. 1. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1914. С. 19 – 20.; Окружная королевская грамота о воспрещении женскому полу беззаконствовать и вступать в сожитие с жидами, турками и татарами, 7 декабря 1548. // Акты, относящиеся к истории Западной России... Т. 3 (1544-1587). С. 20.

дочки, племянницы и удовы могут замужь давати, нас и наших наместников не докладываючи, нижли толко обычай христианские у том заховаюче»¹⁶⁷.

При этом говорить о декриминализации сексуальной свободы еще преждевременно, т.к. литовское право предусматривает суровые (вплоть до смертной казни или членовредительства) наказания за «блуд»¹⁶⁸. Однако на уровне обыденного восприятия сексуальная привлекательность являлась одним из основных компонентов гендерной идентичности литовской шляхтянки. Косвенно это вытекало из установки, что именно способность удовлетворить мужчину делает девушку хорошей женой и потенциальной матерью¹⁶⁹. Непривлекательность, неряшливость, неумение «полюбовно обратиться» к мужчине часто звучали в судах из уст шляхтичей в адрес немилых супругов в числе прочих обвинений¹⁷⁰. А материнство являлось фактором, в конечном счете обеспечивающим женщине полную социальную свободу¹⁷¹.

Традиции поведения девушек дома и на людях формировались под влиянием Западной Европы. Позитивными чертами являлись веселость, легкое кокетство, женственность. Идея женской хрупкости, природной слабости и, следовательно, необходимости мужской защиты, воспетая многочисленными европейскими философами¹⁷², постепенно проникает во все сферы жизни и на литовской почве находит выражение не только в

---

¹⁶⁷ Жалованная грамота Казимира Литовскому, Русскому и Жмудьскому духовенству, дворянству, рыцарям, шляхте, боярам и местичам (о сравнении их в правах с поляками) 2 мая 1457. // Там же. Т1. (1340 – 1506). С.77

¹⁶⁸ О конкретизации понятия «блуд», или «распутство»: *Малиновский И.А.* Учение о преступлении по Литовскому Статуту... С. 56 – 61.

¹⁶⁹ Подробнее о стереотипных патриархальных установках: *Бем С.Л.* Линзы гендера.... С.85 – 86.

¹⁷⁰ Например: Материалы, относящиеся к имению Велешын и к родам Бохушевичей и Баховытынов, 1523 г. // ЛГИА. Ф.1280. Оп.1. №574.; дарственная запись местечка Рженазовце и участков земли Спиклосы, Мстич и Чижив с крестьянами и имуществом Яном Кирдеем Варваре Кухарской, урожд. Пекарской, вдове Станислава, 1596 г. (в записи в числе прочих причин подарка фигурирует женская доброта и «мудрость» Варвары – *Т.П.*) // ЛГИА. Ф.1280. Оп.1. №973. Л.10. и др.

¹⁷¹ Сделать подобный вывод позволяют не только статьи Статута, расширявшие имущественные права женщины после рождения ребенка (количество детей так же играло не последнюю роль), но и многочисленные акты судебных разбирательств, где именно матери выступают в качестве полноправных членов общества, имеющих право опеки над несовершеннолетними, самостоятельного распоряжения имуществом и т.д. Подробнее об этом: *Наст. исследование.* Глава 2.

¹⁷² *Kelley-Gadol J.* Did women have a Renaissance // *Women, history and theory: the essays of Joan Kelley.* Chicago: University of Chicago press, 1984. P.19 – 50.

литературной риторике¹⁷³, но и правовой системе (институте опеки), а так же стилях поведения и моде. Революция в одежде, произошедшая в конце Средневековья, четко разграничила мужскую и женскую моду¹⁷⁴. В шляхетской среде 1540 х – 1550 х годов чрезвычайно была распространена мода на всевозможные западноевропейские туалеты, пришедшая в Литву из Польши: девушки с удовольствием украшали себя, подчеркивая свою молодость и красоту¹⁷⁵. Одежда носила как сословные отличительные черты, обозначая разницу между социальным положением шляхетства и простолюдинов, так и гендерные: платье должно было акцентировать внимание на таких качествах, как женственность, изящество и других, считавшихся благодетельными.

Выдающийся исследователь литовского быта О.И.Левицкий подчеркивал, что мораль того времени допускала активное общение между юношами и девушками без дополнительных обязательств и соглашений¹⁷⁶. Общаясь с разными мужчинами, бывающими в доме, девушка была вольна выбирать линию поведения в соответствии с личными предпочтениями. Причем непосредственно общение с противоположным полом не расценивалось как согласие на романтические отношения. Кому-то в дальнейшем могло быть отказано в общении, кто-то становился счастливым. «Мужчина мог свободно бывать в доме девушки, оказывать ей всяческие знаки внимания по всем правилам рыцарских *galanterie*»¹⁷⁷ – отмечает О.И.Левицкий. В период ухаживаний («старанья») мужчина мог преподносить ей всевозможные подарки и оказывать любые другие знаки внимания, которые девушка принимала. При этом подобное «старание» не накладывало никаких формальных обязательств ни на мужчину, ни на девушку. В случае возникновения разногласий подобные ухаживания могли

---

¹⁷³ *Sarcevicene J. Idealusis moters modelis ...* P.24.

¹⁷⁴ Мэтьюс-Грико С.Ф. Тело, внешность и сексуальность. // История женщин на западе. / под. общ.ред. Ж.Дюби и М.Перро. Т.3. Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. Под ред. Н.З.Дэвис и А.Фарж. СПб: Алетейя., 2008. С.69.

¹⁷⁵ *Левицкий О.И.* Черты семейного быта...С.6.

¹⁷⁶ Там же. С.15 – 52.

¹⁷⁷ Там же. С.24.

прекратиться без каких-либо претензий, подарки оставались в собственности девушки, а «отказ от дома» не мог расцениваться как оскорбление шляхетской чести и не требовал объяснения причин¹⁷⁸.

«Старанье» было распространено не только среди шляхетства, которое весьма быстро усваивало рыцарские обычаи, но также и в среде мещан и простолюдинов, наиболее бурно проявлявших любовную эксцентричность. Так, к примеру, один мещанин, желая доказать любимой женщине (шляхтянке) силу своей любви, бросился с моста в реку во время весеннего разлива, а в другой раз отрубил себе палец за «ея здоровье». Когда же любимая отказалась выйти за него, он подал на нее жалобу и потребовал часть имения за нанесенные ему физические и душевные страдания. Суд жалобу не удовлетворил, ссылаясь на отсутствие каких-либо оформленных обязательств¹⁷⁹. Случай в данном контексте показательный, т.к. демонстрирует степень бытовой свободы девушек. Суд не рассматривает обвинения девушки в излишней фривольности, не соглашается с аргументами, что она, принимая подарки и ухаживания, тем самым якобы соглашалась на более серьезные отношения, и прочими лирическими воззваниями обвинявшего ее мещанина. Таким образом, защищается не только земельная собственность девушки, но и ее честь, право свободного общения с другими мужчинами и т.д. Притом, что в данном судебном разбирательстве сам мещанин – куда более интересный персонаж, т.к. его поведение содержит ключевые черты, свойственные маскулинности куртуазной эпохи (это и «героический» поступок, и чрезмерная драматизация последовавшего отказа), показателен так же и набор обвинений. Внешняя привлекательность девушки («пленяла своим внешним видом»), так же как и понятая превратно доброжелательность («ласку обещала») являются

---

¹⁷⁸ Юридические обязательства наступали только после официального предложения руки и сердца и заключения т.н. «змовного» листа, где прописывались необходимые условия для заключения брака. О змовных листах как историческом источнике: *Сліж Н.У.* Шлюбня і пазашлюбня стасункі шляхты Вялікага Княства Літоўскага... С56

¹⁷⁹ *Левіцкі О.І.* Черты семейного быта ... С.25.

основными характеристиками данной шляхтянки, но не принимаются судом в качестве обвинений.

Что касается практики совместного проведения ночи (аналогичный «бандлингу» в Англии, «марешинажу» во Франции)¹⁸⁰, когда мужчина с согласия родителей оставался ночевать в одной комнате (зачастую – в одной кровати) с девушкой без непосредственного сексуального контакта, то подобного рода интимные ухаживания были распространены в Литве в XVI в. только в среде простолюдинов. Шляхтичи отказываются от этой практики, способной бросить тень на честь отца семейства: воспитание «достойной» дочери входило в спектр задач шляхтича, и чрезмерная фривольность в поведении девушек косвенно говорила о том, что мужчина не справился со своей функцией отца¹⁸¹. К примеру, пану Анджею Ратынскому было отказано в доме после его неудачного сватовства: в качестве залога будущей сделки пан потребовал у отца невесты, Матея Дорожинского, разрешения остаться ночевать вместе с Доротой, что было расценено как оскорбление¹⁸². Анну Мытыньску старший брат, являвшийся так же ее опекуном, лишил доли наследства в отцовском имении за то, что она «со многими панами зналась»¹⁸³ и тем самым опорочила себя и всю семью. Весьма затруднительно сказать, что конкретно подразумевалось под непристойным поведением молодой панночки в данном случае, т.к. при судебном разбирательстве опекун не привел никаких конкретных сведений.

Видим, что отношение к женской сексуальности было весьма гибким: ее проявление зачастую считалось не только естественным, но и желательным, при этом контролировать поведение выпадало на долю родителей либо опекунов.

---

¹⁸⁰ Подробнее о «ночных ухаживаниях» в Европе: *Мэтьюс-Грико С.Ф.* Тело, внешность и сексуальность. // История женщин на западе... С.80 – 82.

¹⁸¹ *Сліж Н.У.* Гендэрна-ролевыя функцыі шляхціца у сям’і і грамадстве Вялікага княства Літоўскага. // СОЦІУМ. Альманах сацыяльнай історыі... С. 165 – 166.

¹⁸² Решение об оскорблении панові чести Матея Дорожинского и его дочери Дороты паном Ратынским, 1536 // ЛГИА. Ф. 599. Оп.1. №.266. ЛЗ1 – 32 об.

¹⁸³ Обжалованье Анной Мытыньской решения о лишении ее наследства, 1547 // Там же. №230. Л.15.

Если для девушек сексуальность являлась одной из ключевых составляющих «символического капитала»¹⁸⁴, то несколько иная ситуация складывалась в отношении уже замужних шляхтянок, т.к. после заключения брака значение сексуальности (в социальном контексте) существенно снижалось. Здесь следует отметить особенность отношения к браку как к таковому. Ряд исследователей отмечает, что легитимность сексуальной жизни в раннее Новое время обуславливалась не столько заключенным брачным союзом, как таковым, сколько последующим рождением детей. Чрезмерная страстность и сладострастие супругов подвергалось осуждению со стороны церкви, т.к. угрожало способности любить бога¹⁸⁵. Порицался не только мужчина, живущий с женой как с любовницей¹⁸⁶, но и женщина, стремившаяся вызывать желание. Эта точка зрения, активно пропагандируемая теологами того времени и затем подхваченная некоторыми историками, несколько упрощает взгляд на супружеские отношения. Но насколько это убеждение правомерно в отношении общества Великого княжества Литовского?

З.Кухович в своем исследовании «Любовь старопольская» обращал отдельное внимание на сексуальную активность женщины в браке, как на качество доброй и заботливой жены, угождающей мужу. Фригидность рассматривалась как проявление нелюбви к мужчине и отказ исполнять обязанности жены. З.Кухович определяет отношение к сексу в шляхетском обществе, как толерантное и противопоставляет его западноевропейскому католическому взгляду на секс как на греховное и грязное занятие. Эту толерантность исследователь объясняет особый уникальным типом

---

¹⁸⁴ Термин «символический капитал» широко применяется в социологии и социальной истории и обозначает набор значимых для самоидентификации социальных характеристик, определяющих место индивида в социальной иерархии (экономический капитал, уровень образования, престиж, доверие и т.д.). Эти характеристики различаются в зависимости от исторической эпохи или культурной традиции. См.: *Бурдьё П. Практический смысл...* С. 87-96.

¹⁸⁵ *Flandrin J.-L. Families in former times: kinship, household and sexuality.* Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1979. P.156 – 161.

¹⁸⁶ *Ibid.* P.158.

шляхетской культуры, формировавшейся на стыке различных религий, и политических взглядов¹⁸⁷.

Полностью отрицать значение сексуальности, как социальной черты, было бы ошибкой. Благодаря постепенному укреплению имущественного положения шляхетского сословия в Великом княжестве Литовском в целом и его женской половины – в частности, уже к середине XVI в. женщины обретают весьма значительную по меркам раннего Нового времени степень социальной и бытовой свободы. Обладая широкими экономическими правами, твердо стоя на ногах, литовские шляхтянки смогли выбирать ту стратегию поведения, которая приходилась им по душе, не опасаясь ни общественного осуждения, ни правовых санкций со стороны родственников. XVI век, по мнению как дореволюционных, так и современных исследователей, вошел в историю Литвы, как век свободы нравов, выраженный, прежде всего, в «разгульном» поведении шляхетских матрон¹⁸⁸.

Показательным примером здесь может служить некий пасквиль, который был написан уже в 1575 г. на жену луцкого городничего Александра Жоравницкого – Анну и стал предметом отдельного исследования О.И.Левицкого¹⁸⁹. Этот пасквиль интересен тем, что в нем отражены основные черты женского поведения, якобы считавшиеся неприличными и вызывавшие негодование окружающих. Наряду с разгульным образом жизни, ведомым панной Жоравницкой в отсутствие супруга («Лишь малжонокъ едет з двора – внять тутъ молодыковъ чвора...»¹⁹⁰), в пасквиле высмеивается и несоблюдением поста («На що модлы ей оферы...»¹⁹¹), и страсть немолодой уже женщины (по понятиям конца XVI в.) к нарядам и украшениям («Хочай векъ подошлый мае...убирается в форботы...»¹⁹²). По мнению неизвестного остролова, все описанные им в пасквиле черты поведения характерны,

---

¹⁸⁷ *Kuchowicz Z. Milosc staropolska...* P.28 - 30

¹⁸⁸ *Левицкий О.И.* Черты семейного быта... С.15.; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Очерки истории литовско-русского права: черты семейного права...; *Дзержина Г.В.* Права і сям'я ў Беларусі эпохі Рэнесансу... и др.

¹⁸⁹ *Левицкий О.И.* Очерки старинного быта Волыни и Украины. I. Пасквиль и суд...

¹⁹⁰ Там же. С.6

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Там же.

прежде всего, для вшечниц (проституток) и абсолютно недопустимы для солидных замужних женщин. О.И.Левицкий избегает обобщения, уделяя внимание хронологии событий и последующему за пасквилем судебному разбирательству об оскорблении шляхетской чести. Однако обобщение напрашивается само: все высмеиваемые в пасквиле черты отражают стремление подчеркнуть женскую сексуальность не только (и не столько!) перед мужем, сколько перед посторонними всеми доступными способами.

Это же стремление фигурирует в некоторых бракоразводных процессах – как негативная женская черта. Как правило, обвинения в нескромности не были главным аргументом при разводе, но присутствовали в качестве дополнительных доказательств того, что женщина не справляется со своими функциями жены и/или матери. Добиваясь развода «по вине жены», что позволяло получить обратно отписанное при свадьбе вено и оставить приданое, шляхтичи не гнушались всяческими способами очернить благоверную. Осуждению подлежала именно публичная демонстрация своей привлекательности, а не сексуальность как таковая.

Крайне важно понимать, что в данном случае речь идет о некоем абстрактном конструкте – перечне определенных черт, входивших в характеристику «злой» или «плохой» жены. Подобно тому, как торжественные панегирики на смерть знатных шляхтичей перечисляют благочестивые черты в соответствии с каноном и редко отражают реальный характер конкретного человека, так и обвинения в «нескромности» (сексуальности) зачастую включались в судебные притязания к конкретной шляхтянке лишь для того, чтобы настроить суд против нее в рассматриваемом деле. Следует отметить, что процессов, где в качестве главной причины развода указывалось бы недостойное поведение женщины, относительно немного. Как считает Н.В.Слиж, шляхтичи предпочитали не выносить «сор из избы» и разбираться с поведением своих жен самостоятельно¹⁹³.

---

¹⁹³Слиж Н.У. Шлюбныя і пазашлюбныя стасункі шляхты Вялікага Княства Літоўскага... С.92.

Впрочем, нельзя отрицать и тот факт, что довольно «свободное» поведение шляхтянок было своеобразной чертой времени. Об этом с негодованием напишет Михалон Литвин, что в Литве «<жены> ходят без дела друг к другу в гости, вмешиваясь в мужские компании,...становятся надменными и стремятся к тому, чтобы быть не столько непорочными, сколько денежными и красивыми, даже если деньги порой мнимые, а лица крашенные»¹⁹⁴.

Иногда наряду с «нескромностью» следом выдвигалось обвинение в колдовстве (приворот, одурманивание и проч.), что также должно было подчеркнуть непорядочность женщины и ее злой умысел. Однако и эти аргументы не имели полноценной юридической силы. Уже с середины XVI в. обвинения в ворожбе вообще перестают рассматриваться в светских судах и не учитываются при рассмотрении бракоразводных и иных дел, хотя иногда незадачливые шляхтичи пытались прибегнуть к обвинениям в использовании магии как к последнему аргументу в спорах¹⁹⁵.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о взаимосвязи женской сексуальной привлекательности и колдовства. Стереотип о том, что любая женщина – потенциальная ведьма, был распространен не только в Западной Европе, но и в Московской Руси. О том, что в общественном сознании присутствовали представления о некоей особой женской силе, порожденной темными духами, свидетельствуют и поговорки, распространенные, к примеру, на Волыни и южных регионах Великого княжества Литовского. «Где чорт не сможет, там бабу пошлет», «Баба и чорта извела», «Баба и чорт едины» и многие другие указывают на некое сверхъестественное женское могущество, которое необходимо контролировать. Исследователь древнерусских нравов В.В.Долгов связывает подобное отношение к женщине с первобытным страхом перед способным обессилить мужчину сексуальным

---

¹⁹⁴ Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.:Изд-во Москв.Унив.-та, 1994. С.89 – 90.

¹⁹⁵ Без некоторой доли «мистицизма» не обошелся, в частности, знаменитый развод Андрея Курбского с Еленой Гольшанской. Но князь быстро понял всю бесперспективность подобных обвинений и сосредоточился на более серьезных аргументах. См.: *Ерусалимский К.Ю.* История одного развода // Социум. Альманах социальной истории... С.149 – 176.

влечением, который затем лег в основу и христианского мировоззрения. «Страх-преклонение сменился страхом-неприязнью, – пишет исследователь, – Негативный образ женщины-обольстительницы довольно быстро стал популярен...Он вошел в качестве одной из составляющих в сложный портрет «злой жены»...Представление о связи магической силы сексуальности с женским началом закрепилось как в сфере высокой культуры (идеологии), так и в обыденной картине мира (ментальности)»¹⁹⁶.

Исследователи европейской демонологии не так категоричны. Ж.-М.Салман указывает на связь представлений о женской неполноценности и двух основных христианских постулатов: о сотворении Евы и грехопадении. То, что Ева сотворена из ребра Адама, объясняет заведомо подчиненное положение женщины по отношению к мужчине. А то, что именно Ева соблазнила Адама, накладывает на женщину ответственность за грехопадение. «Женщина опасна своей сексуальностью. Для христианства девственность остается идеалом, супружеская жизнь – вынужденная необходимость, благодаря ей миряне могут избежать смертного греха блудодействия и разврата» – пишет исследователь ¹⁹⁷. Апофеозом инквизиторской идеологии является печально знаменитый «Молот ведьм», трактат, впервые объявивший о прямой связи между колдовской ересью и женщиной и положивший начало так называемой «охоте на ведьм» – массовым преследованиям и казням женщин во многих странах Западной Европы. То, что трактат акцентирует внимание именно на сексуальной риторике, показывая ведовство как агрессивное посягательство на мужскую сексуальность и детородную функцию ¹⁹⁸, позволило историкам сделать ошибочный вывод о якобы существовавшей в сознании людей позднего Средневековья и раннего Нового времени связи между колдовством и

---

¹⁹⁶ Долгов В.В. «Зло есть женская прелесть» (сексуальная жизнь древних руссов XI-XIII вв. и их отношение к женщине) // Женская и гендерная история... С.243 – 244.

¹⁹⁷ Салман Ж.-М. Ведьмы // История женщин на западе. Т.3. Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения... С.463.

¹⁹⁸ В частности «Молот ведьм» содержит довольно подробные описания методов, которые используют ведьмы для того, чтобы лишить мужчин их детородной функции – от заговоров и заклинаний до физических увечий. См: Молот ведьм / Я. Шпренгер и Г. Инститорис; Пер. с лат. Н. Цветкова. СПб.: Пальмира. 2017. С.312.

женской сексуальностью. Последние исследования данного вопроса показывают, что причины массовых женских казней не сводились только к борьбе с женской привлекательностью. Они были гораздо сложнее и разнообразнее: от желания найти виновных в естественных, но необъяснимых для того времени катастрофах (эпидемиях, стихийных бедствиях, неурожаях и т.д.) до глобальных социально-экономических и нравственных изменений, происходивших в европейском обществе раннего Нового времени¹⁹⁹.

Предположение некоторых антропологов о том, что жертвами инквизиции прежде всего становились экономически незащищенные слои населения, независимо от внешности и возраста, подтверждается и на историческом материале Великого княжества Литовского.

Для сознания литовского шляхетства XVI в. не было характерно отождествление красоты и ведовства²⁰⁰. Это связано со сложными представлениями об особой шляхетской чести, в соответствии с которыми, среди прочего, колдовство считалось делом недостойным и порочащим имя рода. Шляхтянка не могла опуститься до того, чтобы быть ведьмой, а если возникала необходимость обратиться к потусторонним силам, прибегала к помощи слуг или известных колдунов из простонародья. Этот взгляд на колдовство, как на черту, свойственную только простолюдинам, автоматически снимал с шляхетских родов подозрения в сговоре с темными силами.

Каким бы простым и даже банальным ни казалось подобное объяснение, оно, тем не менее, подтверждается, прежде всего, фактом, что в Великом княжестве Литовском не было судебных процессов над «ведьмами» – представительницами шляхты. Напротив, все обвинения в колдовстве уже к середине XVI в. выглядят скорее, как неумелая месть или обида отвергнутых женихов и неизменно оборачиваются встречными судами об оскорблении

---

¹⁹⁹ *Салман Ж.-М.* Ведьмы. // История женщин на западе. Т.3. Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения... С.465 – 467.

²⁰⁰ *Пелипенко Т.И.* Колдовство в светской судебной практике Великого княжества Литовского в середине XVI века // Вестник Брянского государственного Университета. №2 (40), 2019. С.62.

шляхетской чести²⁰¹. М.Пиляжек отмечает, что шляхтичи, как и большинство простого населения, верили в колдовство, но включались в процесс исключительно в качестве преследователей ведьм и колдунов²⁰².

Подследственными же в делах о колдовстве оказывались представительницы низших кругов – знахарки, крестьянки, нищенки. Как правило, им вменялись обвинения в причинении вреда (сглаз, порча, неурожай) третьим лицам. «Приметами» колдовства назывались традиционные для католической традиции: полеты по ночам – самостоятельно либо же обернувшись сорокой (для подтверждения привлекались показания свидетелей), необыкновенная сила и т.н. «отметины» – следы на теле, оставшиеся якобы после сношения с Дьяволом²⁰³.

Спектр обвинений был так же ограничен. Это либо желание «извести» (наслать болезнь, отравить, разорить и т.п.), либо приворот. При этом вопрос о ведовстве чаще всего звучал в судах при разборе дел о двоеженстве или любых других вариантах «любовного треугольника». Шляхтичи всегда выступали в качестве объекта – жертвы. Проигравшая сторона обвиняла соперников в применении магии – обращении к колдунам и знахарям. Андрей Курбский во время своего громкого бракоразводного процесса с Еленой Гольшанской пытался обвинить бывшую благоверную в том, что та с помощью своей служанки якобы наслала на Курбского порчу, из-за чего его и преследовали всевозможные неудачи. Правда, по ходу самого процесса обвинения в колдовстве постепенно трансформируются в попытки отравления, а затем и вовсе снимаются с повестки²⁰⁴. Михаил Таруса пробовал добиться признания его второго брака недействительным, убеждая

---

²⁰¹ Судебные процессы над ведьмами в Литве / Подгот. К. Яблонскис, Р. Ясас. Вильнюс: АН ЛитССР, Ин-т истории, Центр. б-ка АН Лит.ССР; Мокслас. 1987. С.134 – 156.

²⁰² *Pilaszek M. Procesy o czary w Polsce w wiekach XV-XVII XVIII. Kraków:UNIVERSITAS. 2008. P.126.*

²⁰³ Исследователи обращают внимание, что чаще всего подобные «отметины» – синяки оставались после пыток. См.: *Довнар-Запольский М.В. Чародейство в Северо-Западном крае в XVII – XVIII вв. Историко-этнографический этюд. // Этнографическое обозрение. М: Императорское Общество Любителей Естествознания, Археологии и Этнографии (ИОЛЕАЭ) при Московском Университете. 1900. №2. С. 49 – 72.; Антонович В.Б. Заклинания против чар // Этнографическое обозрение. М: Императорское Общество Любителей Естествознания, Археологии и Этнографии (ИОЛЕАЭ) при Московском Университете. 1900. №2. С.72 – 76. и др.*

²⁰⁴ *Ерусалимский К.Ю. История одного развода // Социум. Альманах социальной истории... С.173 – 176.*

суд, что женился якобы в состоянии помутившегося в результате колдовства рассудка. При этом в качестве одного из доказательств своей «невменяемости» Таруса приводил аргумент, что его жена крайне непривлекательна и вообще не может вызвать желания жениться ни у одного нормального мужчины²⁰⁵. Следует отметить, что подобные обвинения в отсутствии физической привлекательности, звучали в судах Великого княжества Литовского неоднократно²⁰⁶. Это по сути своей является косвенным подтверждением того, что сексуальность в общественном представлении являлась положительной, а вовсе не отрицательной чертой.

Н.В.Слиж, впрочем, настаивает на связи ведовства и сексуальности. Исследовательница отмечает, что часто проститутки становились подозреваемыми в колдовстве именно в силу своих «профессиональных обязанностей», т.к. для заработка им необходимо было увлечь, одурманить мужчину, что в средневековом мировоззрении означало использование магии²⁰⁷. Однако также оговаривается, что в мировоззрении высшего сословия эта связь уже не так очевидна.

Тезис о неперенной связи магии и женского начала опровергает и тот факт, что в сохранившихся сведениях о наиболее известных в Великом княжестве Литовском чародеях фигурируют именно колдуны – мужчины. «Упыри», «старцы», «ведуны» проживали на окраинах крупных городов или в сельской местности, занимались врачеванием с помощью заговоров и снадобий и предсказаниями²⁰⁸. При этом «клиентами» ведунов в равной степени становились как мужчины, так и женщины, т.к. спектр услуг был

---

²⁰⁵ Разбирательство по жалобе Ивана Богушевича Тарусы на Ивановое Захарьево и квалте имения, б/д // Акты Виленской комиссии... Т.17. С.155

²⁰⁶ Судебные процессы над ведьмами в Литве... С.134 – 156.

²⁰⁷ Слиж Н.У Прастытуцыя ў Вялікім княстве Літоўскам у XVI–XVII стст. // Соціум. Альманах сацыяльнай історыі. Київ, 2017. Вип. 13–14. С. 121 – 122.

²⁰⁸ В.Б.Антонович упоминает о двух наиболее известных чародеях, живших в конце XVI в. – мужике Карпе и чародее Кузьме, которые прославились не только своими приворотными зельями, но и способностями вылечить разнообразные болезни, включая хандру, помешательства и проч. См.: Антонович В.Б. Колдовство. Документы – процессы – исследования. Пб: Тип. В.Киршбаума. 1877. С.10 – 12.

чрезвычайно широк – от традиционных приворотов/отворотов до лечения «стыдных» болезней и поиска пропажи²⁰⁹.

По мнению польских исследователей, идея, что в красивой женщине можно по каким-либо внешним признакам распознать ведьму²¹⁰, не стала популярной в обществе Великого княжества Литовского в связи с общей слабостью инквизиционного трибунала в Литве по сравнению с другими европейскими государствами, наличием православной веры (исповедуемой русским населением), а затем и униатской церкви как альтернативы католичеству²¹¹. В Великом княжестве Литовском не пылали костры Священной инквизиции, как это было в других европейских государствах. И хотя инквизиторы в соответствии с магдебургским правом получили право проводить суды на русских территориях Великого княжества Литовского уже с XIV в., в реальности суровые наказания за колдовство почти всегда заменялись штрафом и епитимией²¹². Массовые сжигания «ведьм» имели место только на территории непосредственно Польши (в двух областях – Дорухове и Плонине) уже в середине XVIII в., и то достоверность масштаба этих процессов большинством современных исследователей ставится под сомнение²¹³.

Таким образом, видим, что сексуальность и природная привлекательность, входившая в гендерную идентичность шляхтянок, являлась скорее положительной чертой. Ее значение в образе женщины изменялось в зависимости от семейного статуса: для незамужних девушек физическая привлекательность имела большее значение, чем для жен, уже скрепивших себя узами брака. Однако и для замужних шляхтянок красота стояла далеко не на последнем месте.

---

²⁰⁹ Антонович В.Б. Заклинания против чар. // Этнографическое обозрение... С.72 – 76.

²¹⁰ Печально знаменитый «Молот ведьм» содержал перечень подобных внешних признаков и был главным теоретическим руководством европейским инквизиторов по выявлению «любовниц Дьявола».

²¹¹ Pilaszek M. Procesy o czary w Polsce w wiekach XV-XVII XVIII... P.386

²¹² В.Б. Антонович пишет о том, что в Познани в 1793 году по приговору магистратского суда была сожжена некая женщина. Это является последним засвидетельствованным фактом сожжения по обвинению в колдовстве и убийствах в Речи Посполитой. Следует, однако, отметить, что подобные приговоры уже в XVI в. являлись скорее исключением, чем обыденной практикой. См: Антонович В.Б. Колдовство. Документы – процессы – исследования... С. 6 – 8.

²¹³ Pilaszek M. Procesy o czary w Polsce w wiekach XV-XVII XVIII... P.112.

§2. Девичья и женская честь как основа «символического капитала»

ШЛЯХТЯНОК

Понятие «честь» является, пожалуй, наиболее гендерно-поляризованной историко-культурной категорией, что неоднократно отмечали историки гендера. «Честь» литовского шляхтича представляет собой сложный набор социально-ориентированных качеств, которые лишь отчасти коррелируют с физиологией. Честь шляхтича публична, многогранна и отражает многочисленные социальные роли, присущие ему в обществе²¹⁴. При этом интимная жизнь шляхтича почти не подвергалась обсуждению. Сексуальное поведение мужчины являлось предметом сугубо личным, к обсуждению которого не допускалась широкая общественность. В то же время аналогичное поведение женщины всегда являлось делом публичным, зачастую касавшимся не только семьи и рода, но и господаря, канцлера etc. Понятие девичьей и женской чести, тесно связанное с сексуальностью и физиологией, при этом не было интимным²¹⁵. Оно напрямую коррелировалось с честью мужчины – главы семьи, и с честью всего рода. Публичность, неизменно присутствовавшая в подобных делах, тем не менее, воспринималась крайне болезненно. Отсюда и происходила практика позорных наказаний для женщин за преступления «против чести»: она была направлена, прежде всего, на показательное унижение («выволание» как восстановление семейной «честь») и лишь, во-вторых – на причинение физического вреда в качестве возмездия²¹⁶.

---

²¹⁴ *Сліж Н.У.* Гендерно-ролеві функції шляхтича у сям'ї і грамадстве Вялікага княства Літоўскага. // Соціум. Альманах сацыяльнай історыі... С. 165 – 184.; *она же.* Гендерная ідэнтыфікацыя шляхціча або што такое быць сапраўдным мужчынай у ВКЛ у XVI – XVII ст. // Канструкцыя і дэканструкцыя Вялікага княства Літоўскага: матэрыялы міжнар. навук. Канф. Гродна, 23 – 25 крас. 2004. / пад. Рэд. Н.У.Сліж. Мн: Лімарьус, 2007. с.135 – 142; *Старченко Н.П.* Честь як регулятар шляхецькага повсякдзення (Волянскі остання трэціні XVI – пачатку XVII ст.) // Украініскі історычны журнал... С.25 – 39. і др.

²¹⁵ *Старченко Н.П.* Публічнасьць як домінанта культурнай традыцыі: Волянскі 2 п.16 ст.// *Mediaevalia Ucrainica*... т. 5, с. 72 – 75.

²¹⁶ *Пушкарева Н.Л.* Позорыячыя накізаньня для жанцін в Расіі XIX – XX вв. // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI-XX вв.). СПб.: изд-во ЕУ СПб, 2011. С. 190-217. [Электрон. ресурс] URL <http://womenation.org/pozoriaschiye-nakazania/> (дата обращения: 30.04.2018)

Целомудрие девушек и супружеская верность замужних женщин долгое время являлись основными составляющими женской «чести». Об этом свидетельствует суровость наказаний, которым подвергались за изнасилования, женскую измену и другие преступления против нравственности. Также это подтверждают и статьи, карающие распутный образ жизни как таковой (сводничество, разврат, проституция или просто нежелание выходить замуж расценивались как действия, порочащие не только женскую, но и семейную честь)²¹⁷.

Девственность прямо не называется литовским Статутом в числе неизменных условий для заключения брака, однако иногда прописывается при составлении змовных листов²¹⁸. Иногда родители невесты письменно заверяют сватов и жениха в непорочности избранницы²¹⁹. Обычай публичной демонстрации на следующий день после свадьбы т.н. «покрасы», простыней с доказательствами физической непорочности невесты, также указывает на важность невинности для женской чести. В среде шляхетства уже в начале XVI в. этот обычай заменяется на менее унижительное для женщин «обрадование»: на утро после свадьбы муж публично благодарил свою жену за верность и преподносил в знак признательности небольшой подарок, как правило, что-нибудь из драгоценностей. При этом, не смотря на кажущуюся формальность, это действие имело колоссальное значение. Мужчина тем самым признавал свою жену «честной», брал на себя ответственность за ее защиту, обязался уважать и беречь ее. Подарок был личной собственностью женщины, его нельзя было потребовать вернуть даже при несогласной жизни супругов. Отсутствие «обрадованья» не являлось юридическим обоснованием для обращения в суд, не принималось во внимание при разводах и в большей степени было именно данью древней традиции, но, тем не менее, участвовало в формировании позитивного образа молодой жены-хозяйки.

---

²¹⁷ Статут 1588. Разд. XIV. Арт. 30. // Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] Подг. О. Лицкевич. Мн., 2002-2003 URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения – 20.10.2018 г.)

²¹⁸ *Сліж Н. У.* Шлюбні і пазашлюбні стасункі шляхты Вялікага Княства Літоўскага... С. 52.

²¹⁹ Там же.

Однако литовское право содержит ряд статей, которые позволяют сделать вывод, что женская «честь» шляхтянок, в отличие от чести простолюдинок, была более сложным составным понятием, включавшим, помимо физической непорочности до свадьбы и верности в браке, большое количество разнообразных характеристик. Вторая и третья редакции Статута относят оскорбления женщин отдельной статьей в раздел о привилегиях и вольностях шляхетства, тем самым уравнивая женскую честь с особой честью дворянина²²⁰. С этого момента на уровне законодательства признается и защищается особый статус женщины привилегированного сословия. Во-первых, шляхтянки выводятся из категории подверженных позорным публичным наказаниям²²¹. Во-вторых, под оскорблением женской «чести», воспринимающейся как честь дочери, сестры, матери или жены шляхтича, т.е. сквозь призму положения относительно мужчины, понимается теперь гораздо более широкий спектр действий, чем изнасилования и распутство, или же побои и брань, как это было в отношении шляхтичей – мужчин. В качестве оскорбления незамужних фигурирует свист вслед проходившей/проезжавшей в коляске девушке, «голые» (оскорбительные) слова, громкий «непристойный» смех в ее присутствии, появление пьяным и множество других действий²²². Так, к примеру, молодую невесту Януша Кобриньского по дороге из гостей покусали собаки, принадлежавшие пану Марковичу, что было расценено, как оскорбление чести панночки²²³. В августе 1557 года шляхтянка Аграфена Шембелева заявила на свою соседку, некую Анну Свирскую и ее сыновей за то, что они «наехали ктвалтом» на ее имение и избили ее дочь

---

²²⁰ Малиновский И.А. Учение о преступлении по Литовскому Статуту... С.106.

²²¹ Применять по отношению к шляхтичам наказания, порочащие их честь, было запрещено. Шляхтичи не подвергались поркам, членовредительству и т.п. Исключением было лишь выволание, т.е. позорное лишение шляхетского титула за государственную измену. См.: Другий Статут 1566 г. Разд. III. Арт.8 // Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года. — Мінск, 2003. [Электрон. ресурс] URL: http://litopys.org.ua/statut2/st1566_06.htm (дата обращения - 11.09..2018 г.)

²²² Левицкий О.И. Очерки старинного быта Вольни и Украины. Вып. I. Пасквиль и суд... С.12.

²²³ Заявление Януша Кобриньского о наускивании собаками, сентябрь 1540 // Акты, издаваемый Виленской комиссией...Т.17. С.151.

Татьяну, нанеся урон ее шляхетской чести²²⁴. Месяцем позднее, в тот же суд Гродненского повета обращался шляхтич Станислав Янович, чью дочь оскорбила «бранными словами» землянка Алена Грыбовская²²⁵. Обвинения в колдовстве так же расценивались как оскорбление.

Эти и многие другие типичные случаи оскорбления «словом и делом», как правило, имели одинаковый финал: за оскорбления выплачивался штраф, размер которого устанавливался в каждом отдельном случае. Штрафная сетка, устанавливаемая Статутами, определяла минимальную сумму. К примеру, за прилюдное оскорбление честной девушки или женщины «вшетечницею» (проституткой) предписывался штраф в 40 коп грошей, но на деле сумма могла варьироваться в зависимости от знатности оскорбленной. Помимо денежной компенсации, как правило, необходимо было торжественное покаяние обидчика в суде, о чем делалась соответствующая запись в актовой книге. Так как посягательство на честь женщины расценивалось как преступление против семьи, и, прежде всего, против ее главы, то и иски подавались от имени официальных представителей молодых шляхтянок: родителей, опекунов, в некоторых случаях – жениха. Незамужние девушки сами не участвовали в разбирательствах по делам об оскорблении их чести. Однако шляхтянки, уже находящиеся в статусе жены и матери, могли обратиться в суд самостоятельно и в качестве представителя собственных дочерей. Компенсации выплачивались также представителям.

Обращает на себя внимание важный момент: социальная честь шляхтянки понималась, как составляющая чести шляхтича – мужчины. Это вполне соотносится с общим духом Статута, рассматривающего женщину непременной частью семьи во главе с мужчиной. При этом, не смотря на явную патриархальность некоторых статей литовского права, уравнивание шляхетской чести мужчин и женщин было связано с общим расширением дворянских прав и все большей демократизацией общественной жизни. В

---

²²⁴Заявление пани Аграфены Шембелевой о нанесении побоев ей самой, ее дочери и служанки, а также о захвате скота сыновьями Свирской. 17 августа 1557 // Акты, издаваемые Виленской комиссией... Т.21. С.252.

²²⁵ Заявление Станислава Яновича об оскорблении его жены и дочери бранными словами // Там же. С.255.

этом проявилась сложность всех социально-политических изменений, проходивших в Великом княжестве Литовском в XVI в. Сближение с Польшей, стремление литовских шляхтичей встать вровень с польским дворянством, многочисленные заимствования как в политической, так и общественной жизни, приводили к тому, что прогрессивные нововведения зачастую наслаивались на архаичные традиционные порядки, не вступая с ними в противоречие. Одним из примеров подобной двойственности является институт опеки, долгое время существовавший в юридической практике Великого княжества Литовского, а затем и – Речи Посполитой. Призванный защищать имущественное и социальное положение литовских шляхтянок в условиях их частичной дееспособности, этот институт в одних случаях становился мощнейшим механизмом давления и манипуляций со стороны недобросовестных родственников, а в других – существенно расширял права самих женщин, так же становящихся опекунами.

§3. «Опека» как механизм регулирования общественных отношений²²⁶

Идея о том, что женская честь и, следовательно, сами женщины нуждаются в постоянной защите, нашла свое отражение в институте опеки, который окончательно сформировался к концу XV века вместе с утверждением прав литовских шляхтичей на землю. С одной стороны «опека» была явлением, тесно связанным с представлениями о реализации мужчиной своей функции заботы о женщине²²⁷. С другой – являлась инструментом регулирования, прежде всего, имущественных отношений.

---

²²⁶ Вопрос об институте опеки в Великом княжестве Литовском рассматривался автором в двух статьях, посвященных социальному положению шляхтянок: *Пелипенко Т.И.* Опека и ограничение имущественных прав шляхтянок в Великом княжестве Литовском в середине XVI в. // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. Вып. 3, 2015. С.4 – 10.; *она же.* Положение шляхтянок в обществе Великого княжества Литовского в раннее Новое время // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. Вып.4., 2012. С.152 – 158.

²²⁷ *Сліж Н.У.* Гендерно-ролевія функції шляхціца у сям'ї і грамадстве Вялікага княства Літоўскага. // Соціум. Альманах соціальної історії... С. 165 – 166.

Имущественные права незамужних шляхтянок начинают оформляться уже с середины XV в. Привилей Казимира 1457 г. даровал знатным родам Литвы право наследовать имения от родителей к детям, продолжая тем самым оформление права собственности на землю в Великом княжестве Литовском вслед за привилеем Ягайло 1387 г.: «И также по смерти отцов дети, как мужчины, так и женщины, не должны быть лишены наследственных имений...»²²⁸. По стопам Казимира в этом деле пошел великий князь Александр, который в земском привилее 1492 г., помимо всего прочего, определил наследственные права девушек и юношей («...по смерти родителей имущество наследуют дети обоих полов...»²²⁹), а также Сигизмунд I, в 1506 г. подтвердивший все предыдущие распоряжения. По I Статуту дочери могли наследовать четверть собственности отца, если в семье не было сыновей²³⁰, по редакции 1566 г. – четверть имения, независимо от того, были ли у девушки братья или нет, или же то, что отец отписывал в завещании²³¹. При условии, что основная часть имущественных прав девушек реализовывалась в виде приданого, всегда существовала опасность лишиться уже имеющихся богатств и привилегий при неразумном подходе к браку. С другой стороны, девушки являлись негласным капиталом семьи: с помощью выгодно заключенного брака можно было поправить материальное положение и укрепить положение в обществе.

Согласно литовскому законодательству, женщина всегда должна была находиться под «опекой»: отца, мужа или каких-либо других ближайших родственников–мужчин, которые являлись бы представителями интересов женщины, а заодно и распорядителями женской части собственности²³². В

---

²²⁸ Привилей, данный Литве Казимиром, 1457. // Выписки из Литовского Статута, *Volumina Legum*, сборника литовских законов с переводом их на русский язык. СПб.: Тип. Р.Голике, 1896. С.9.

²²⁹ Земский привилей великого князя Александра, 1492. // Там же С.11.

²³⁰ Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Разд. IV. Арт. 1 – 5. // Первый Литовский Статут 1529 г под ред. К.И.Яблонского. Мн: АНН БССР, 1960. [Электрон. ресурс] URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XVI/1520-1540/Statut1529/text4.phtml?id=2273> (дата обращения – 13.09.2018 г.)

²³¹ Другой Статут 1566 г. Разд.V. // Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года [Электрон. ресурс] <http://litopys.org.ua/statut2/st1566.htm> (дата обращения - 15.09.2018 г.)

²³² Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Разд.V. // Первый Литовский Статут 1529 [Электрон. ресурс] URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XVI/1520-1540/Statut1529/text1.phtml?id=2270>

случае смерти главы семьи оставшейся вдове, либо незамужним дочерям, вступавшим в права наследования, назначали опекунов – как правило для того, чтобы те «заботу являли» и «помощь в управлении дел оказывали». Кроме того, молодые девушки, в отличие от замужних или вдовствующих женщин, не могли самостоятельно выступать в суде. В случаях каких-либо судебных тяжб, будь то разбирательство по делу об оскорблении чести, или же спор о наследстве, интересы девушки также должен был представлять опекун.

В середине XVI в. была широко распространена практика, когда умирающий шляхтич «завещал» остающуюся в одиночестве дочь/сестру кому-нибудь из своих родственников или же, если таковых не было, другу или соседу. Имя опекуна прописывалось в завещании в соответствующем разделе, после чего суд выдавал грамоту, подтверждающую опекуновство. Иногда сама девушка должна была «признать» опекуна. Зачастую шляхтичи в завещаниях прописывали не только общие наставления о заботе и покровительстве оставляемых в опеке девушек, но и давали конкретные распоряжения относительно их будущего: например, необходимость выдать их замуж в ближайший год или позаботиться о приданом²³³. В целом для завещаний такого рода характерна формулировка «позаботиться», но смысл этой заботы был весьма широк.

Юридически опекун получал право на владение имением (или какой-либо другой собственности) своей подопечной и брал на себя ответственность за ее будущую судьбу. Как правило, подопечная переезжала в дом своего опекуна и жила в его семье вплоть до замужества. Опекун мог пользоваться, но не мог свободно распоряжаться вверенным

(дата обращения – 12 сентября 2018 г.); Другой Статут 1566 г. Разд. VI. // Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года. [Электрон. ресурс] URL : <http://litopys.org.ua/statut2/st1566.htm> (дата обращения - 13.09.2018 г.); Статут 1588. Разд. VI // Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения – 13.09.2018 г.)

²³³ Тестамент п. Яна Дзерзски об имени Кайришки, 1547 г. // ЛГИА. Ф.1177. оп.1. Т.1.№174.46. Л.17.; тестаменты и прочие документы на имение Бирумишки, 1548 г. // Там же. Л.12 – 14об.; Завещание п. Олехновича на двор, село и прочия земли, 1559 г. // Там же. №.179. Л.11 – 13.; вызов в суд по делу Ивана и Ульяны Богушовной Горностаев с Богушовой Боговитиновичевой об имущественных претензиях (движимого и недвижимого имущества после кончины Богуша, завещанное его дочери Ульяне), 1547 г. // Там же. Ф.1280. Оп.2.№581. Л.1 – 10 об. и др.

ему имуществом. Редакция Статута 1566 года оставляет за опекуном право использовать доходы с имения подопечной и оговаривает различные случаи такого использования. Так, если опекун «взял» разоренное имение и вложил в него собственные средства, то он мог получать доходы с этого имения вплоть до замужества подопечной. Если же имение было доходным и раньше, а опекун пользовался прибылями с него, то он должен был либо обеспечить своей подопечной равное по стоимости приданое, либо возместить ей эту прибыль после замужества. Согласно Статуту в случае крайней необходимости (угроза собственного разорения) опекун мог продать или заложить имущество подопечной, но опять-таки впоследствии вернуть сумму, равную его стоимости²³⁴. Нетрудно догадаться, что таким образом институт опеки зачастую становился весьма удобным механизмом для решения материальных проблем или получения иных выгод самого опекуна. Неудивительно, что зачастую за право опекуна между различными представителями рода разворачивалась настоящая, полная драматических событий борьба.

К примеру, судебная тяжба между Сидором Левковичем и Игнатом Проневичем за право опеки над дочерью Бориса Проневича относится к разряду миролюбивых несмотря на то, что Игнат дважды наезжал «кгвалтом» на дом Левковича и даже выкрал потенциальную подопечную, свою племянницу. В ходе суда Проневич пытался оправдаться, заверяя, что племянница сама сбежала к нему из дома Левковичей. Однако точку в этом деле поставило предоставленное Левковичем завещание Бориса, где он сам назначал Сидора опекуном своей дочери. Показательно, что мнения самой девушки в этом случае вообще не спрашивали, т.к. воля умершего отца была зафиксирована в завещании и являлась приоритетной²³⁵.

Другая трагическая история случилась с молодой шляхтянкой Мариной Тарусиной. После смерти отца Андрея Скипорова она признала своим

---

²³⁴ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Очерки истории литовско-русского права. Вып.2. Черты семейного права. С.43.

²³⁵ Спор об опеке между Сидором Левковичем и Игнатом Проневичем над их родственницей, 18 июня 1555 г. // Акты, издаваемые Виленской комиссией... Т.21. С.11.

опекуном пана Григория Воловича, изъявившего желание взять ее в «опеку» (завещание в этом случае отсутствовало)²³⁶. Спустя некоторое время (вероятно, в отсутствие Воловича) Марина вышла замуж за представителя рода Тарусы Ивана, и Волович должен был передать вверенную ему собственность, включая имения в Брестском и Луцком поветах, Тарусе. Следует отметить, что обычно при заключении брака учитывалась воля опекуна, однако Статут оставлял последнее слово за самой девушкой, и ни опекун, ни даже родители формально не могли воспрепятствовать браку дочери²³⁷. В этом случае Марина воспользовалась своим правом самостоятельно решить собственную судьбу, что, однако, не понравилось Григорию Воловичу. Он умудрился не возвращать имения подопечной в течение года после свадьбы Марины. А после, воспользовавшись отъездом Ивана Тарусы на службу, разорил ее имение и захватил часть имущества²³⁸. Марина подала в суд, но на само разбирательство не приехала. Позднее оказалось, что Волович захватил ее и три дня продержал у себя в доме, требуя развода с Тарусой и возвращения под «опеку». Спустя некоторое время Волович снова совершил наезд на имение Тарусы, избил Марину и самого Ивана²³⁹. Чем закончилась эта история – сказать трудно, так как решения суда по этому делу в актовых книгах нет, однако известно, что спустя год Марина все-таки развелась с Иваном Тарусой и без каких-либо осложнений практически сразу снова вышла замуж. Вражда же между Тарусой и Воловичем, судя по тем же актовым материалам, продолжалась и в дальнейшем. Таруса неоднократно разорял имения Воловича, угонял его людей и скот²⁴⁰.

---

²³⁶ Признание пани Марины Сопотько своим опекуном пана Григория Воловича, август 1556. // Акты, издаваемые Виленской комиссией...Т.17. С.116

²³⁷ Другий Статут 1566 г. Разд.V. // Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года. [Электрон. ресурс] URL: <http://litopys.org.ua/statut2/st1566.htm> (дата обращения - 15.09.2018 г.)

²³⁸ Заявление Марины Тарусиной о разорении ее имения Григорием Воловичем и захвате ее имущества. 3 августа 1557. // Акты, издаваемые Виленской комиссией...т.21. С.250.

²³⁹ Заявление Ивана Тарусы о нанесении ему и жене его тяжких ран и захвате его имения Григорием Воловичем. 5 сентября 1557 // Там же. С.255.

²⁴⁰ Заявление Григория Воловича о разорении его имения людьми Ивана Тарусы, декабрь 1557. // Там же. С. 314.

Бывало и так, что пункты об опеке родственники вписывали в завещания уже после смерти главы семейства. Подлог довольно трудно было выявить, но иногда недовольные исходом родственники все-таки пытались оспорить подлинность, как, например, в случае с подложным завещанием Ивана Коптя. На следующий день после смерти Коптя его мать принесла в городской суд завещание, по которому все имущества отходили его беременной жене Марине Полубьянской и малолетней дочери Марине со ссылкой на вторую редакцию Статута. Жену поручали «опеке» Троцкого воеводы пана Николая Юрьевича Радзивилла и оговаривали, что имущества находятся в пользовании пани Марины до повторного брака, в случае повторного замужества имущества отходили их общей дочери, а опекуном становилась мать Коптя – пани Мария Крошиньская. Завещание было скреплено печатью Коптя, но в отсутствие свидетелей. Спустя несколько недель после смерти Коптя, его вдова пани Марина действительно снова вышла замуж за Станислава Нарушевича, и все имущества согласно завещанию отошли несовершеннолетней дочери Коптя Марине под опекой бабушки. Нарушевич с новоиспеченной супругой обратились в суд с заявлением, что завещание подделано матерью Коптя с целью получить опеку, в то время, как сам Иван Копоть желал отписать жене все имущества в качестве подарка, но не успел этого сделать из-за тяжелой болезни. Аргументы Нарушевича не нашли должного отклика в суде, и завещание было признано действительным²⁴¹.

Прекрасный пример всевозможных манипуляций с опекуном – судьба литовской Мессалины – Анны Монтовт, чья биография скрупулезно была восстановлена исследователем волынского быта О.И.Левицким²⁴². Доставшиеся ей от двух мужей имущества в итоге были отобраны мачехой, повторно вышедшей замуж. Анну, в конце концов, насильно выдали замуж за

---

²⁴¹ Вырок тивуну виленскому п.Станиславу Нарушевичу и малжонце его пани Марии Львовне Полубьянской с пани Коптевою Василевича и з сыном ее Василем Коптем об опеку по первому мужу пану тивуну Ивану Коптю и о удержанье в неведомости ее часу хоробы некоторых записов на имення, 18 сентября 1566 г. // Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 44 (1559 – 1566)... С.126 - 136.

²⁴² *Левицкий О.И.* Анна Монтовт. Историко-бытовой очерк из жизни волынского дворянства XVI в... – 69 с.

конюха, который «на правах опекуна подтвердил все записи в пользу мачехи и ее нового супруга»²⁴³

Ошибочно думать, что главной задачей опекунов была исключительно забота об имуществе вверенных им подопечных. Опекун должен был заменить девушкам отца, т.е. исполнить все связанные с отцовством функции: позаботиться о приданом, организовать свадьбу, обеспечить безопасную и достойную жизнь до вступления в брак, при необходимости – дать необходимое воспитание и образование. Согласно литовскому праву юные шляхтянки могли в судебном порядке требовать от опекунов исполнения всех этих обязанностей. Не смотря на формальный запрет женщинам самостоятельно выступать в суде, уже в 1530-е годы в судах рассматривались жалобы девушек на собственных опекунов, которые не справлялись с возложенными на них обязанностями: пускали на самотек хозяйственные дела, не занимались устройством брака подопечных или вовсе запрещали выходить замуж. Очевидно, что опекун не обладал той безоговорочной полнотой власти, какая была у родителей. В случае явных злоупотреблений, не надлежащей заботы и иногда даже вредительства опекуна девушку могли «перепоручить» другому родственнику или же оставить под опекой Великого князя Литовского.

Молодая панночка Дорота жаловалась на собственную мать, которая вместе с отчимом жила в имении своего первого мужа (отца Дороты), хотя по закону после вторичного замужества должна была передать имение дочери²⁴⁴. А престарелая боярыня Суздальцова обвиняла собственную дочь в том, что та отняла у нее половину имения. На что молоденькая панночка отвечала, что лишь забрала полагавшуюся ей после смерти отца часть собственности²⁴⁵. В обоих случаях суд поддержал девушек и утвердил за ними часть собственности, правда все же назначил других лиц опекунами.

---

²⁴³ Там же. С.65.

²⁴⁴ Декрет дочери пана Осипа Дороты с отчимом и матерью об имени, 1492 г. // Акты литовской метрики / изд. Ф.И.Леонтович. Т.1. Вып.2. С.25

²⁴⁵ Жалоба боярыни Марии Суздальцовой на дочь свою об отнятии половины имения, оставшегося после смерти ее мужа, отца Феодосии. // Там же. С.116.

Иной раз девушки жаловались на опекунов за то, что те запрещали им выходить замуж, старясь как можно дольше сохранить свое попечительство. Разумеется, в подобные непростые ситуации могли попасть только довольно состоятельные молодые шляхтянки, получившие большое наследство. Опекунство над бедными девушками порой становилось тяжкой обузой, т.к. содержание и обеспечение ее приданым ложилось на плечи опекуна. И в этом случае девушку наоборот старались побыстрее отдать замуж, чтобы сократить собственные расходы.

Известны также ситуации, когда опекун, если только он не являлся близким родственником, сам хотел жениться или даже женился на собственной подопечной. При согласии самой девушки, законом подобное не запрещалось. Так, к примеру, Иван Богушевич, будучи опекуном вдовы Марии Тышкевич и ее детей, неоднократно сватался к своей подопечной, а получив очередной отказ, наехал «квалтом» и разорил имение, доставшееся Марии по наследству от мужа²⁴⁶. Схожая история приключилась и с панной Алжбетой Юрьевской, которая оставшись вдовой, трижды сдерживала натиск брата своего покойного мужа, но затем все-таки вышла замуж за собственного деверя. Станислав Юрьевский таким образом существенно расширил свои владения и даже расплатился с долгами²⁴⁷.

Весьма распространенной была и обратная ситуация, когда женщины сами становились опекунами своих несовершеннолетних детей. Эта привилегия, впрочем, распространялась только на вдовствующих матерей, которые имели достаточно сил (не только моральных, но и физических) на то, чтобы самостоятельно управляться с имениями и нести многочисленные повинности²⁴⁸. В отличие от Московской Руси, где вдова автоматически становилась опекуном собственных детей²⁴⁹, польско-литовским панночкам

---

²⁴⁶ Вырок Потеевой Тышкевича вдовы Марии с Иваном Богушевичем.// ЛГИА. Ф.1280. Оп.1. Т.1. Д.822. Л.1. – 2.

²⁴⁷ Вырок Алжбеты Юрьевской со Станиславом Юрьевским // Там же. Ф.599. Оп.1. №40. Л.4 - 4об.

²⁴⁸ Подробнее о социальном положении вдов и матерей: Наст.исследование. Глава 3.

²⁴⁹ См.: Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси...[Электрон. ресурс] URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/140022/Pushkareva_-_Zhenschiny_drevney_Rusi.html (дата обращения - 20 августа 2018 г.)

зачастую приходилось бороться за право опекуна с другими родственниками – мужчинами. Исход такой борьбы был непредсказуем и часто зависел от личных качеств участников. Одно можно сказать наверняка: не смотря на ограниченную дееспособность женщин, пол не являлся определяющим для суда фактором при принятии решений об опекунах. Зачастую решение зависело от того, сможет ли конкретная шляхтянка выступать на равных с мужчиной – шляхтичем. Это касалось как поведения в суде (сбор доказательств, поиск свидетелей и даже подкуп), так и вне его стен (участие в квалте имений соперника, способность защитить собственный дом и т.д.)

Таким образом, изначально формируясь как институт с явной гендерной спецификой, со временем опека утрачивает функции гендерного регулирования, превращаясь в механизм управления имуществом несовершеннолетних, независимо от пола.

§4. Институционализация сексуальных отношений

Статут напрямую регулирует сексуальные отношения вне брака с позиций уголовного права, в браке – косвенно, в отдельных случаях, когда дело касалось развода и имущественных споров. Эти статьи базируются на патриархальной установке: секс, если он не имеет целью продолжения рода, является преступлением²⁵⁰. Означенное поведение трактуется не в духовном, нравственном смысле, а вполне светски, хотя и традиционно: преступления на сексуальной почве являются, прежде всего, оскорблением чести не только самой женщины, но и всего рода. Подобные преступления все еще расцениваются как частное явление, не смотря на то, что в целом уголовная система ВКЛ к редакции 1588 года уже приходит к пониманию общественной значимости преступления²⁵¹. В этих нормах ярче и дольше, чем в других,

---

²⁵⁰ Бем С.Л. Линзы гендера... С.34 – 35.

²⁵¹ Демченко Г.В. Наказание по Литовскому Статуту в его трех редакциях... С. 9.

сохраняются черты традиционного права с элементами «кровной мести» и членовредительства в качестве показательных, «позорных» наказаний, «споличности» как неопровержимого доказательства вины и материальной компенсацией, выделяемой из имущества преступника. Трудно согласиться с литовским исследователем А.Бумблаускасом, который весьма вольно трактует двойные штрафы за оскорбление или побои женщины, указанные в литовском законе. По мнению ученого, они отражают «особую заботу о женщине, как о наиболее незащищенной единице общества»²⁵², что свидетельствует о передовом духе Статута. Безусловно, многие нормы Статута 1529 года, касавшиеся политического или экономического устройства, были весьма прогрессивными для XVI в., однако вряд ли к ним можно отнести положения, регулировавшие вопросы половых взаимоотношений. Древний обычай двойного выкупа, по меткому замечанию И.М.Валиконите, отражал значение роли женщины в семье и семейном хозяйстве²⁵³. Он не подразумевал особого положения женщины в общественной или политической жизни, и юридическое оформление этого обычая в первой редакции Литовского Статута есть ничто иное, как закрепление традиции в законодательстве. Двойной выкуп фигурирует еще в Русской правде, откуда, скорее всего, переходит в Судебник Казимира 1468 года, а затем – и в первую редакцию Статута²⁵⁴. Как пишет А.Ю.Дворниченко, роль традиции с принятием Первого Статута не

---

²⁵² Бумблаускас А. Первому Статуту – 480 лет // [Электрон. ресурс] URL: <http://ru.delfi.lt/archive/article.php?id=20022499&categoryID=14677646&ndate=1231624800> (дата обращения – 29.05. 2018)

²⁵³ Валиконите И.М. Социально-экономическое и правовое положение женщины...С.25.

²⁵⁴ Не смотря на то, что вопрос об источниках Литовского Статута неоднократно поднимался в отечественной историографии, он до сих пор является весьма спорным. Мы придерживаемся точки зрения о симбиозе древнерусского права и собственно литовских норм, однако не останавливаемся на этом подробно, т.к. это не входит в задачи данного исследования. Подробнее об источниках литовского права: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Судебник 1588. Его значение и источники. Киев: Тип. Имп. Унив.-та им.Св.Владимира, Акционерное общество печатн. и изддела Н.Т.Корчак-Новицкого, 1902. – 65 с. Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского... С.66 – 71; *Леонтович Ф.И.* Источники русско-литовского права. Общий обзор источников. С.3 – 10.; *он же.* Русская Правда и Литовский Статут... С.16.; *Максимейко Н.А.* Источники уголовных законов Литовского Статута...С.15; *он же.* Русская правда и литовское право. С.32.; *Пашуто В.Т.* Страны Прибалтийского региона // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М.: Наука, 1972. С.252 – 296.; *Старостина И.П.* Судебник Казимира 1468 // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1988 -1989. М., 1991. С.170 – 334.; *Lazutka S., Gudavicius E.* I Lietuvos statuto saltiniu klausimu // Lietuvos TSR aukstuju mokyklu mokslo darbai. Istorija, 1970. XI. и др.

уменьшилась, архаичные черты сохранялись и в процессе судопроизводства, и в наказаниях за преступления²⁵⁵. От себя добавим, что именно в нормах, так или иначе касавшихся семейных взаимоотношений, эта архаика сохраняется дольше всего и лишь частично нивелируется королевскими привилегиями и грамотами в каждом отдельном случае.

В рамках нашего исследования мы коснемся норм, регулировавших сексуальные отношения в контексте уголовного права, а именно – преступлений против нравственности и против семейного права²⁵⁶. Именно эти статьи наиболее наглядно демонстрируют гендерную поляризацию, которая в данном случае отражает не столько иерархичные связи «мужчина – женщина», сколько разный смысл, вкладываемый обществом в понятие сексуальности в зависимости от биологического пола объекта.

Понятие «распутства», фигурирующее в Статутах, накладывает ограничения на сексуальную жизнь вне брака, но касается поведения исключительно незамужних женщин. Количество сексуальных контактов мужчины не подлежало публичному обсуждению (тем более – осуждению) и не регламентировалось законом.

«Распутство», или «блуд», понимается предельно широко: от непосредственно «ремесла непотребства» (проституции) до т.н. «жизни в непотребстве»²⁵⁷. Девицам, живущим «блудной жизнью», Статут определяет смертную казнь – в случаях, когда о «блуде» в суд доносили родственники и факт блуда подтверждался²⁵⁸. В этой статье нет прямого указания на денежную плату за интимные услуги, однако можно предположить, что столь суровые наказания накладывались только за проституцию и сутенерство. Обвинительные приговоры оперируют сведениями именно о полученных

---

²⁵⁵ Об эволюции правовой системы Великого княжества Литовского: *Дворниченко А.Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского... С.61 – 73.

²⁵⁶ *Малиновский И.А.* Учение о преступлении по Литовскому Статуту... С.106.

²⁵⁷ *Андрюлис В.И.* Правовое регулирование семейных отношений... С.9

²⁵⁸ Статут 1588. Разд. XIV. Арт. 30. // Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения – 13 октября 2018 г.)

денежных средствах как доказательствах «блуда»²⁵⁹. В качестве же наказания просто за секс вне брака «казнь горлом» не применялась даже по отношению к простолюдинкам, не говоря уже о шляхте²⁶⁰.

Светская власть дистанцируется от непосредственного регулирования личных взаимоотношений своих подданных, однако оставляет шляхтичам механизмы давления на чересчур любвеобильных родственниц. Дело в том, что под «распутством» литовское право понимает не столько сексуальные контакты вне брака как таковые, сколько отказ от основных гендерных ролей жены и (впоследствии) матери (т.е. нежелание выходить замуж, «разгульный» образ жизни и т.д.). Уголовным преступлением подобное поведение уже не является, однако регулируется с помощью имущественного права. К примеру, если девушка неоднократно отказывала женихам и до 25 лет не выходила замуж, ее могли лишиться наследства (согласно второй редакции Статута)²⁶¹. В редакции 1588 г. ничего не говорится о возрастных ограничениях, но «непотребство» влекло за собой отречение родителей²⁶². Таким образом Статут позволял шляхтичам снять с себя ответственность за действия дочери и как бы ограждал семью от возможного позора. При этом девушка не имела права обжаловать решение родителей в суде или требовать через суд обеспечить ее приданым.

Примечательно, что чрезмерная избирательность в женихах также могла расцениваться как непристойность, но уже не на уровне права. В своем завещании умирающий Ян Левкович строго-настрого наказывал выдать замуж засидевшуюся «в девках», двадцатитрехлетнюю дочь, дабы

---

²⁵⁹ Сліж Н.У. Прастытуцыя ў Вялікім княстве Літоўскім у XVI–XVII стст. // Соціум. Альманах соціальної історії. С. 115–116

²⁶⁰ Сліж Н.У. Шлюбныя і пазашлюбныя стасункі шляхты Вялікага Княства Літоўскага... С.82

²⁶¹ Другі Статут 1566 г. Разд. XIV. Арт. 24. // Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года. [Электрон. ресурс] URL: <http://litopys.org.ua/statut2/st1566.htm> (дата обращения - 13.10. 2018 г.)

²⁶² Малиновский И.А. Учение о преступлении по Литовскому Статуту... С. 57.; Статут Великого княжества Литовского 1588 г. Разд. XIV. Арт. 30. // Статут Великого княжества Литовского 1588 года. [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (Дата обращения - 08.06.2017)

избежать вечного позора²⁶³. При это он отдельно обговаривал, чтобы та не сильно привередничала, так как уже отказала троим женихам.

Физическую неприкосновенность девушек и женщин Статут защищает в контексте защиты «чести» и предусматривает самые суровые наказания за посягательство на нее. Смертной казнью карался т.н. брак умышкой, иначе говоря – насильственное похищение девушки с целью дальнейшего супружеского сожительства, при этом треть имущества похитителя отходила семье потерпевшей²⁶⁴. Казни можно было избежать, если семья девушки соглашалась выдать ее замуж за похитителя. Похищение замужней женщины однозначно каралось смертной казнью, а в случае, если женщина соглашалась ехать добровольно, т.е. сбегала, казнили и ее. Правда, вопрос о применении смертного приговора в этом случае решал муж – за ним оставлялось право простить и помиловать супругу²⁶⁵. Кроме того, потерпевшему (т.е. обманутому мужу) из имени похитителя выплачивалась двойная стоимость увезенного/украденного движимого имущества. При этом, чтобы доказать факт похищения, достаточно было крестоцеловальной клятвы в том, что девушку именно похитили, а не увезли по взаимной договоренности.

Здесь необходимо оговориться, что похищение в других целях не влекло за собой столь суровое наказание. Кгвалт, т.н. шляхетский наезд на соседние имения в близлежащей округе, был одним из распространенных способов разрешения конфликтов между шляхтичами. Зачастую в результате таких наездов из разоренного имения угоняли не только слуг, но и жен и детей владельца. Их могли удерживать в качестве пленников до разрешения конфликта или в качестве демонстрации силы. При этом, как отмечает О.Е.Мальченко, кгвалт, согласно литовскому праву, не был обычным разбоем и рассматривался в контексте взаимных претензий

---

²⁶³ Тестамент п. Левковича о распоряжении на владение имений с пашнями, проживающими на них крестьянами и об опеке, 1577. // ЛГИА. Ф.599. №202. Л.18.

²⁶⁴ Статут Великого княжества литовского 1588 г. Разд.ХІ. Арт.13. // Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения - 14.10.2018 г.)

²⁶⁵ Там же. Разд.ХІV, арт.29.

участников как одна из крайних мер, но не как уголовное преступление²⁶⁶. Как правило, враждующие стороны, в конце концов, встречались в суде и решали имеющиеся противоречия полюбовно. За похищение и удержание пленников шляхетского сословия независимо от пола назначался штраф в качестве компенсации «за моральные и физические страдания».

За изнасилование (квалтованье) так же полагалась смертная казнь. Процедура доказательства изнасилования была несколько сложнее. Смысл всех посвященных этому статей во всех трех редакциях одинаков: девушка, подвергаясь насильственному нарушению целомудрия²⁶⁷, должна была позвать на помощь находящихся поблизости людей или же (если на ее крик никто не откликнулся) сразу же после случившегося обратиться за помощью, предоставив следы изнасилования. В случае доказательства вины преступник подвергался смертной казни. Впрочем, он мог избежать суровой участи, женившись на пострадавшей девушке (если она и ее родственники не были против). При этом подчеркивалось, что именно крик являлся доказательством насилия с одной стороны и сопротивления с другой: «Если девка или жонка кричала, и на тот крик люди сбежались, и она им бы показала свидетельства насильства, а потом при двух – трех свидетелях крест целовала, то насильника карать горлом... А если же она девка не кричала, то тогда и обвинений от нея не принимать»²⁶⁸. Логика рассуждения здесь вполне ясна: раз девушка в момент насилия не кричала, значит, не хотела привлечь внимание; а раз не хотела привлечь внимание, значит, акт свершался по обоюдному согласию, и, следовательно, все обвинения с преступника снимаются сами собой. Что характерно, здесь, так же как и в статьях о мужеложстве, крайне важен момент захвата преступника с поличным или в максимально короткие сроки, но только при условии незамедлительного предоставления следов насилия. Это

---

²⁶⁶ Мальченко О.Е. Шляхетські наїзди у світлі маєткових актів кінця XVI – першої половини XVII ст. (військовий аспект) // Київська старовина. 1997. №3–4. С. 94 – 113.

²⁶⁷ Статут Великого княжества Литовского 1588 г. Разд. XI. арт. 13 // Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения - 08.05.2018 г.)

²⁶⁸ Там же.

непременное условие «споличности», когда необходимо именно застать преступника, является архаичным отголоском древнерусского права, где момент уличения зачастую был важнее самого преступления. Обращение в суд по прошествии какого-либо времени уже не имело силы: суды отказывались рассматривать подобные заявления.

В качестве примера позволим себе привести случай, произошедший в 1557 г. с паном Дмитрием Никитичем. Его слуга изнасиловал дочку боярина Василия Мелешки. Девушка не смогла позвать на помощь, но рассказала о случившемся отцу. Василий пришел к пану Дмитрию с тем, чтобы тот наказал слугу и выплатил дочери компенсацию. Однако Дмитрий отказался платить деньги и наказывать слугу, сославшись на то, что Мелешко не представил никаких доказательств и не призвал положенных по Статуту трех свидетелей преступления. Между Дмитрием и Мелешкой произошла драка, после чего последний подал в суд на строптивного пана. Однако и суд оказался на стороне пана Дмитрия. Обвинения в изнасиловании в суде не признали по тем же причинам, а сам Мелешко был вынужден заплатить штраф за избиение шляхтича²⁶⁹. Сейчас уже невозможно достоверно установить был ли свершен акт изнасилования на самом деле, или же Мелешко таким образом пытался добиться у пана Дмитрия списания долга (Мелешко неоднократно брал у Дмитрия в долг крупные суммы, о чем в актовых книгах Гродненского суда сохранилась соответствующая запись²⁷⁰).

Иногда обвинениями в изнасиловании девушки пытались скрыть имевшие место сексуальные связи дабы избежать порицания семьи и обществом. В квалтованье пани Друзианны Немировны обвиняли мещанина Андрея Капусту. Ян Абергарт, представитель панночки, подал в суд жалобу на Капусту, указав, что тот обманом заманил Друзианну к себе в дом, удерживал несколько дней взаперти, а после «снасильничал». Однако при допросе самой девушки оказалось, что Друзианна приехала к мещанину

---

²⁶⁹ Заявление Василия Мелешко об изнасиловании его дочери человеком Дмитрием Никитичем и о нанесении ему побоев, 7 сентября 1555. // Акты, издаваемые Виленской комиссией... Т. 21. С.65 - 66

²⁷⁰ Расписка Василия Мелешко о взятии в долг денег у пана Дмитрия Никитича. Январь, 1554. // Там же. С. 25

по доброй воле, между ними состоялся разговор о предстоящей свадьбе, после чего по обоюдному согласию произошел сексуальный контакт. Однако на следующее утро Капуста передумал венчаться, тогда Друзианна и рассказала о случившемся брату, обвинив несостоявшегося жениха в изнасиловании: «А потом на частую прозбу его учинила есми то ку воли, и не кгвалтом, але зь моимъ призволеньемъ то учиниль изъ волею моею до мене пришол, але ми прирекъ понятии мене за жону. Ино сего дня не хотел ся венчати за мною. Я просила брата абы шоль зь жалобою до враду»²⁷¹. Обвинения в изнасиловании с Капусты сняли, однако суд постановил жениться на обманутой панночке.

Сексуальная жизнь супругов в браке регламентируется литовским светским правом косвенно. К разряду уголовных относятся два вида преступлений против семейного права, каравшихся смертной казнью – измена жены и двоеженство. Однако сложная процедура доказательств, требовавшаяся в первом случае, и путаница между различными формами брака, принятыми в Литовском княжестве в начале XVI в. – во втором, привели к тому, что в повседневной юридической практике эти нормы применялись чрезвычайно редко.

Для того, чтобы женская измена была признана в суде, муж должен был застать свою жену с любовником, объявить об измене окрестным соседям, а затем обратиться в городской суд, где с помощью показаний свидетелей (тех самых соседей) доказать вину неверной супруги²⁷². При подобном раскладе и женщину, и ее любовника ждала «казнь горлом». Если супруг подозревал о неверности своей благоверной, ему позволялось следить за женой, чтобы уличить ее, но никакие косвенные улики или просто подозрения не могли служить доказательством вины. Так же, по всей видимости, в расчет не

---

²⁷¹ Вырок о згвалтовае панньны Друзианы Немировны от мещанина виленского Андрея Капусты. 22 ноября 1546 г. // Lietuvos Metrika. (1546 – 1548) 19 – oji Teismu bylu knyga. P.71 – 72.

²⁷² Статут Великого княжества Литовского 1588 г. Разд.XIV. Арт.30. // Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения - 10.05.2018 г.)

брались показания посторонних людей, видевших подозреваемых вместе когда-либо в прошлом.

Впрочем, шляхтичи не спешили применять норму об уголовной ответственности за измену, предпочитая решать вопрос менее радикально. Зачастую в качестве официальной причины развода из-за измены жены в суде называлось что-нибудь нейтральное, например, несогласная жизнь супругов, частые ссоры и тому подобное. Н.В.Слиж объясняет это нежелание шляхтичей обращаться к соответствующей норме права не только сложностью доказательства вины, но и стремлением избежать позора, т.к. неблагоприятное поведение супруги кидало тень и на самого мужчину, ставя под сомнение его состоятельность²⁷³.

В то время как измена жены считалась уголовным преступлением, измена мужа долгое время наказывалась лишь церковной епитимией и только в середине XVI в. была включена в перечень официальных поводов к разводу «по вине мужа»²⁷⁴. Разное наказание (и разная степень ответственности) для мужчин и женщин за одно и то же сексуальное поведение может рассматриваться как проявление гендерной поляризации правовой системы. Наличие нескольких половых партнеров одновременно не просто являлось для женщины недопустимым или позорным, оно воспринималось, прежде всего, как оскорбление мужа. В то же время сексуальная активность мужчины была скорее положительной, нежели отрицательной характеристикой, и потому наличие неких контактов «на стороне» не воспринималось обществом столь болезненно.

В заключение необходимо отметить, что снисходительное отношение к вопросам женской сексуальности и эротизма было отличительной чертой шляхетской культуры XVI века. Л.И.Тананаева говорит даже о своеобразном культе, которым были окружены женщины привилегированного сословия²⁷⁵. Мы не стали бы идеализировать либерализм во взглядах шляхты. Отношение

---

²⁷³ Слиж Н.У. Шлюбныя і пазашлюбныя стасункі шляхты Вялікага Княства Літоўскага... С.50.

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ Тананаева Л.И. Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М.: Наука, 1979. С.25

к сексуальности в шляхетской среде не было однозначным, как не была однородна и сама шляхта. И даже гневные речи Михалона Литвина, обвинявшего литовских женщин в излишней распущенности и видевшего нравственный идеал в молчаливой покорности татарских жен²⁷⁶, находили пусть немногих, но все же последователей²⁷⁷. М.Литвин нашел немногочисленных единомышленников преимущественно в среде мелкого литовского шляхетства, быстро перенявшего внешний облик и манеры польского дворянства, но еще не свыкшегося с его мировоззрением и образом мыслей. Более того, по-прежнему было распространено убеждение, что изначально женщины менее нравственны, чем мужчины, и брак необходим, чтобы сдерживать природную женскую сексуальность в рамках дозволенного. Это убеждение находило отражение как в торжественных панегириках²⁷⁸, так и публицистских трактатах XVI в²⁷⁹. При всем вышесказанном уникальность социального опыта Великого княжества Литовского (а затем – и Речи Посполитой) заключается в том, что при сохранении андроцентричных взглядов на женскую природу, женская сексуальность была легитимизирована, а сами женщины наделены рядом свобод и привилегий наравне с мужчинами. Терпимое, а часто поощрительное, отношение к женской «нескромности» свидетельствует о начале складывания особой шляхетской ментальности, свободной от многих гендерных установок, характерных для патриархальных обществ раннего Нового времени.

---

²⁷⁶ Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян... С.90.

²⁷⁷ Kuchowicz Z. Milosc staropolska... P.192.

²⁷⁸ Sarcevicene J. Idealusis moters modelis XVI a. II P. – XVII a... P.156.

²⁷⁹ Kuchowicz Z. Milosc staropolska... P.200.

Глава 2. Женщина как хранительница домашнего очага: социальные функции жены и матери в шляхетском обществе XVI века

§1. Порядок заключения брака и социальное значение супружества в Великом княжестве Литовском

Говоря о браке в XVI в., необходимо отметить, что социальное значение брак имел не только для женщины, но и для мужчины. Супружество расширяло имущественные права²⁸⁰, легитимировало сексуальные отношения, укрепляло положение обоих супругов в обществе²⁸¹. Укрепление внутрисословных связей, решение материальных проблем так же происходило через брак, т.к. именно семья наряду с соседством являлась главным фактором консолидации шляхетского сословия в XVI веке²⁸².

Значение брака для мужчин и женщин было разным. Для мужчины свадьба фиксировала наступление совершеннолетия и полной юридической дееспособности²⁸³. Брак являлся вспомогательным инструментом на пути социального становления мужчины. Некоторые социальные роли становились доступны шляхтичу только после женитьбы, супружество было необходимым элементом «доброй» репутации²⁸⁴. Не смотря на патриархат литовского законодательства²⁸⁵, вдовы часто брали опеку над холостыми сыновьями, так

---

²⁸⁰ *Валиконите И.М.* Социально-экономическое и правовое положение женщины в ВКЛ (с конца XVв. до первой половины XVI)...С.6

²⁸¹ *Сліж Н.У.* Гендэрна-ролевыя функцыі шляхціца у сям’і і грамадстве Вялікага княства Літоўскага. // Соціум. Альманах сацыяльнай історыі... 165 – 184

²⁸² *Дмитриев М.В.* Польская шляхта в XVI – XVIII в. // Европейское дворянство XVI – XVII вв: границы сословия. Отв.ред. В.А.Ведюшкин. М: «Археографический центр», 1997. С.205 - 206

²⁸³ *Андрыюлис В.И.* Правовое регулирование семейных отношений...С.9

²⁸⁴ *Сліж Н.У.* Гендэрна-ролевыя функцыі шляхціца у сям’і і грамадстве Вялікага княства Літоўскага. // Соціум. Альманах сацыяльнай історыі... С.171.

²⁸⁵ После смерти главы семейства, согласно Статуту, управление всеми делами и собственностью должно было переходить к сыновьям, вдова же, получив «вдовый стол», отстранялась от реального участия в делах семьи. См: Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Разд. IV. Арт. 1 – 5. // Первый Литовский Статут 1529 г. [Электрон. ресурс] URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XVI/1520-1540/Statut1529/text4.phtml?id=2273> (дата обращения – 13.10.2018 г.); Другий Статут 1566 г. Разд..V. Арт 4 – 5; 10 // Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года. [Электрон. ресурс] URL: http://litopys.org.ua/statut2/st1566_06.htm (дата обращения - 13.10. 2018 г.) и др.

как неженатый шляхтич не являлся полностью дееспособным. Брак в этом смысле являлся своеобразной ступенькой на пути к социальной зрелости.

Принято считать, что для девушек вступление в брак, прежде всего, означало ее готовность к материнству²⁸⁶. Связь супружества с наступлением физиологической зрелости у девушек – общее место для большинства патриархальных обществ, и Литва тут не является исключением. Возможность зачатия легитимировала брачные сговоры и определяла нижнюю возрастную границу заключения брака. Исследователи польско-литовского быта неоднократно указывали на т.н. «сговор малолетних», распространенный как в среде простолудинов, так и среди шляхты: в этом случае родители договаривались о браке детей задолго до наступления брачного возраста «молодоженов»²⁸⁷. При этом в третьей редакции Статута минимальный брачный возраст для девушек и так был снижен с 15 до 13 лет²⁸⁸. Возраст обычно определяли показаниями родственников, а с возникновением метрических книг во второй половине XVI в. – по записям о рождении. Исследователи едины во мнении, что подобная практика иллюстрирует отношение к браку, как к деловой сделке, посредством которой решались насущные проблемы и интересы семьи²⁸⁹.

На первый взгляд уменьшение женского брачного возраста и практика «сговора малолетних» кажутся противоречащими общему довольно прогрессивному духу Статута. Однако не стоит забывать, что все «передовые» статьи, касавшиеся как политического принципа разделения властей и выборов короля, так и экономических свобод, были напрямую связаны с расширявшимися правами шляхетства и окончательным его оформлением в качестве привилегированного сословия. Область семейных

---

²⁸⁶ Установленный Статутами минимальный брачный возраст как раз отражает цели мужчины и женщины уже в самом браке. Для мужчины – достижение совершеннолетия. Для девушек – готовность к деторождению. См: *Андрюлис В.И.* Правовое регулирование семейных отношений... С.9

²⁸⁷ *Левицкий О.И.* Черты семейного быта... С.15.; *Слѣж Н.У.* Шлюбныя і пазашлюбныя стасункі шляхты Вялікага Княства Літоўскага... С.112.

²⁸⁸ Статут Великого княжества Литовского 1588 г. Разд. VI. Арт.1. // Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения – 13.10.2018 г.)

²⁸⁹ Например: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Очерки истории литовско-русского права. Вып.2: черты семейного права...; *Левицкий О.И.* Черты семейного быта... и др.

отношений являлась наиболее консервативной частью законодательства в отличие от того же политического устройства, отражавших стремительные изменения в жизни Великого княжества Литовского (и далее – Речи Посполитой). Более того, выше названные статьи оставались актуальными в большей степени для простолюдинов²⁹⁰. Экономические условия позволяли молодым шляхтянкам довольно долго проживать в отчем доме, а к выбору жениха относиться более придирчиво. Постоянно повышающийся уровень образования в среде высшего шляхетства также способствовал постепенному повышению фактического брачного возраста. К середине XVI в. так называемые сговоры «малолетних» постепенно исчезают из юридической практики шляхтичей²⁹¹.

Следует учитывать, что помимо отсутствия экономической необходимости, подобные «сговоры» так же вступали в противоречие с другим условием заключения брака – добровольностью. Свободное волеизъявление вступающих в брак было одним из необходимых условий, прописанных в Статуте²⁹². Оно так же соотносилось с общей тенденцией расширения шляхетских прав и привилегий.

Таким образом, следует с большой осторожностью учитывать оба этих факта – «сговор малолетних» и низкий брачный возраст – при трактовке самого смысла супружества. Формальные источники заметно упрощают картину мира, часто представляя, что заключение брака чуть ли не противопоставлялось эмоциональной привязанности мужчины и женщины. То, что брак в Великом княжестве Литовском не был только экономической сделкой между родами, подтверждается другими факторами: наличием т.н. «ухаживания» как абсолютно стандартной практики, распространенной в

---

²⁹⁰ Владимирский-Буданов М.Ф. Очерки истории литовско-русского права. Вып.2. Черты семейного права. С.6.

²⁹¹ Сліж Н.У. Гендерно-ролевія функції шляхціца у сям'ї і грамадстве Вялікага княства Літоўскага. // Соціум. Альманах соціальної історії... С.167.

²⁹² Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Разд.4. Арт.15. // Первый Литовский Статут 1529 г [Электрон. ресурс] URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XVI/1520-1540/Statut1529/text1.phtml?id=2270> (дата обращения – 13.10.2018 г.); Другий Статут 1566 г. Разд.3. Арт.31. // Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года. [Электрон. ресурс] URL: <http://litopys.org.ua/statut2/st1566.htm> (дата обращения - 13.10.2018 г.); Статут 1588. Разд.3. Арт.31. // Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения – 13.10.2018 г.)

шляхетской среде; другими положениями самого Статута – запрет заключения брака против воли молодоженов; разрешение развода по причине отсутствия взаимной любви и мирной жизни.

Впрочем, преувеличивать свободу выбора при вопросах женитьбы тоже не стоит. Статут оставляет за родителями право лишить самовольно вышедшую замуж девушку приданого, наследства в материнском имении, а в некоторых случаях – и шляхетства²⁹³. Этим Статут переводит взаимоотношения «отцов и детей» из нравственной сферы в юридическую, оставляя за родителями мощный механизм давления на детей в случае возникновения споров по поводу женитьбы.

Другим не менее важным условием являлось отсутствие степеней родства до четвертого колена и свойства – до третьего (по Статуту 1588г.)²⁹⁴. В случае если родство/свойство обнаруживалось уже после заключения брака, такой брак признавался недействительным. Однако подобный брак не считался преступлением, если супруги не знали о свойстве. Доказательством такого незнания считались крестоцелование и соответствующая клятва²⁹⁵. В этом случае брак расторгался, но никаких дополнительных санкций не применялось.

Отдельно в Статуте упоминалась психическая вменяемость супругов, как одно из условий заключения брака. Впрочем, невменяемость не делала брак недействительным. Здесь, по справедливому замечанию В.И.Андрюлиса, имели место нормы канонического права. «Невменяемость одной из сторон в момент заключения брака... давала право невменяемому супругу в момент просветления ума добиваться недействительности брака»²⁹⁶. С этой статьей связано не мало казусов, так как доказать помутнение рассудка было довольно трудно. Иногда шляхтичи попутно обвиняли благоверную или ее

---

²⁹³ Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Разд. 4. арт.10 – 11. // Первый Литовский Статут 1529 г. [Электрон. ресурс] URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XVI/1520-1540/Statut1529/text4.phtml?id=2273> (дата обращения – 13.10. 2018 г.)

²⁹⁴ Статут Великого княжества Литовского 1588. Разд.V, арт.22. // Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения – 13.10. 2018 г.)

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ *Андрюлис В.И.* Правовое регулирование семейных отношений...С.10.

родственников в колдовстве, объясняя помутнение рассудка наведенными чарами, как это делали, например, Михаил Таруса или Андрей Курбский²⁹⁷.

Ограничения накладывались на браки с иноземцами, в том числе с поляками – до Люблинской унии. В 1538 году Сигизмунд издал привилей, где в числе прочего оговаривались условия замужества шляхтянок: «...Естли бы которая паньна, маючи именья отъчизные або материстые в Великом князьстве, а пошла бы замуж до чужое земли – до Польски або до Мазовецьки, тогды таковая с тым мужомъ своим чужоземцамъ в тыхъ именьях своих не маєть дедичи, лечь мають именья ошачованы бытъ – чога четвертая часть тех именьей ее стояти будеть, то повиньни ей стрыве альбо близкие отъложити и посагомъ пеняжнымъ ее выпосажити, а именья лешачіе спадывають на стріев або на близкихъ»²⁹⁸, а спустя 10 лет, в декабре 1548 года была издана королевская грамота «о воспрещении женскому полу беззаконствовать и вступать в сожитие с жидами, турками и татарами»²⁹⁹. Эти ограничения связаны со стремлением королевской власти, во-первых, удерживать земельный фонд Великого княжества Литовского под собственной юрисдикцией, а, во-вторых, жестко отделить привилегированную шляхту от «малых» наций и не допустить их смешения. Ситуация изменится довольно скоро, когда после Люблинской унии литовское дворянство, напротив, будет стремиться породниться с представителями знатных польских родов, чтобы войти в клуб избранных.

С этим же процессом оформления шляхетства в отдельное сословие связано распространение венчанного брака как единственной законной формы супружеского сожительства. Изначально венчания не было в списке условий для признания брака законным. Заключение «змовного листа», проведения свадебного обряда и уплаты пошлины было достаточно для

---

²⁹⁷ Подробнее о колдовстве и наведение чар см: Наст.исследование. Гл 1. п.1.1.

²⁹⁸ Ответ великого князя Сигизмунда на посольство от панов рады и всего рыцарства Великого княжества Литовского через пана Станислава Орвида и пана Миколая Юньдила с полевого сейма в Новгороде. 1 ноября 1538. // Литовская метрика. Отд. I-II. Ч.III:Книги публичных дел... С.19 – 20.

²⁹⁹ Окружная королевская грамота о воспрещении женскому полу беззаконствовать и вступать в сожитие с жидами, турками и татарами, 7 декабря 1548. // Акты, относящиеся к истории Западной России... Т.3 (1544-1587). С.20.

признания любого союза легитимным. Однако ситуация меняется, когда литовской шляхте потребовалось еще одно основание собственной «избранности», дабы подчеркнуто отдалиться от всех других сословий.

Еще М.Ф.Владимирский-Буданов указывал на неравномерность распространения венчанного брака в зависимости от региона Великого княжества Литовского, объясняя нарастающие противоречия во внутрисемейных нормах не только неоднородностью внутри самой шляхты и разницей в экономическом положении, но и историческими особенностями складывания Великого княжества Литовского³⁰⁰. Дореволюционные исследователи отмечали, что внутреннему разделению способствовала изначальная специфика образования Литовского государства, когда входившие в его состав русские земли сохраняли внутренние порядки и традиции. Сохранение старины, по мнению И.И.Лаппо, в XIV – XV вв. получило «значение одного из основных принципов для правительствующей деятельности верховной власти»³⁰¹. С другой стороны, в условиях нарастающего сближения с Польшей и проникновения польских порядков в Литву, этот консерватизм русских земель привел к тому, что народы одного в сущности государства были разделены между собой, по словам исследователя, «и языком, и религией, и бытом»³⁰². В итоге, к XVI в. в Великом княжестве Литовском сформировалось несколько отличных друг от друга регионов, где зачастую в одно и то же время действовали противоположные обычаи.

Н.В.Слиж отмечает слабое распространение венчанного брака в Великом княжестве Литовском вплоть до заключения Люблинской унии³⁰³. Г.В.Дзержина вовсе отказывает венчанному браку в каком бы то ни было значении на территории Речи Посполитой³⁰⁴.

---

³⁰⁰ Владимирский-Буданов М.Ф. Очерки истории литовско-русского права. Вып.2. Черты семейного права... С.2

³⁰¹ Лаппо И.И. Западная Россия и ее соединение с Польшей. Исторические очерки. Прага: Пламя. 1924. С.97.

³⁰² Там же. С.121.

³⁰³ Слиж Н.У. Шлюбныя і пазашлюбныя стасункі шляхты Вялікага Княства Літоўскага...

³⁰⁴ Дзержына Г.В. Права і сям'я ў Беларусі эпохі Рэнэсансу...С.113.

На наш взгляд, при всех существовавших региональных различиях и разницы в экономическом положении, шляхта, тем не менее, стремилась к некому, зачастую чисто внешнему единству. Для литовского дворянства следование неким канонам поведения означало приобщенность к польской аристократии, сближение с которой стало особенно актуальным после 1569 г. Формирование шляхетской корпорации выражалось не только в уникальных политических и экономических свободах, но и в выработке единой системы ценностей, норм, правил быта, а также знаков отличия и символов. В этом смысле даже право избирать короля открытым голосованием на сейме, полученное панами Речи Посполитой в 1573 году, было не столько актом невиданной для XVI в. политической свободы, сколько выражением особой шляхетской ментальности, основанной на главенстве этой самой свободы. Необходимость укрепления корпоративных связей в условиях все увеличивающегося влияния шляхты в государстве приводит к тому, что изменяется и отношение к браку внутри самого сословия. Регулирование брачной стратегии диктовалось, в том числе, необходимостью окончательно отделить польско-литовское шляхетство от остальных сословий. Значение имел и символизм самого таинства венчания, как некоего акта, доступного лишь избранным.

Отсутствие венчания еще не делало брачный союз незаконным, однако, в случае возникновения спорных ситуаций – вопросах наследования, дележе имущества и проч. судом признается уже только церковный, т.е. венчанный брак. Так, например, Левону Зубовичу удалось по суду добиться от отца записи ему после свадьбы трети всех имений благодаря венчанию. В 1555 г. пан Левон Зубович обратился с жалобой на отца Станислава за то, что тот уже после свадьбы выгнал его с молодой женой из дома и отказывался дать землю. Оправдания Станислава заключались в том, что сын сам ушел из дома, оставив жену «без присмотра». Суд встал на сторону «молодых». Раз Станислав допустил венчание, то теперь был обязан выполнять свои

обязательства: впустить Левона в дом и выделить треть наследственной «отчей» земли³⁰⁵.

Процесс подготовки к свадьбе при соблюдении всех обозначенных условий включал в себя несколько этапов, каждый из которых довольно подробно описан в историографии³⁰⁶. В рамках нашего исследования вполне достаточно перечислить эти этапы и остановиться на некоторых моментах, имеющих значение именно для определения гендерных стереотипов шляхетской ментальности.

По всей видимости «старание», т.е. процесс ухаживания, не влекло за собой никаких формальных обязательств ни со стороны мужчины, ни со стороны девушки. Как мы уже выяснили, общение с разными кандидатами на руку и сердце не только не компрометировало молодых шляхтянок, но зачастую было весьма желательным, т.к. подчеркивало независимость выбора девушки. Обязательства наступали на следующем этапе, когда мужчина, убедив возлюбленную в серьезности намерений, делал официальное предложение руки и сердца. В случае согласия, между ним и родными девушки заключался «сговор», по результатам которого составлялся т.н. «змовный лист». В этом документе оговаривались сроки венчания, самой свадьбы, размер приданого и вена и прочие условия, которые составители считали важными³⁰⁷. Подписание «змовного листа» почти всегда сопровождалось обменом подарков, или же в некоторых случаях даже выплатой вена или приданого, и поэтому имело силу юридической сделки. Если свадьба вдруг расстраивалась или уже после бракосочетания нарушались какие-то предварительные договоренности сговора, шляхтичи вправе были обратиться в суд за восстановлением утраченной справедливости.

---

³⁰⁵ Жалоба Левона Стасевича Зубковича на своего отца, который выгонял его с женой из дома и не давал наследства. 1538 г. // Акты, издаваемые Виленской Комиссией... Т. 21. С.64.

³⁰⁶ Например: *Voguska M.* Women in Early Modern Polish Society, Against the European Background... p.121 – 132.; *Дзёрбіна Г.В.* Права і сям'я ў Беларусі эпохі Рэнесансу... С.96 - 110; *Сліж Н.У.* Шлюбныя і пазашлюбныя стасункі шляхты Вялікага Княства Літоўскага... С.110 – 154. и др.

³⁰⁷ Например: Вызнание кн.острожской Беаты с Костелца, иж дочки своее княжны Галшки не маеть ни за кого иного в малженство дават, одно за пана Лукаша з горки под заруками, 3 апреля 1533 г. // Lietuvos Metrika (1555 – 1558) 37-oji Teismu bulu knyga. P.21 – 22.

Так, например, Богдан Пузына судился со своей несостоявшейся тещей, когда уже после змовин ему без указания причин отказали от дома. Богдан, требовал выплатить ему 2 тысячи коп грошей, как было указано в договоре на случай, если свадьба не состоится. Однако в ходе разбирательства оказалось, что девушка находилась в опеке некоего Богдана Юраги, и ее мать вообще не имела права договариваться о браке. Сделку признали недействительной³⁰⁸.

Яков Левоневич уже после свадьбы судился с тестем Кузьмой Павловичем. По предварительной договоренности, тесть обещал Левоневичу выдать за него замуж дочь Марину и отписать половину имения на вечное пользование. Однако Кузьма Павлович утверждал, что никаких земель не обещал. Так как Левоневич не смог предоставить никаких документов, подтверждавших эту договоренность, его претензии были отклонены. Тогда шляхтич потребовал вернуть взятые у него для свадьбы 30 бочек гречи, 15 коров, 4 коней и 20 бочек овса, однако поскольку опять никаких документов, подтверждавших эти затраты у Левоневича не оказалось, а Кузьма вместе с женой присягнул перед судом, что ничего не брал, претензии шляхтича снова были отклонены³⁰⁹.

В небольшой стычке между вдовой князя Василия Сокольского Анной Монтовт и ее деверем Марком Сокольским на счет второго замужества Анны фигурирует бочка меда и некоторое количество хлеба, выставленного на свадьбу. Родственники никак не могли поделить между собой расходы на данное угощение³¹⁰.

После сговора, как правило, проходили «заручины» – символический обряд передачи невесты от родителей жениху. В это время решались все материальные вопросы, связанные с предстоящей свадьбой и дальнейшей

---

³⁰⁸ Судебный лист по делу об отказе Юражиной выдать замуж за князя Богдана Пузыну дочь свою Федку, уже «змолвленную» и «зарученную» с ним, 11 января 1536 г // АЮЗР. Ч.8. Т.3. С.53.

³⁰⁹ Решение по спору между Кузьмой Павловичем и Яковом Левоневичем. 1556. // Там же. С.188.

³¹⁰ Донесение вознаго о том, что вдова князя Василия Солтановича Анна Монтовт, спрошенная своим деверем князем Марком Сокольским: не выходит ли она замуж за п.Ледницкого по его, Сокольского, уговору или принуждению ответила, что она вступает в брак с Ледницким по своей доброй воле и с согласия отца, и что пан Сокольский не в праве удержать ее от этого, хотя бы он и желал это сделать; если же он жалеет бочку меда и хлеба, что съедят гости на свадьбе, то она то и другое может достать у друзей будущего мужа. 22 февраля 1569. // Там же. С.179.

жизнью молодых. Далее следовало венчание и само «веселие» – непосредственно свадьба, в ходе которой празднование постепенно перемещалось из дома невесты в дом жениха. Подобный переезд не случаен. Главным условием власти мужа над женой являлось ее приведение в дом мужа (мужчина владеет домом, следовательно, всеми, кто в нем проживает³¹¹). Имевшая место обратная ситуация, когда мужчина приходил в дом жены, при этом выплачивая приданое(!), значительно ослабляла его власть. Подобное действие рассматривалось наравне с усыновлением: мужчина подчиняется родительской власти тестя. Судя по всему, это была крайне нежелательная и довольно редкая ситуация: шляхтич не только не приобретал полную дееспособность, гарантированную браком, но и существенно терял собственный авторитет, не являясь, по сути, главой семейства.

Переход в род и дом мужа – главная черта патриархально устроенного общества. Немаловажное значение здесь, однако, имеет характер связи, устанавливавшейся между женщиной и социумом после замужества. Авторитет и почитание мужа были подразумеваемыми, но вовсе не обязательными чертами такого перехода. Более значимым социальным проявлением патрилокальности была передача социального статуса мужчины своей жене.

В Статуте отдельными статьями прописано дарованное шляхтичам право передавать титул своим женам из непривилегированного сословия и прижитым от них детям: «Пакли бы который шляхтичъ нешляхтянку собе не ровную поняль, тогда якъ тую нешляхтянку, жону свою, такъ и дети свои, з нею набытые, собою и шляхетствомъ своимъ ушляхтит. И таковые жоны и дети ихъ за правыхъ шляхътичовъ быти мають»³¹². Для детей, правда, вводилось условие, что они не будут заниматься ремеслами или торговлей. Подобная женщина сохраняла шляхетство и после смерти супруга, но если

---

³¹¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Очерки истории литовско-русского права. Вып.2. Черты семейного права... С.6.

³¹² Статут Великого княжества Литовского 1588 г. Разд.3. Арт.20. // Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения – 13.10.2018 г.)

повторно она выходила замуж за простолюдина, то автоматически лишалась дарованных ей привилегий. Лишались своего шляхетства и те потомственные шляхтянки, которые изначально решались связать свою судьбу с простолюдином.

Взаимозависимость супругов в рамках одной семьи нашла свое отражение и в таких архаичных проявлениях, как коллективная ответственность семьи за преступления ее главы – мужчины. Эта архаичная норма была известна и Русской Правде, и ранним литовским привилеям. О коллективной ответственности говорит нам и Судебник Казимира 1468 г. Согласно этому Судебнику жена и дети старше семи лет выдавались истцу, если они знали о краже или пользовались украденным³¹³. Ужесточение этой нормы в сравнении с Русской Правдой (где члены семьи вора привлекались к ответственности, если являлись сообщниками преступления) скорее всего, имеет в основе собственно литовское право, и считать данную норму отражающей прогрессивные общеевропейские идеи индивидуализации наказаний³¹⁴, как это делает И.П.Старостина, было бы большой натяжкой.

Статут уже снимает ответственность с жены и детей за преступления шляхтича: «никто не должен быть наказан и приговорен за чей бы то ни было проступок, а только тот, кто виновен... то есть ни жена за преступления своего мужа, ни отец за преступления сына...»³¹⁵

Здесь стоит оговориться, что ни литовское, ни русское право не знают ответственности мужа за преступления жены. «За свои преступления жена отвечала сама и из собственного имущества», – замечает Г.В.Демченко³¹⁶. Исключением являлась ситуация, когда за оскорбление, нанесенное чьей-

---

³¹³ Старостина И.П. Судебник Казимира 1468 г. // Древнейшие государства на территории СССР... С.274.

³¹⁴ Там же.

³¹⁵ Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Разд.1. Арт.7. // Первый Литовский Статут 1529 г. [Электрон. ресурс] URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XVI/1520-1540/Statut1529/text1.phtml?id=2270> (дата обращения – 13.10.2018 г.)

³¹⁶ Демченко Г.В. Наказание по Литовскому Статуту в его трех редакциях... С.149.

нибудь женой третьему лицу, штраф выплачивал муж острой на язык женщины (по редакции 1588 г.)³¹⁷.

Подобное видение семьи с мужчиной на переднем плане, но с непременно выступающей чуть позади него женою, помимо всего прочего, предполагало понимание брака, как набора взаимных прав и обязанностей. Нежелание той или другой стороной эти права предоставлять, а обязанности исполнять могло привести к тому, что брак распадался. Мы уже отмечали в начале исследования, что основной обязанностью мужчины была забота о жене и обеспечение ей комфортных условий для ее самореализации внутри семьи. В судебных книгах можно найти жалобы женщин на своих мужей за то, что те отказывались от «брачного сожительства», разоряли имения, пьянствовали³¹⁸ etc. Судебные исполнители, как правило, призывали к ответу обе стороны и старались максимально разобраться в претензиях. В случае с Богданой Захарьевой, которая жаловалась суду, что муж Яцько не ночует дома и отказывается от совместной жизни с ней, оказалось, что Богдана сама не исполняет своих обязанностей жены, «ведет вольную жизнь, от мужа бегают»³¹⁹. Яцько не хотел такой своевольной жены, поэтому супругов развели.

Большим денежным штрафом обернулась для пана Мартина Пашковича «потеря» жены. В 1540 году в городской суд Гродно обратился его тесть Николай Янович с жалобой на то, что Пашкович «неизвестно куда девал свою жену»³²⁰. Староста Войтех Требский дважды назначал четырехнедельный срок сыска жены, но это ни к чему не привело. За это время Пашкович с тестем уже успели поспорить из-за оставшегося приданого, о чем также

---

³¹⁷ Статут Великого княжества Литовского 1588. Разд.IV, арт.49.// Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения – 13.10.2018 г.)

³¹⁸ Напр.: Вырок пани Миколаевой Илинича з мужем ее п.Миколаем о марное утрачанне и продаване имения его. 30 сентября 1528 г. // Lietuvos Metrika. (1528 – 1538) Knyga Nr.15... P.77 – 78.

³¹⁹ Жалоба Богданы Захарьевой на мужа Яцька, отказывающегося от совместного сожительства, январь 1540. //Акты, издаваемые Виленской комиссией...Т.17 С.72.

³²⁰ Жалоба Миколая Яновича на зятя Мартина Пашковича, который неизвестно куда девал свою жену. Февраль 1540.// Там же. С. 79.

подали в суд жалобу³²¹. Женщину искали еще месяц, а уже в конце года оказалось, что она сама ушла от мужа к другому и скрывалась, опасаясь обвинений в измене. Примечательно, что помимо наказания супруги, штраф выписали и Пашковичу за то, что тот «не уследил» за женой³²².

В «укрытии» чужой жены обвинялся и боярин Войтех Станкевич, в имении которого около нескольких недель проживала Алена Мацкевич, сбежавшая от мужа Матвея. Уголовного преследования удалось избежать и Станкевичу, сумевшему убедить суд, что Алена сама пришла к нему в имение, и Алене – доказавшей, что Матвей был «плохим» мужем, т.е. не обращал на Алену внимания, не имел с ней интимных отношений и пренебрегал прочими своими обязанностями³²³.

Подобные примеры государственного регулирования семейных отношений в гендерно поляризованных рамках наталкивают на мысль, что представление о патриархальных принципах взаимодействия, как тотальном всевластии мужчины над женщиной во всех сферах жизни, сильно упрощено. Здесь скорее мы наблюдаем некий набор гендерно значимых функций – разных для представителей разных полов, но одинаково обязательных как для женщины, так и для мужчины.

Патрилокальность, передача социального статуса от мужа жене и от отца – детям, обращения к женщине по имени отца/мужа в притяжательном падеже, обозначающим принадлежность – предтеча современных отчеств (Анна Федковна, Софья Витовтовна и проч.) являются формальными признаками патриархальных отношений. При этом их наличие необязательно свидетельствует о реальном патриархальном строе шляхетской семьи. Для более адекватной оценки положения женщины в литовском обществе необходимо ввести дополнительные критерии, речь о которых пойдет ниже.

---

³²¹ Заявление Миколая Яновича о разделе имущества пропавшей дочери с его зятем Мартином Пашковичем. 13 марта 1540 // Там же. С.119

³²² Заявление Мартина Яновича о возвращении жены, июнь 1540. // Там же. С. 126.

³²³ Заявление о сокрытии замужней женщины, б/д. // Там же. С.168 – 169.

§2. Имущественное положение и рождение детей как основные факторы социальной независимости шляхтянок

Вопрос о том, являлась ли семья единственной сферой женской реализации или же неким «мостиком» между женщиной и обществом имеет принципиальное значение, т.к. именно ответ на него поможет оценить степень женской свободы/зависимости в обществе. Для того, чтобы ответить на него, необходимо выделить способы взаимодействия с внешним миром (т.е. деятельность женщины в сфере, априори считавшейся «мужской») и определить их характер. То, насколько маргинальной с точки зрения общества XVI в. представлялась любая внесемейная деятельность женщины и какие способы взаимодействия предлагал сам социум, демонстрирует, насколько явно была выражена гендерная поляризация не только в семейных, но и общественно-значимых отношениях. Маркерами (не)зависимости женщины являются вовлеченность мужчины в процесс воспитания детей и наличие отдельной женской собственности после заключения брака³²⁴.

Остановимся вначале на имущественном положении шляхтянок как на вопросе, наиболее хорошо изученном в отечественной историографии³²⁵. Он, однако, не так прост, как может показаться на первый взгляд.

Что нам говорит об имущественном положении женщин литовское законодательство? Имущественные права незамужних шляхтянок реализовывались в основном в виде приданого – движимого и (реже) недвижимого имущества, отписываемого отцом или старшими братьями³²⁶.

---

³²⁴ Социологи и этнографы выделяют два этих параметра в качестве базовых для определения степени зависимости женщины в традиционных обществах. Характер источников нашего исследования позволяет составить более-менее адекватное представление о месте шляхтянки в литовском обществе, не опираясь только на эти два параметра. Подробнее: *Киммел М.* Гендерное общество... С.93.

³²⁵ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Очерки истории Литовско-русского права. Вып.2: Черты семейного права; *Спасович В.Д.* Об отношениях супругов по имуществу по древнепольскому праву. Рассуждение, представленное на юридический факультет Санкт-Петербургского Императорского Ун.-та.; *Валиконите И.М.* Социально-экономическое и правовое положение женщины в ВКЛ (с конца XVв. до первой половины XVI) и его отражение в I Литовском Статуте...; *Лазутка С.И., Валиконите И.М.* Имущественное положение женщины (матери, жены, дочери, сестры) привилегированного сословия по I Литовскому Статуту // Научные труды Вузов Литовской ССР... и т.д.

³²⁶ В ситуации, когда девушки владели частью имения (по дарственным или завещаниям) иногда происходил «обмен» с братьями. Девушки уступали братьям свою часть в общей недвижимости, а те в свою очередь

Обеспечение незамужней девушки приданым было обязанностью шляхтича, невыполнение которой могло привести к судебным тяжбам³²⁷. Приданое выполняло двойную функцию уже после замужества: с одной стороны, оно составляло основную часть женской собственности, гарантировавшей женщине более прочное положение в новой семье; с другой – было необходимым условием для вступления в семью мужа. Размер приданого также имел значение в будущей супружеской жизни. Этот факт мог стать особо существенным гораздо позднее, в случае, когда у мужчины было несколько детей от разных браков. Такие дети могли претендовать на равные доли наследства отца только, если их матери при заключении брака имели равное по стоимости приданое. В противном случае сыну от женщины с большим приданым остальные дети выплачивали излишек с частей полученной отчины³²⁸.

Увеличить долю дочернего наследства отцы могли так же, отписав часть имущества своей жене. Здесь, однако, следует учитывать, что в случае, если шляхтич умирал раньше, чем выдавал дочерей замуж, все их имущество перепоручалось заботам назначаемого опекуна.

После того, как Городельские соглашения позволили шляхтичам отписывать женам вено на манер польских панов, доля женской собственности в семье еще увеличилась. Жест доброй воли короля Ягайло, призванный уравнивать литовских бояр-католиков с польскими панями, имел в конечном счете колоссальные последствия для женской половины литовского привилегированного сословия.

По закону вено должно было составлять двойную сумму приданого. Если же невеста оказывалась богаче, то родители покупали/отписывали ей

обеспечивали большее приданое. Например: Квитанция, или запись отречения Елены Матвеевны Огинской своему брату на имение Крони и Кошаны и получении ею приданого 400 копь грошей, 1583 г. // ЛГИА. Ф.1177. оп.1. Т.1. №210.149. Л.1 - Л.1 Об.

³²⁷ Например: справа крайчому п.Юрию Ходкевичу и малжонке его княжне Софии Слуцкой с кн.Юрием и кн.Семеном Слуцкими, братею ею, о невыданне ей посагу, водле реестру отца их ей назначоного. 1 марта 1558 г. // Lietuvos Metrika (1555 – 1558) 37-oji Teismu bulu knyga... P.113 – 114.

³²⁸ Литовский статут 1529 г. Разд.IV. Арт.4 – 5. // Первый Литовский Статут 1529 г. [Электрон. ресурс] URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XVI/1520-1540/Statut1529/text1.phtml?id=2270> (дата обращения – 13.10.2018 г.)

имение, а жених покрывал разницу³²⁹. Иногда вместо вена, которое жена могла иметь в держании и которое становилось разменной монетой в случае развода или вдовства, жених мог отписать невесте дарственную – тогда все имущество становилось личной собственностью панночки. Речь здесь обычно шла не только о сундуках с драгоценностями и семейных реликвиях, но и о недвижимом имуществе – имениях и угодьях³³⁰. Дарственные не имели обратной силы – отозвать их при разводе было невозможно даже через суд.

Обратившись к обычной ситуации приведения женщины в дом мужа, мы увидим, что приданое и вено не сливались в общее имущество, а составляли впоследствии личную собственность жены³³¹. В случае смерти женщины это имущество отходило детям обоих полов, если детей не было – ее ближайшим родственникам из рода. Таким образом шляхтич не был прямым наследником собственной жены. Исключение составляли лишь те ситуации, когда женщина сама оставляла супругу какую-либо собственность, фиксируя свою волю в завещаниях. Также при жизни женщина могла записать детям имущество, находившееся у нее в личной собственности, в том числе унаследованное по женской линии³³².

---

³²⁹ Статут Великого княжества литовского 1588 г. Разд.V. Арт.3. // Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (проверена - 14 октября 2018 г.)

³³⁰ Вызнане кн. Юрия Тимофеевича Масальского иж жоне своей Анне Соколенской по своем животе записал третью часть всех имений своих вечностью, а две части – в суме, и речи рухомые. 28 марта 1557 г. // Lietuvos Metrika (1555 – 1558) 37-oji Teismu bulu knyga. P. 66 – 67.; вписанье листу от кн. Богдана Соломирецкого малжонце его кнежне Голшанской данного, которим даровал ей по своем животе сумму две тысячи копь грошей. 13 октября 1557 г. // там же. P.88; дарственная запись местечка Рженазовце и участков земли Спиклосы, Мстич и Чижив с крестьянами и другим имуществом Яном Кордеем Варваре Кухарской, урожд. Пекарской, вдове Станислава. 1596 г. // ЛГИА. Ф.1280. Оп.1.№973. Л.1 – 1об.; сознание п.Миколая Третьяка записанья двух частей имений отчизных и материзных малжонце его пане Алжбете Ердановне, 1564 г. // Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 46 (1562 – 1564). Кніга запису 46... С.164 – 166.

³³¹ Покладание от пани Миколаево Станиславовича (Рачьковича – Т.П.) листу веновного мужа ее, которым ей на трети части именеи своих, с позволения отца своего, вено записал. 29 августа 1528 г. // Lietuvos Metrika. (1528 – 1538) Knyga Nr.15. P.74 – 75.

³³² Запись Анной Григорьевной Сапегой, урожденной Ходкевич, вдовой Павла, сыновьям Яну и Павлу Сапегам имений Заблудов, Тороша, Каракуле, Берестовица, Быхов, Оршанского, а так же наследия по сестре Александре Семашко, урожд.Ходкевич, 1581. // ЛГИА. Ф.1280. Оп.1. №607.; вызнанье от пани троцкое п.Яронимовое Ходкевича, п. Анны Шеметовны, и от сына ее, с первым мужем п.Вавринцом Волским прижитым, Миколая Волского листов их з стороны выделеня того Миколая Волского от матки его зов сих имений ее. Л.34. 5 марта 1557. // Lietuvos Metrika (1555 – 1558) 37-oji Teismu bulu knyga. P.49 – 55.; подтверждение листу воеводиное подляское пани Ивановое Сопежиное, пани Анны Сангушковны, которым записала детем своим имена свои: Лепуники, Белое и Понемоне. 18 марта 1558 г. // там же. P.115 – 116. и др.

Об этот аспект литовской юридической практики было сломано немало копий. Наличие приданого и вена как отдельной женской собственности вызвало среди ученых споры о характере собственности в шляхетской семье. Дореволюционные исследователи выделяли следующую эволюцию имущественных отношений: до начала интенсивных контактов с Польшей здесь превалировали имущественные отношения по образцу древнерусского права, которые по мере сближения с Польским королевством сменились «совершенной раздельностью супружеского имущества»³³³. В то же время некоторые, в том числе и современные, исследователи отмечают верховенство власти мужа над всей собственностью семьи, в том числе и над женской его частью. Подобный подход несколько упрощает реальную ситуацию. Согласно ранним памятникам литовского права, а так же Литовскому Статуту, муж не мог свободно распоряжаться имуществом жены. Тонкость здесь заключается в том, что мужчина не просто не мог самовольно отчуждать собственность своей благоверной, но и был обязан в случае смерти жены передать эту собственность либо общим детям, либо ближайшим родственникам покойной супруги. Эта норма и позволила исследователям сделать вывод о полной раздельности имущества супругов. Однако еще В.Д.Спасович обратил внимание на особый вид общей собственности, пришедшей в города Литвы вместе с магдебургским правом³³⁴. То, что исследователь посчитал исключением, по мнению современных историков, напротив, являлось нормой. И, как справедливо заметила И.М.Валиконите, в Великом княжестве Литовском «как не существовало полной раздельности имущества супругов, так и не было его полного слияния»³³⁵. Формы собственности – раздельная и общая – существовали в литовской семье одновременно, никоим образом не мешая друг другу. В.И.Андрюлис

---

³³³ Спасович В.Д. Об отношении супругов по имуществу...// Сочинения, Т.3. С.148.

³³⁴ Там же. С. 151.

³³⁵ Валиконите И.М. Социально-экономическое и правовое положение женщины в Великом княжестве Литовском...С.24.

выделил три вида семейного имущества: собственность жены, собственность мужа и совместно нажитое в браке.³³⁶

Что означает наличие нескольких видов семейной собственности в контексте нашего исследования? Во-первых, наличие собственного имущества у женщины влияет на характер ее взаимоотношений с супругом, хотя и не является гарантом благополучной семейной жизни.

Например, супруги вступают в сделки друг с другом. Беата Огинская отдает в пользование собственному супругу пану Николаю часть доставшегося ей от отца имения и получает от мужа за него на руки некую сумму денег (не указана).³³⁷ Анна Измайловичева продает своему мужу Яну землю с конюшнями³³⁸. Дорота Цепеджинская берет в долг у собственного мужа деньги под залог имения³³⁹ и проч.

Также шляхтянки нередко одаривают своих благоверных³⁴⁰, иногда – из полученного после смерти родителей наследства, как это сделала, например, Анастасия Мстиславская³⁴¹.

Здесь мы видим целый спектр супружеских взаимоотношений: от полного доверия и единения в семье до полного разделения и привлечения

---

³³⁶ Андриулис В.И. Правовое регулирование семейных отношений... С.26.

³³⁷ Расписка Беаты Миколаевой Огинской в том, что она отдала в пользование п.Миколаю Огинскому земли, за что получила деньги на руки // ЛГИА. Ф.1177. №169. Л.14.

³³⁸ Копия акта купли-продажи 15 коней а земли Измайловичей с постройками п.Анны Николаевое Измайловичевой и Яном Андреевичем, мужем ея. 12 февраля 1592 г. // Там же. Ф.599. Оп.1. №116. Л.15. – 15об.

³³⁹ Облигационная запись денежной суммы, выданная Яном Гологорским Дороте, в девичестве Цепеджинское, жене Яна, 1511 г. // Там же. Ф.1280. оп.1. №822. л.1 – 2об.

³⁴⁰ Например: асекурационные записи, выданные п.Анной, урожд. Сологуб, князю Гедройльцу на право пожизненного владения имения Березина и Лебеде Луцкого повета, а также пользования движимым имуществом и денежными суммами, жалованным ей ея первым мужем, Николаем Островским, 1599. // Там же. Ф.1280. Оп.1. №76. Л.1 – 11.; Подтвержденье п.каленицкому Тышкевичу листов, от него покладных, на имение Ойнаровичи, ему от жоны его п.Бабары Соломирецкой на вечность записанное. 29 июня 1556. // Lietuvos Metrika (1555 – 1558) 37-oji Teismu bulu knyga... Р.27 – 30.; вызнанье княгини Юрьево Масальской, княгини Анны Соколинской иж записала малжонку своему третью часть имений своих вечно, а две части – в суме, и все речи свое рухомые etc. 28 марта 1557 г. // там же. Р.67.; вписание листу от тое же княгини Соломирецкой малжонку ея данного на суму пенезей, ему винную, две тысячи копь грошей, которую упевнила ему на части имений своих. 13 октября 1557 г. // там же. Р.90 – 92.; потвержене литу от пани Яронимовое Синявское, пани Алжбеты Радзивилл малжонку ея п.Синявскому данного, которым записала третью часть всих имений своих двор Мусники, двор Упники и дворец Зебино зо всими належностями навечность. 30 мая 1558 г. // там же. Р.169 – 171. и др.

³⁴¹ Дарственная запись княжны Анастасии Михайловны Мстиславской супругу князю Стефану Збаражскому на Тетринскую и Пацковскую отчины, 15 августа 1577. // Акты, относящиеся к истории Западной России... Т.3 (1544 – 1587). С.135.

третьих лиц (чаще всего, воевод) в качестве гаранта этого доверия³⁴². Общей чертой неизменно является возможность шляхтянки проводить самостоятельную политику в отношении собственного имущества.

В то же время наличие совместной собственности супругов превращает шляхтянку в активную участницу общесемейных дел, связанных с недвижимостью. Она участвует в сделках, представляет интересы семьи в суде в случае необходимости, распоряжается собственностью детей и т.д. Статут в этом случае не делает различия между представителями разных полов – важнее гендера здесь была принадлежность к привилегированному сословию, права которого ревностно охранялись³⁴³.

Обратившись к вопросу о социально-экономическом положении женщин Московской Руси того же периода, обнаруживаем процесс весьма неоднозначный. Современные исследователи опровергли тезис дореволюционной историографии о безусловном теремном затворничестве русских жен, однако вопрос о степени социальной свободы по-прежнему является дискуссионным.

Н.Л.Пушкарева отмечает, что на протяжении XV – начала XVI вв. русские женщины могли свободно распоряжаться имуществом и вступать в сделки независимо от воли мужа³⁴⁴. Исследовательница указывает, что в древнерусских источниках экономическое положение супругов рассматривается, как имевшее значение для всего семейного устройства, и что какое бы то ни было неравенство (неважно в чью пользу) воспринимается негативно: «Существенное значение в последующей замужней жизни женщины могло иметь социальное и имущественное равенство (или неравенство) породнившихся органических групп. Различные по характеру источники – от

---

³⁴² Например: Закладная на имение Остафия Ивановича Горностая в обеспечение им 300 копь грошей, занятых ему своей жены Елены, 20 декабря 1568 г. // ОР РНБ. Ф.293. Оп.1. Д.216.

³⁴³ Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Разд.XII. Арт.3. // Первый Литовский Статут 1529 г. [Электрон. ресурс] URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XVI/1520-1540/Statut1529/text1.phtml?id=2270> (дата обращения – 14.10.2018 г.)

³⁴⁴ Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси... [Электрон. ресурс] URL: [http://www.e-reading.club/bookreader.php/140022/Pushkareva - Zhenschiny_drevney_Rusi.html](http://www.e-reading.club/bookreader.php/140022/Pushkareva_-_Zhenschiny_drevney_Rusi.html) (дата обращения - 15.10.2018 г.)

назидательных и летописных до судебно-правовых – демонстрируют возможные следствия отклонений от «нормы» (социального и имущественного равенства супругов): изменение социально-ролевых функций брачных партнеров в семье, ломку традиционной семейной иерархии, виктивное (провоцирующее на нарушение общепринятого) поведение одного из супругов, следствием которого мог стать, например, конкубинат»³⁴⁵ При этом Н.Л.Пушкарева оговаривается, что «перекос» в пользу жены был особенно нежелателен, т.к. мог привести к изменению ролей внутри семьи и подчинению мужчины супруге. «Вопрос о социальном и, следовательно, имущественном равенстве будущих супругов в браке мог стать определяющим при формировании семейно-психологического микроклимата. Это почувствовал еще Даниил Заточник (XII в.), предостерегавший от женитьбы «у богатого тестя» на его непривлекательной дочке, видевшейся ему «ртастой и челюстастой» образиной. Женитьба на самостоятельной в имущественном отношении женщине ассоциировалась у Заточника с обязательностью дальнейшего подчинения ей»³⁴⁶.

М.К.Цатурова, напротив, указывает на то, что даже наличие имущества не гарантировало женщине прочного социального положения, т.к. определяющими в конечном итоге являлись нормы морали, транслируемые православной церковью, а вовсе не экономические факторы. Сокращение отдельной женской собственности, которая постепенно превращалась в собственность семьи, в середине XVI в. тоже усиливало зависимость женщины от главенствующего мужчины – отца или мужа. Исследовательница пишет: «... имущественная независимость супруги, охраняемая государством, сталкивалась с нравами общества, кои находились в противоречивых отношениях с законом. При непосредственном влиянии церкви существовала атмосфера закрытости семейной жизни и насаждалась политика невмешательства во внутренние конфликты семьи со стороны общества. Проповедь скромности, подчинения в устах служителей церкви в большей степени были обращены к женщине. К тому же неизменной была общая

---

³⁴⁵ Там же.

³⁴⁶ Там же.

грубость нравов, допускающая побои. Так советовал поступать Домострой. Имущественная самостоятельность жены не была препятствием для жестокого обращения, с ней мужа. Вместе с тем, законодательство охраняло имущественные права жены, что обеспечивало возможность создания и определенной личной независимости»³⁴⁷. Какова была степень этой личной независимости и в каких случаях она все-таки коррелировала с имущественным положением конкретных женщин М.К.Цатурова не уточняет. На наш взгляд, определять социальное положение только господствовавшими тогда нормами морали (степень распространения которых – также вопрос дискуссионный!), не учитывая экономическую составляющую, не совсем верно. Определенная материальная база, если она была, все же дает некоторую степень свободы. Отношение же общества к этой свободе – дело уже другое.

Здесь, однако, снова необходимо затронуть вопрос о корреляции государственных (публичных) и личных (интимных) сфер жизни, их взаимовлиянии и взаимозависимости. Выстраивание в Московском государстве властной вертикали с привлечением церковных доктрин для идеологического обоснования княжеской власти подспудно способствовало укреплению патриархального типа семьи. В Польско-литовском государстве в виду сложной религиозной ситуации в целом и в условиях формирования «шляхетской демократии» семейные отношения зачастую строились на равноправных началах. Не смотря на то, что некоторые нормы Статута, касавшиеся семейных взаимоотношений, могут показаться гораздо более патриархальными, нежели нормы древнерусского права, государственная власть не только не препятствовала «вольности» шляхтянок, но и, напротив, еще больше укрепляла их экономическое положение. Это обуславливало ту общую манеру поведения представительниц привилегированного сословия, по поводу которой негодовал уже знакомый нам Михалон Литвин:

---

³⁴⁷ Цатурова М.К. Русское семейное права XVI – XVIII вв. Автореф. дисс... канд. юридических наук. М: МГУ им. М.В.Ломоносова, 1992. С.15. [Электрон. ресурс] URL: <http://lawtheses.com/jreader/572252/a?#?page=15> (дата обращения – 15.10.2018)

«Возгордившись, они (женщины – *Т.П.*) нередко пренебрегают добродетелью, неуважительно относятся к опекунам, родителям, супругам... Некоторые главенствуют над многими мужчинами, владея селами, городами, землями, одни обладая правом пользования, другие – по закону наследования»³⁴⁸.

Что касается участия мужчины в воспитании детей, то в обязанности шляхтича входила подготовка приданого для дочерей и младших сестер, а так же создание материальных условий, необходимых для их воспитания в соответствии с принятыми канонами. Непосредственно воспитанием девушек занимались матери или няньки.

Родительская власть в семье была двойственной. Мужчина, как глава семьи, обладал полнотой власти по отношению ко всем детям, женщина же – только по отношению к дочерям. Согласно закону после смерти мужа материнская власть в доме ограничивалась; все вопросы, связанные с незамужними девушками, их приданым и проч. переходили в ведение старших сыновей. В действительности, однако, женщины сами зачастую становились опекунами или доверенными лицами своих несовершеннолетних детей, совершали сделки от их имени, распоряжались имуществом³⁴⁹. Так же согласно Первому Литовскому статуту женщина наравне с мужем имела полное право отказать детям в наследстве, если сыновья или дочери какими-то своими действиями опозорили честь семьи³⁵⁰. Здесь стоит отметить, что во внутрисемейных делах материнская честь выступает практически наравне с честью отцовской. Закон, равно как и традиции, предписывают оказывать

---

³⁴⁸ *Литвин М.О* нравах татар, литовцев и москвитян... С.90 – 91.

³⁴⁹ Дарственный акт Федора и Богданы Быстрой Швердичей своему сыну Андрею на имение Веве, Микуртяны, Попрце и др. // ЛГИА. Ф.1177. оп.1. Т.1. Д.207.; Дело по жалобе Анны Тенгиной из Снятыч, вдовы Станислава, впервые замужем за Юрием, князем Слуцким, на Николая Лаского о захвате ее имения, оставленного в наследство сыну// ЛГИА. Ф.1280. оп.1. Д.12.9.; Дарственный акт от Катерины Воловичевой (Юрьевой) своему сыну Богдану на имение Крони и Кошаны, 1581.// ЛГИА. Ф.1177. оп.1. т.1. №201.150.; записанье от княгини Володковое Горское Доминистры зятю ее пану Льву роскому и жоне его, сестричне своей Александре трете части всех именей отчизных, от небошика малжонка ее записанных вечно. 9 февраля 1547 г. // *Lietuvos Metrika*. (1546 – 1548) 19 – oji Teismu bylu knyga. P.81 – 82.

³⁵⁰ Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Разд.4. Арт.13. // Первый Литовский Статут 1529 г. [Электрон. ресурс] URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XVI/1520-1540/Statut1529/text1.phtml?id=2270> (дата обращения – 14.10. 2018 г.)

одинаковое почтение отцу и матери³⁵¹. Статут предусматривает одно и то же наказание за оскорбление отца или матери и карает самой «злолютой» казнью их убийство. Согласно третьей редакции Литовского Статута такого «убийца» надлежало возить по площадям, «клещами тело тергать», после чего зашить преступника в мешок и сбросить в реку³⁵².

Авторитет матери опирался в своей основе с одной стороны на авторитет главы семейства, а с другой – на древнейшие представления о священности материнства, как такового³⁵³. Это представление накладывало определенную ответственность и на саму женщину. Материнство рассматривалось как основная функция женщины не только в семье, но и в обществе. С особым недоверием относились к женщинам, перенесшим выкидыш или родившим мертвого ребенка. В среде шляхетства подобные несчастья расценивались, как божья кара за грехи и скрытые преступления, отчего отношение к таким женщинам становилось сочувственно-настороженным³⁵⁴. Долгое отсутствие детей в браке являлось одним из основных официальных поводов к разводу вплоть до конца XVI в. И хотя невенчаные браки расторгались светскими властями (при условии уплаты соответствующего налога) и по менее веским причинам, бездетность служила весомым аргументом в духовном суде. При этом следует отметить, что бесплодие почти всегда вменялось в вину именно женщине, независимо от его истинных причин. Бесплодие мужчины, по всей видимости, при подобных обстоятельствах не учитывалось и не вменялось в вину – по крайней мере, «мужская вина» не указывалась в «ропусстных» листах при разводе из-за отсутствия детей. Чаще всего подобные браки расторгались с формулировкой «без чьей-либо вины». Чтобы брак был расторгнут «по вине жены», супругу

---

³⁵¹ Статут Великого княжества литовского 1588 г. Разд.3. Арт.28. // Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (проверена - 14.10.2018 г.)

³⁵² Статут Великого княжества литовского 1588 г. Разд.XI. Арт.3. // Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (проверена - 14.10.2018 г.)

³⁵³ Кись О.А. Материнство и детство в украинской традиции: деконструкция мифа // Социальная история. Ежегодник: Женская и гендерная история... 152.

³⁵⁴ Там же.

требовалось доказать, что жена преднамеренно препятствовала беременности путем обмана или «зелия», что зачастую не представлялось возможным.

С просьбами о прерывании беременности могли обратиться к все тем же ведунам – травникам. В.Б.Антонович указывает на то, что подобные обвинения есть в стандартном перечне вопросов к колдунам³⁵⁵. Согласно Первому Статуту аборт являлся уголовным преступлением. К сожалению, точных данных о распространенности в Великом княжестве Литовском данной медицинской процедуры в XVI веке нет. Ряд исследователей раннего нового времени предлагает использовать метрические сведения для установления приблизительных числовых рамок³⁵⁶, однако сложность заключается в том, что в подобных документах, как правило, фиксировалась общая женская смертность – от родов, специфических женских болезней, аборт и проч.

Детоубийство влекло за собой суровое наказание, предусматривающее не только уголовную, но и нравственную ответственность. Преступник, проведя год и шесть недель в «замке», в последующие годы должен был публично каяться в совершенном преступлении четыре раза в год³⁵⁷. При чем Статут никак не оговаривает, сколько лет должно было длиться подобное покаяние. Мы не останавливались на подобных преступлениях в рамках нынешнего исследования, однако данная статистика могла бы выглядеть интересно. Обычно причин детоубийства две: тяжелое материальное положение (актуально для простолюдинов) и желание избежать позора, если ребенок рождался вне брака. Однако шляхтичи имели право признавать детей, рожденных вне брака, своими – в этом случае с матери также частично снимался «позор», а дети могли претендовать на семейное имущество и шляхетские привилегии. С развитием правовой системы Великого княжества Литовского и укреплением формы церковного брака законнорожденными

---

³⁵⁵ Антонович В.Б. Заклинания против чар // Этнографическое обозрение...С.72 – 76.

³⁵⁶ Беррио-Сальвадор Э. Медицинский и научный дискурс: женская природа, женская функция, роль, уготованная женщине // История женщин. Т.3. Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения... С. 361.

³⁵⁷ Статут Великого княжества литовского 1588 г. Разд.ХІ. Арт.3. // Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (проверена - 14.10.2018 г.)

стали признаваться дети, родившееся именно в каноническом браке; а по Статуту 1588 г. – только при условии, что до брака у родителей не было общих незаконных детей³⁵⁸. О позднем формировании института незаконнорожденных говорит и В.И.Андрюлис в своем исследовании: «Хотя о незаконных детях говорится уже в Первом Литовском Статуте, этот правовой институт сформировался только с момента введения метрических книг (не раньше 1564г.) в костелах, где регистрировались браки, рождение и другие акты гражданского состояния»³⁵⁹. Учитывая путаницу с разными формами брака и особые привилегии шляхтичей в данном вопросе, можно предположить, что признание отцовства во всех спорных случаях оставалось за самим шляхтичем.

Предположение о значимости материнства для социальной реализации женщины подтверждается в первую очередь законодательством. Именно от наличия детей и их количества зависела доля наследства шляхтянки после смерти супруга, если не было ни завещания, ни соответствующих договоров. Согласно третьей редакции Статута если ребенок был один, то женщине доставалась треть имения, которая была неотчуждаемой собственностью и после ее смерти переходила родственникам мужа. Если же детей было несколько, то вдова владела частью имения наравне с детьми вплоть до своей смерти (факт повторного замужества здесь уже не имел значения)³⁶⁰.

Как мы видим, супружество и материнство упрочняло положение женщины, т.к. давало ей преимущества по сравнению с незамужними представительницами сословия – прежде всего, именно в имущественном плане. Открывая новые возможности для реализации собственных амбиций, социальные роли жены и матери в то же время приносили также и набор

---

³⁵⁸ Статут Великого княжества литовского 1588 г. Разд. III. Арт. 28. // Там же.

³⁵⁹ Андрюлис В.И. Правовое регулирование семейных отношений... С. 29.

³⁶⁰ Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Разд. IV. Арт. 1 – 6. // Первый Литовский Статут 1529 г. [Электрон. ресурс] URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XVI/1520-1540/Statut1529/text1.phtml?id=2270> (дата обращения – 14.10.2018 г.); Другой Статут Князівства Литовського 1566 року. Разд. V. Арт. 4 – 5, 9 – 10, 12 – 13. // Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года. [Электрон. ресурс] URL: <http://litopys.org.ua/statut2/st1566.htm> (дата обращения - 13.10.2018 г.); Статут Великого княжества литовского 1588 г. Разд. V. Арт. 5 – 6. // Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (проверена - 14.10.2018 г.).

новых обязанностей, исполнение которых свидетельствовало о том, насколько хорошо женщина справляется с возложенными на нее функциями. В условиях практически постоянных войн и, следовательно, долгого отсутствия мужчины, эти функции стали включать в себя чрезвычайно широкий спектр конкретных действий, зачастую выходявших за пределы традиционного понимания материнства или супружества.

§3. Реализация гендерных функций жены и матери

Такой, казалось бы, простой вопрос «Что значит быть женой/матерью» приобретает совсем иной смысл, если он обращен в прошлое. И если с «теоретической» частью все более-менее ясно (главная задача матери – забота о детях), то с фактическим наполнением дело обстоит сложнее. Любые попытки типологизации всего, что касается сферы чувств и человеческих взаимоотношений, на наш взгляд, обречены на провал. Мы не возьмемся судить о том, насколько ярко была выражена эмпатия у представительниц шляхетского сословия по отношению к своим мужьям и детям, однако попробуем отследить, какие действия (или в некоторых случаях – бездействие) входили в статусный набор жены/матери, считались необходимыми, допустимыми или неприличными.

Начать все же необходимо с теоретического конструкта, а именно с представлений о «хороших» и «плохих» женах, характерных для общественного сознания раннего Нового времени. Исследователь В.В.Яговец обращает внимание на существовавшие одновременно две религиозные традиции отношения к женщине – ветхозаветную (где женщина выступает исключительно как источник опасности и может привести к гибели, а, следовательно, нуждается в постоянном контроле) и новозаветную, где

женщина – это воплощение милосердия и кротости³⁶¹. Обе эти традиции, не вступая в противоречие друг с другом, имели место, например, в древнерусском сознании. «В древнерусской культуре функционировали две концептуальные модели понимания женской природы (ветхозаветная и новозаветная), к которым после длительной эпохи монголо-татарского нашествия присоединились еще и некоторые отголоски традиций восточного деспотизма. В соответствии с этими моделями и выстраивалось отношение к женщине в культуре и обществе Древней Руси» – пишет исследователь.³⁶² Эти модели послужили основой для формирования концепции «хороших» и «плохих» жен, противопоставление которых проходило, как пишет Н.Л.Пушкарева, «красной нитью через все средневековье и сохранилось в Новое время вместе с неисчислимым количеством всевозможных «слов» и «бесед», «поучений» и проповедей на эту тему»³⁶³. Образы добрых жен, «статичные и прямолинейные»³⁶⁴, имеют ряд феминных характеристик, считавшихся в православной традиции добродетельными. Среди прочих – покорность мужу. «Под доброй женой, – пишет Н.Л.Пушкарева, – разумелась жена... безоговорочно согласная на признание своей второстепенности по сравнению с мужем, а потому верная, преданная ему при любых обстоятельствах».³⁶⁵ Покорная и тихая жена, занятая бытом и воспитанием детей, прекрасно вписывается в предпочтительную модель семьи – патриархальную. Косвенно об этом говорит даже главная энциклопедия семейного быта – «Домострой», советы которого четко разделяют мужскую и женскую сферы деятельности³⁶⁶.

Как и московская традиция, польско-литовская идеологическая конструкция исходит из того, что женщина по своей природе является более

---

³⁶¹ Яговец В.В. Статус женщины в древнерусском обществе (историографический и методологический аспекты) // Вестник Санкт-Петербургского Государственного университета, серия 2, выпуск 4., 2009. С.149 – 150.

³⁶² Там же. С 150.

³⁶³ Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX вв). М: Ладомир, 1997. [Электрон. ресурс] URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/life/ofw/oman/3.htm#5> (дата обращения – 12.08.18)

³⁶⁴ Там же.

³⁶⁵ Там же.

³⁶⁶ Домострой. / Ред. В.В.Колесов, В.В.Рождественская. СПб.: Наука, 1994. (Серия "Литературные памятники".) [Электрон. ресурс] URL: <http://www.bibliotekar.ru/rus/9.htm> (дата обращения - 26.08.18)

слабым и менее нравственным существом, чем мужчина, а потому нуждается в контроле и покровительстве³⁶⁷. Литовская риторика, однако, оставляет семью без явно выраженного главы, отмечая, что в идеальной семье царит равноправие и взаимное уважение и любовь всех членов друг к другу³⁶⁸. Реальная жизнь, как известно, всегда далека от идеалов, воспетых в теологических или публицистических трактатах, но стоит отдать должное шляхтичам: XVI век стал для Великого княжества Литовского не только веком войн и сражений, но и поистине «женским» временем.

В главе 1 настоящего исследования «Женщина как объект сексуального желания» мы рассмотрели один из аспектов сложного портрета «хорошей» – «плохой» жены, связанный с женской привлекательностью и целомудрием³⁶⁹. Однако понятие «доброй» шляхтянки включало в себя гораздо более широкий перечень характеристик и обязанностей, чем интимная сфера. Это – забота о детях, рачительное ведение хозяйства, помощь супругу, уважение старших, набожность, доброта, милосердие³⁷⁰. Постепенно, с расширением сфер деятельности, туда добавляются образованность и даже меценатство. А вот такая феминная характеристика, как покорность (и даже пассивность), которая являлась одной из основных характеристик московской идеальной жены, в литовском сознании воспринимается уже далеко не так однозначно.

Как видно из материалов судебных разбирательств, в которых в качестве истцов или ответчиков фигурируют шляхтянки, новозаветный образ слабой и сострадательной женщины активно использовался для формирования общественного мнения³⁷¹. Если для мужчины-шляхтича при доказательстве собственной правоты ключевыми были заслуги перед королем – господарем и собственная доблесть, то женщина оперировала более интимными понятиями. Ее обращение в суд – это всегда поиск

---

³⁶⁷ *Sarcevičienė J. Idealūs moters modelis XVI a. II P. – XVII a... P.24.*

³⁶⁸ *Ibid. P.36.*

³⁶⁹ См.: *Наст.исслед. Глава 1. п.1.1.*

³⁷⁰ *Sarcevičienė J. Idealūs moters modelis XVI a. II P. – XVII a... P.36 – 38.*

³⁷¹ *Пелипенко Т.И. Положение шляхтянок в обществе Великого княжества Литовского... // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. Вып.4., 2012. С.155 – 156.*

защиты, просьба о помощи в борьбе против сильного и несправедливого обидчика ³⁷². Упование на милосердие и непремненное указание на собственную беспомощность и готовность покориться судьбе – характерные черты большинства женских выступлений, даже если шляхтянкам приходилось отвечать за нанесенный квалт соседского имения. Косвенно это показывает, какие именно добродетели считались в литовском обществе феминными. Слабая, скромная, безропотная «хорошая» во всех смыслах женщина – как некий идеал, который при необходимости пытались сконструировать.

В реальной жизни с ее многочисленными перипетиями подобный т.н. пассивный тип поведения ³⁷³ чаще навлекал на саму женщину проблемы и неприятности, нежели вызывал у общества чувство милосердия. Достаточно посмотреть, как сложились судьбы женщин, не сумевших или не пожелавших проявить настойчивость в трудных жизненных ситуациях. Кроткую Алену Юрьевскую после смерти отца заточил в замке опекун и самовольно присвоил себе все наследство. После того, как тревогу забили родственники, девушку вызволили, спустя некоторое время ее выдали замуж за Николая Меницкого. В браке Алена пробыла недолго, овдовела спустя полгода и не получила «вдовый стол». Ее перепоручили родственникам Меницкого, которые не допускали ее до имений, держали взаперти у себя в доме. В конце концов, Алену забрали к себе дальние родственники по материнской линии, в доме которых она и прожила до самой смерти ³⁷⁴. Печальную судьбу внучки известного общественного деятеля князя Константина Острожского, Анны-Алоизы, не сумевшей противостоять жестокому времени, воспроизвел в

---

³⁷² Заявление жены Богуша Тарусы на заявление п.Матвея об отнятии людей из имения, 1556 // Акты, издаваемые Виленской комиссией... Т.21. с.200.; Заявление жены Ивана Красненского пани Алены на заявление п.Адама Войковича о наезде квалтом. б/д. // Там же, с.158; Дело по жалобе Анны Тенгинской, вдовы Станислава, впервые замужем за Юрием, князем Слуцким, на Николая Ласкаго о захвате ее имения, перешедшего к ней по наследству, 1564 // ЛГИА. Ф.1280. №12. л.1.; отложенье року на инший час в справе Яновое Викторовное Анны Илиничовны с кн. Романом Сангушкой о розные кривды имену ея Говеночам. 8 апреля 1558 г. // *Lietuvos Metrika (1555 – 1558) 37-oji Teismu bulu knyga*. P. 134.

³⁷³ *Kuchowicz Z. Wizerunki niepospolitych niewiast staropolskich XVI – XVIII wieku...* P.23 – 46.

³⁷⁴ Запись об опекунстве над панею Аленою Меницкое, урожд. Юрьевское, пана Григория Меницкого с передачею дома, угодий и проч. имущества, 1589. // ЛГИА. Ф.599. №513. Л.74.; дело о незаконной продаже дома и перепоручении паны. 1591. // Там же. Л.85 – 85 об.

одноименном исследовании О.И.Левицкий³⁷⁵. Вдовая Анастасия Тышкевич пыталась заступиться перед зятем за свою дочь, которую всячески притесняла свекровь в новом доме³⁷⁶. А за Анастасию Василиеву, которую в порыве гнева муж выгнал из дома, в суде пришлось вступить ее отцу Василию Парфеновичу и брату Семену³⁷⁷

Эти примеры показывают, как слабование могло отрицательно сказаться на женской судьбе, особенно если рядом вовремя не находилось сильного и честного покровителя. Более того, подобное поведение чаще всего встречало общественное порицание: шляхтянка, не способная защитить имение или постоять за интересы собственных детей, не справлялась с функциями жены и матери. Как правило, подобные женщины не получали поддержки ни со стороны родственников, ни со стороны государственной власти, зачастую просто не желавшей вдаваться в суть проблемы. Разумеется, мы не можем до конца быть уверенными, что подобная ситуация «заточения» и всяческих притеснений не была в Великом княжестве Литовском нормой, т.к. неизвестно, сколько подобных безмолвных неизвестных женщин коротали свой век, никоим образом не войдя на страницы многочисленных источников. Возможно, их количество гораздо превосходит тех, кто так или иначе оставил свой след в юридической практике Великого княжества Литовского, и благодаря напористости которых данное исследование состоялось.

Однако количество разбирательств, где шляхтянки, представляют свои интересы или интересы близких в суде, в середине XVI века значительно увеличивается по сравнению с концом XV в. и самым началом XVI в. и далее лишь неуклонно растет. Это связано не только с лучшей сохранностью источников более позднего периода, но так же с оформлением шляхетского сословия и ростом привилегий. Уже сам факт того, что шляхтянки выступают

---

³⁷⁵ *Левицкий О.И.* Анна-Алоиза, княжна Острожская... С.11

³⁷⁶ Письмо вдовы воеводы Василия Тишковича Настасьи Андреевны зятю ее Александру Григорьевичу с жалобой на дурное отношение к ней его матери и просьбою заступиться за ее дочь перед свекровью, б/д // СПБ ИИ РАН. Ф.124. Картон.1. №123. Л.1.

³⁷⁷ Жалоба пана Василия Парфеновича и его сына на Василия Даниловича, что тот якобы выгнал из дома жену Анастасию с общим ребенком. 1556 г. // Акты, издаваемые Виленской комиссией...Т.21. С.127 – 128.

на страницах источников, что голос их возможно услышать, а судьбы восстановить, показывает, что женщины вовсе не были безмолвными жертвами эпохи, а пользовались изрядной долей независимости, казалось бы плохо сочетающейся с патриархальным духом Статутов.

Мы имеем колоссальный пласт материалов: судебных разбирательств, договоров, завещаний, змовных и распустных листов, которые говорят нам о небывалой для позднего Средневековья и раннего Нового времени социальной активности женщин и девушек. Благодаря хотя и разрозненным, но весьма богатым материалам замковых и земских судов, а также хозяйственной документации мы можем увидеть расстилающиеся полотна женских судеб, которые трудно назвать затворническими³⁷⁸.

Анна Берзобогатая-Краснянская, невестка луцкого владыки, сама управляла казной Луцкой епископии, участвовала в многочисленных судебных тяжбах и «даже предводительствовала гайдуками и артиллерией в сражении против ополчения, поднятого по приказу короля»³⁷⁹.

Волынская княгиня Софья Ружинская возглавляла отряд в 600 человек и взяла приступом замок князей Корецких³⁸⁰.

Желая получить доходное имение, но не желая жить с нелюбимым мужем, Наталья Пузовская отравила несчастного, после чего несколько лет самовольно распоряжалась отошедшими ей именьями, прежде чем преступление раскрылось³⁸¹.

Это лишь несколько примеров женской предприимчивости, отразившейся в источниках. Многочисленные тяжбы, где женщины в равной степени фигурируют и в качестве истцов и в качестве ответчиц, рассматриваются земскими судами в обычном порядке; женщины выступают в делопроизводстве наравне с мужчинами, не встречая никаких

---

³⁷⁸ Жалоба княжны Дороты на мать и отчима на отнятие имения. б/д. // Акты Литовской метрики. Отд.1 -2. Ч.3. Т.1. С. 386; Лист Кристофа Лодзинского о вымене имения у Александры Тышкевич, данный в Люблине. 28 июля 1599. // Архив СПбИИ РАН. Ф.238. Оп.2. №69. Л.1. и др.

³⁷⁹ *Левицкий О.И.* Черты семейного быта...С. 9

³⁸⁰ АЮЗР. Ч.6. Т.1. Акты, относящиеся к истории православной церкви в Юго-Западной России. Киев: тип. Е.Федорова, 1867. С.223

³⁸¹ *Левицкий О.И.* Черты семейного быта...С.12

препятствий, связанных с полом. Они представляют интересы своих детей, а иногда даже интересы безынициативного, ленивого или отсутствующего мужа, как это было, например, в случае с Аленой Мисхеевой, которая засудила своего соседа Адама Жуковича за то, что тот нанес оскорбление ее мужу Яцьку Мисхееву. При этом сам Яцько ни разу даже не появился в суде³⁸². Тот факт, что формально женщина всегда находится под «опекой» и со всеми претензиями необходимо обращаться к ее представителю, кажется, вовсе не принимается в расчет ни одной из задействованных в разбирательствах сторон. Вопрос о причинах появления подобной женской «вольности» и толерантного отношения к ней со стороны общества крайне важен для реконструкции всей системы гендерных координат литовского социума. Как могло так получиться, что, несмотря на формальное ограничение дееспособности женщин, огромное количество крупных сделок проводилось шляхтянками самостоятельно, без обращения за помощью к опекунам³⁸³? Или почему при живом и вполне здоровом муже тяжбой с соседом по поводу украденного сенокоса или разоренного имения занимается его не полностью дееспособная супруга³⁸⁴?

При внимательном изучении документации понимаем, что противоречие здесь только кажущееся. Условно все судебные и

---

³⁸² Разбирательство по делу Адама Жуковича, который нанес оскорбление словом п.Яцько Мисхееву, о чем заявила жена Яцьковая Алена. Февраль 1557 // Акты, издаваемые Виленской комиссией... Т.21. С.16.

³⁸³ Лист купли-продажи, 1564. // ЛГИА. Ф.599. №513. Л.18; Акты продажи земельных участков имения Вайгово. 1535 г. // Там же. Ф.1177. №168. Л.3; Акт передачи земли в вечное пользование жене и детям. 1558 // Там же. Ф.1177. №169. Л.14; Акт продажи земли от имени Миколая Григоровича и его жены. 1564 г. // Там же. Ф.1177. № 183. Л.19 – 19об.; Дело об отдаче в залог и аренду имения Хороша Гродненского уезда пацами Павлом и Анной, урожденной Ходкевич (впервые замужем за Сапегой), зятю князю Андрею Сангушке. 1583 // Там же. Ф.1280. №19. Л.1 – 6.; Дело о продаже части им.Курняны Станиславом и Маргаритой, урожденной Наминик, Твирбутовичами Габриэлю Богдановичу. 1577 // Там же. Ф.1280. Оп.1. №14. Л.1 -2.; Материалы по судебным делам Садовских Кристофа и Анны, урожденной Радзивилл // Там же. Ф.1280. Оп.1. №39. Л.2об – л.3; Материалы по земельным делам Хельшки Кишки (урожденной княжны Острожской), вдовы Яна Кишки. // Там же. Ф.1280. Оп.1. № 40. Л.1 – 3. и др.

³⁸⁴ Заявление о захвате сенокоса. 1549 // Акты, издаваемые Виленской комиссией... Т.17. С. 145.; вырок Потеевой Тышкевича Марьи з Иваном Богуевичом о взять из мощи ее именье небожчика мужа ее Богдана Львовича и детеи,з нею спложоных, и опустошене тых именей, 2 июня 1528 г. // Lietuvos Metrika. (1528 – 1538) Кнуга Nr.15. Р. 65 – 66.; вырок пани Львовой Боговитиновича, пане Анне с пасынком ея п.Богданом Львовичом о именье Неплеи, от мужа ее в вене записанное, и о шкоды, пры взят юз рук ее того именья сталые. 29 июня 1528 г. // Там же. Р.64.; вырок воеводиной трюцкой, пани Григориёвой Остиковича с писаром земским дорогицким Яном Секеркою о сорок золотых черленых и толопъ кунии и шапъку зъ соболемъ, и двое челеди, и о иншие шкоды поднятые. 2 июля 1528 г. // Там же. Р.65 – 66.

хозяйственные документы, где фигурируют шляхтянки, можно разделить на три группы.

В первой группе источников шляхтичи выступают от имени женщин, находящихся у них в опеке. Речь здесь чаще всего идет о регулировании вопросов имущественного характера, когда мужчина занимается собственностью подопечной, или о несении повинностей в пользу господаря³⁸⁵. Так, например, пан выставляет коней и слуг с имения жены, тещи, падчерицы (сам не являясь собственником) («Пан Станислав Станиславович, пан троцкий и староста жомойтский, со своих имений – 370 коней, с имения пане его и падчерицы – 246 коней», «Пан Александр Иванович Ходкевич со своих имений – 189 коней, с имений княгини Комарицкой, которая в опеке пана – 2 коня», «Пан Андрей Манкевич с имений своих и тещи, которая у него в опеке – 6 коней»³⁸⁶etc.). Эта форма – иллюстрация типичных взаимоотношений, прописанных в Статутах: когда женщина находится под опекой мужчины, а мужчина со своей стороны являет заботу о ее собственности и решает общественные дела. Женщины в этом случае безмолвны и практически невидимы: все отношения с государственной системой, будь то судебное разбирательство или исполнение повинностей, выстраиваются мужчиной. Говорить здесь о тотальном притеснении именно женщин навряд ли правомерно, в каждом конкретном случае ситуация могла повернуться как в пользу подопечной, так и против нее. Закон здесь гендерно нейтрален. Зачастую паны несут повинности не только за шляхтянок, находящихся у них под опекой, но и за своих престарелых отцов или младших братьев. Таким образом, это иллюстрация того, как шляхтич исполняет свои функции заботы и защиты младших членов семьи, в категорию которых помимо женщин попадали также и старики, и несовершеннолетние юноши.

---

³⁸⁵ Лист князя Василья и Ивана Андреевичов Полубьенских аСтанислава Довкгира, которые были комисарми зь стороны пани Миколаево Радивиловича о разграниченье имения ее милости Селищского з имением княгини Мстиславское Молодеченскими до короля его милости писаны.15 ноября 1531 г. // Там же. Р. 145 – 146.

³⁸⁶ Перепись войска Литовского от 1528 г. // Радзивилловские акты из собрания Российской Национальной библиотеки. / Сост. М.М.Кром... С.41.

Вторая группа источников – в которых шляхтянки выступают совместно с мужьями. Судебное разбирательство инициируется семейной парой по поводу имущественных или соседских споров, кгвалта или иного. Или же происходит имущественная сделка (продажа имения/ дарение/ предоставление денег в долг и т.д.) В этом случае главенствующая роль так же принадлежит мужчине. Женская активность сведена к минимуму: она не присутствует в суде, все заявления составляются мужчиной, ее имя фигурирует мимоходом. Заглавие, каким начинается, к примеру, запись князя Ивана Кобринского на церковь Добужискую, является наиболее распространенным: «А се я, князь Иван Семенович Кобреньский, и зь своею княгинею Федкою...»³⁸⁷ Ответные листы и привилеи от имени великого князя Литовского так же содержат обращение – «князю и жене его...». Эта форма подтверждает, что все действия, оговоренные в записи, производятся мужем с согласия и ведома жены («князь зь женой своею»), а потому указывает, что речь в данных документах идет о совместном имуществе и интересах всей семьи. Ту же ситуацию нередко видим и при традиционном выставлении «почт панницких», когда пан выставляет на службу коней и слуг совместно с женой³⁸⁸. Супруги выступают перед внешним миром как некое социальное единство: они вместе заключают сделки купли-продажи, вместе подают жалобы на соседей, нарушающих границы имений, участвуют в тяжбах о межевании земель и т.д.³⁸⁹. Единство это опирается на

---

³⁸⁷ Лист князя Ивана Кобреньского попу Якову на церковь Кобреньскую, 1496. // Акты литовской метрики / изд. Ф.И.Леонтович. Т1., вып.2. С. 24.

³⁸⁸ Перепись войска Литовского от 1528 г. // Радзивилловские акты из собрания Российской Национальной библиотеки / сост. М.М.Кром.; Реестр панских почтов, май – июнь 1536 г. // Там же.

³⁸⁹ Например: материалы дела о межевании земель между кн.Беатой Острожской и кн.Иваном Чарторыйским // ОР РНБ.Ф.293. Д.182 – 186.; Данная грамота Пинского земянина Ивашки Федьковича Полозовича, жены его Настасьи и сына Андрея, по которой принадлежащий им Кучуков остров на реке Днепре с пашною землею, сенокосами, озерами и криницами, а равно и бортная земля Мутушинская, лежавшая по обе стороны реки Трубежа, отдаются во владение Киевскому Николо-Пустынному монастырю, 26 февраля 1517 г. // Архив СПбИИ РАН. Коллекция 68. Оп.1. Картон.1а. №9. Л.1.; соглашение между Елизаром и Анной Кирдеями с одной стороны и Миколаем, Криштофом, Юрием, Ольбрехтом и Станиславом Радзивиллами с другой о разграничении имений Рыков, Донбровица и Давидогродск, 1577 г. // ЛГИА. Ф.1280. Оп.1. Т.2. №1301; Запись части имения Жабер и местечка Хомск...Туками Яном и Анной, урожденной Бурчак, Миколаю Нарушевичу, 1571. // Там же. Ф.1280. Оп.1. Т.1.№1426.; Акты о продаже Станиславом и Елизаветой Олехновичами имения Дубенец своему зятю Афанасу Кочагину, 1546 г. // Там же. Ф.1280. Оп.1. Т.2. №1300 Л.1; вырок Станиславу Рокицкому и жене его з Михайлом Юшковичом о некоторые платы з людей гкегужинскихъ и о соромоченье. 3 августа 1546 г. // Lietuvos Metrika. (1546 – 1548) 19 – oji Teismu bylu knyga. P.32; отложенъе справы Идка Жебра и жоны его с паном Юремъ Едкомъ и жоною его о суму

представления об «идеальных» отношениях между супругами с одной стороны³⁹⁰, и на различные формы собственности, которые могли иметь место в одной и той же семье одновременно – с другой. Когда речь идет о совместной собственности и интересах семьи, за женщиной всегда остается право голоса – в случае, если что-то пойдет не так. Упоминание ее имени в документах совместно с мужем легитимизирует ее самостоятельность, указывает на совладение имуществом. Пожалуй, именно эта форма документации наиболее четко обозначает место женщины в польско-литовском обществе. Она – прежде всего, жена шляхтича, и именно из этого вытекают ее права и обязанности.

В третьей группе документов шляхтянки выступают самостоятельно от имени мужа или сына. Как правило, здесь всегда есть указание на обстоятельство, позволяющее женщине проявлять активность (отсутствие супруга по причине службы, несовершеннолетние дети и подтвержденная опека над ними и т.п.). Иногда идет ссылка на документ, подтверждающий право шляхтянки действовать в интересах семьи и от ее имени. Например, жители Вилькейской и Поюрской волостей должны были повиноваться княгине Полубьянской во время отсутствия ее попавшего в плен мужа, о чем в 1577 году была выпущена послушная королевская грамота³⁹¹. Взавший в долг у шляхтича Гринкевича некую сумму (не указана) Грин

пеней за именье на Высоком. 3 августа 1546 г. // там же. Р.32.; вырокъ павла Ивашковича и жоны его зъ Андреем Пешковичем о заняты быдла и бой жоны, сына и дочки его. 22 августа 1546 г. // там же. Р.42 – 44.; судовая запись спора о том, кому принадлежат подданные, между п.Лаврентием Васильевичем Петрицем с одной стороны и п.Богданом Пашкевичем и пани Мариной Осиповой с другой // ЛГИА. Ф.599. №1571. Л.79.; протокол компромиссарского суда в дер. Любешово по жалобе кн.Дмитрия Козеки на кн.Сапегов Николая и Анну, урожденную Сангушко, о причинении ему ущерба, 1574 г. // Там же. Ф.1280. Оп.1. Т.1. №1427; Лист, данный воеводе подменскому п.Василилю Тышкевичу и малжонце его милости Наталье на заставень двора Здитова и двора Хрысыцы в 5 000 коп грошей до животов их милостей держати, 23 мая 1562 г. // Метрыка Вялікага княства Літоускага. Кніга 44 (1559 – 1566) Кніга записау 44. С.40 – 41.; Справа Михайлу Николаевичу и жоне его с кн.Ярошом Квилецким, плебаном пуньским, о побране пенезе и многих речей першого мужа жоны его Андрея Патрикозского, врядником в Юрбореку будучого. Л.12. // Lietuvos Metrika (1555 – 1558) 37-oji Teismu bulu knyga. Р.30-32.; вызнанье Яна Тупальского и жоны его Анна Миклашовны, иж оне имене Залуже з двором Якимовским и з селом Опечками в повете Новгородском продали навечность Михайлу Кришиловскому и жоне его. 28 марта 1557 г. // вызнане кн.Юрия Тиофеевича Масальского иж жоне своей Анне Соколенской по своем животе записал третью часть всех имений своих вечностью, а две части – в суме, и речи рухомые. 28 марта 1557 г. // Там же. Р. 68 – 70. и др.

³⁹⁰ См: *Sarcevicene J. Idealusis moters modelis XVI a. II P. – XVII a...*

³⁹¹ Послушная королевская грамота городским и волостным жителям о повиновении княгине Полубьянской во время отсутствия ее мужа, взятого в плен русскими в Ливонии. 21 сентября 1577. // Акты, относящиеся к истории Западной Руси...С.218.

Буйкевич должен был отработать долг на жену Гринкевича – Марину, поскольку сам Гринкевич в это время находился на службе³⁹². Жена виленского воеводы Альбрехта Гаштольда – Софья при жизни мужа помогала ему в управлении воеводством, а после его смерти – управляла имениями вместо сына, которого также пережила³⁹³. Здесь обязательно подчеркивается родство женщины с тем шляхтичем, чью волю и по какой причине она исполняет³⁹⁴.

Во всех этих случаях видно, что женщины, проявляя социальную активность, почти никогда не выходят за рамки отведенных им семейных ролей. Попытки вернуть через суд украденное сено или добиться иного порядка межевания земель, как в случае с Ивановой Миленской или Анной Якубовной³⁹⁵ вписываются в функции хозяйки дома (забота о рачительном хозяйстве), а отстаивание интересов несовершеннолетних детей, как это делала, к примеру, пани Кривцова – в функции материнства³⁹⁶. Как весьма справедливо, хотя и с изрядной долей исторического пафоса, заметил Владислав Лозинский, Речь Посполитая «держалась не на личности, она держалась на семье»³⁹⁷. Именно интересами и благополучием семьи зачастую объяснялась та или иная деятельность женщины вне дома.

---

³⁹² Жалоба пани Войтовой Марины Гринкевич на Грина Буйкевича и его семейство, отказывавшегося служить ей в течение установленного срока б/д. // Акты, издаваемые Виленской комиссией...Т.17. С.120.

³⁹³ Лист воеводы Виленского Альбрехта Мартиновича Гаштольда наместникам Воложинскому, Радомиковскому, Койдановскому, Старынскому, Рубежовскому и Гнековскому с приказанием отдавать все доходы со дворов со дворов жене его Софье // Архив СПбИИ РАН. Ф.124. Картон 1. Л.18.; Судовый лист жены Виленского воеводы Софьи Гаштольд, данный Койдановскому войту на владение двумя землями от 07 мая 1537 // Архив СПб ИИ РАН. Ф.124. Картон 1. Л.36.; Письмо Стефана Андреевича Збаражского Софье Гаштольд с жалобой на ея урядника от 01.11.1537. // Архив СПбИИ РАН. Ф.124. Картон 1. Л.113 и др.

³⁹⁴ Например: подтверждение Якубу Красовскому и малжонке его пани Раине Николаевне Глебовичовне на именье Вересково им от имени п.Миколая Станиславовича Глебовича панной Натальей Немировой записанного навечность, 1557 г. // Метрыка Вялікага княства Літшускага. Кніга 43 (1523 – 1560). Кніга запису 43. С.35.; вырок пану Августину Фурсовичу с пани Андреевою БютицкоюКахною о два имена, Бютишъки и Кровъжишки, от мужа ее, п.Андрея Бютицкого, ему в суме пенязей трехсот копах грошей записанных. 20 октября 1528 г. // Lietuvos Metrika. (1528 – 1538) Knyga Nr.15. P.81 – 82.

³⁹⁵ Заявление о захвате сенокоса людьми Ивановой Миленской, 1540 г. // Акты, издаваемые Виленской комиссией... Т.17. С.145; мировая между Анной Якубовной и Павлом Мартиновичем по спору о земле. Сентябрь 1555 // Там же. Т.21. С. 63 – 64.

³⁹⁶ Жалоба панны Марии Кривцовой на деверя Ивана Кривца, что после смерти мужа, Иван не желает давать ее сыну, своему племяннику, долю наследства. б/д. // Акты литовской метрики / изд. Ф.И.Леонтович Т1, вып.2. С. 84 – 86.

³⁹⁷ Цит.по: *Верещагина Е.В.* Зачем белорусской шляхте понадобился сарматский миф? // [Электрон. ресурс] URL <https://charter97.org/be/news/2017/9/17/263159/> (Дата обращения – 18.04.2018 г.)

Даже в тех случаях, когда шляхтянки привлекаются в качестве ответчиц за совершенные ими или по их приказу разбойные действия (квалт, захват земель, наследственные или иные имущественные споры) сохраняется мотив действия в интересах семьи³⁹⁸.

Беата Острожская на протяжении нескольких лет судилась с соседом Иваном Чарторыйским из-за границ имения, нападая на соседские земли и разоряя их³⁹⁹. В суде она объясняла наезд на имение Чарторыйского тем, что Чарторыйский всячески игнорировал ее попытки решить проблему мирно.

Анна Таруса угнала из имения дворянина Матвея Ступки всех слуг якобы в счет долгов⁴⁰⁰.

Алена Красненская, после того, как сосед украл весь урожай с полей, лично возглавила «наезд» на его дом⁴⁰¹.

Разнообразие и постепенное усложнение социального опыта шляхтянок тесно связано с общей политической и экономической ситуацией в Великом княжестве Литовском. Судя по всему, они были далеки от того, чтобы «по вся дни с мужем о всем спрашиватися», как советовал Домострой их московским

---

³⁹⁸ Лист, писанны до воеводиное виленское, пани Миколаевое Миколаевича, пани Алжбеты, в жалобе панов Зеновьевичов, о наехане от наместника волколтского на имене Вапленое и о починении многих шкод, ознаимуючи о суде тое справы. 24 декабря 1558 г. // Lietuvos Metrika. (1528 – 1538) Knyga Nr.15. P.95 – 96.; вырок кушнеровой слонимской Пашковой Настай и сыном ее зь Гринком Михаиловичом о землю, отчизну ее. 9 мая 1529 г. // там же. P. 118 – 119.; лист, писанны до до старосты дорогицкого и до вряду земским дорогицким, в справе пани воеводиное трюцкое, пани Григоревое Станиславовича с писаром земским дорогицким Яном Секеркою о долге, от него и милости винныи, за што в ымене его было увязано. 20 марта 1531 г. // там же. P.127 – 128.; справа князю Василью Сонгушковичу с княгинею Андреевовой Лукомскою о созженье сена из сеножати его Оболецкого имения колькосот воз и о вырубанье дороги звечистое до пушы оболецкое, и тежь о бои и иные шкоды подданных его. 10 марта 1547 г. // Lietuvos Metrika. (1546 – 1548) 19 – oji Teismu byla knyga. P.88 – 90.; вырок Борку Семеновичу Жабе зь сестрою его пани оলেখною Крывцовою о квалтовное отнятье имения Митьковського и пяти частей другого имения Вязыньского и побранья в них многих статков. 30 марта 1547 г. // там же. P.97 – 99.

³⁹⁹ Письмо кн. Беаты Острожской кн. Ивану Федоровичу Чарторыйскому о назначении дня съезда поверенных, 30 ноября 1563. // ОР РНБ. Ф.293. Оп.1. №182; Письмо Беаты Острожской к кн. Ивану Федоровичу Чарторыйскому с препровождением письма от Маршала и с просьбой назначить время Маршалу для свидания с ней, б/д // Там же. Ф.293. Оп.1. №183; Выпись из книг воеводы Киевского Константина Острожского, содержащая в себе жалобу кн. Ивана Чарторыйского на кн. Беату Острожскую на насилии, сделанное по ее приказанию в его имении. 2 января 1564 // Там же. Ф.293. Оп.1. №186.; Грамота Сигизмунда Августа Беате Острожской о жалобе Ивана Чарторыйского на ее бояр и людей, 1 июля 1564 // Там же. Ф.293. Оп.1. №188.; грамота польского короля Сигизмунда Августа кн. Беате Острожской по жалобе старосты Ковенского Григория Ходкевича на обиды и притеснения, 9 января 1553 г. // Там же. Ф.293. Оп.1. №144. и др.

⁴⁰⁰ Заявление п. Матвея Ступки об отнятии у него женою Богуша Тарусы людей из имения, 1555 // Акты, издаваемые Виленской комиссией...Т.21. С.73.

⁴⁰¹ Заявление п.Адама Войковича о наезде на его имение жены Ивана Красненского, б/д // Там же. С.147.

современницам⁴⁰². Пока шляхтичи практически перманентно находились на службе, войне или в плену, их жены были вынуждены самостоятельно управляться с имениями, противостоять разбойничьим нападкам со стороны соседей и родственников, отстаивать свои интересы в судах, нести всевозможные повинности. Длительное отсутствие и высокая смертность мужчин определяли ту социальную активность, какую мы видим у женщин Великого княжества Литовского и впоследствии – Речи Посполитой. Вместе с тем, шляхтянки всегда выступают в социуме как дочери, сестры, жены или матери. Социальной ролью женщины является ее роль семейная. Замужество и материнство легитимизируют женскую деятельность, т.к. она направлена на интересы всей семьи, всего рода.

Судебная система уже с 1540-х годов приобретает черты гендерной нейтральности. Говорить о равноправии, разумеется, не приходится, т.к. женщины все еще ограничены в правах Статутами: они не могут быть свидетельницами при составлении завещаний или давать показания в суде⁴⁰³. Однако, вряд ли можно считать ограниченную дееспособность женщины преднамеренной дискриминацией, как об этом пишет И.М.Валиконите⁴⁰⁴. Это скорее – фиксация традиции в законе. Еще О.И.Левицкий обратил внимание на противоречие правовых норм и реальной жизни, отметив, что «жизнь уже тогда опередила патриархальное воззрение на женщину, как на полуправное существо»⁴⁰⁵. Такое явление, как замещение социальных ролей, когда в условиях длительного отсутствия главы семьи, женщина брала на себя часть его обязанностей, вносило свои коррективы в ежедневные практики литовской шляхты, с чем приходилось считаться и обществу, и государственной системе.

Например, женщины не освобождались от службы и должны были выставлять определенное количество людей, коней и вооружения со своих

---

⁴⁰² Домострой. / Ред. В.В.Колесов, В.В.Рождественская. СПб.: Наука, 1994. (Серия "Литературные памятники".) [Электрон. ресурс] URL: <http://www.bibliotekar.ru/rus/9.htm> (дата обращения - 26.08.18)

⁴⁰³ Другий Статут 1566 г. Разд. VIII. Арт.5. // Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года. [Электрон. ресурс] URL: <http://litopys.org.ua/statut2/st1566.htm> (дата обращения - 18.04.2018 г.).

⁴⁰⁴ Валиконите И.М. Социально-экономическое и правовое положение женщины... С.24.

⁴⁰⁵ Левицкий О.И. Черты семейного права... С.10.

или совместных с мужем имений. Мы не берем сейчас во внимание известия о двух «кавалер-девицах» XVI в. – пани Кищиной и пани Яцыничовной, которые в 1565 г. лично явились на службу во главе небольшого войска⁴⁰⁶, хотя этот факт, бесспорно, любопытный и, возможно, в некотором роде показательный. Обратимся к типичным случаям, когда шляхтянки самостоятельно несли служебную повинность со своих владений. Подобных записей в реестре сравнительно меньше, чем записей о совместном выставлении людей с общей собственности супругов, но достаточно для того, чтобы считать их закономерными. В реестре за май – июнь 1536 г. подобных записей – 9 из 43⁴⁰⁷. (Примечательно, что в боярском реестре за тот же год, женских имен практически нет. Всего две записи из 137⁴⁰⁸). Учитывая, что почты вдов панницких вынесены в отдельный реестр⁴⁰⁹, осмелимся предположить, что здесь речь идет о несении службы женами вместо отсутствующих по каким-либо причинам мужей.

Кгвалт имений, если дело доходило до суда, рассматривался только с точки зрения причиненного ущерба, независимо от того, лицом какого пола он был нанесен. Шляхтянок, совершавших наезд, не упрекали в маскулинном поведении, разбойничьи действия такого рода не наносили урон ее женской чести. В результате кгвалта страдала честь только пострадавшего (особенно, попавшего в плен и удерживаемого в заложниках), т.е. оказавшегося наиболее слабым (потерпевшим) – независимо от пола. Если вспомнить, что «кгвалт» зачастую являлся неким подобием средневековой дуэли – крайним способом разрешить затянувшуюся конфликтную ситуацию, довольно частое участие шляхтянок в таких наездах поражает. Например, Анастасия Олеховна захватила урожай овса своего соседа Зиновия Гридича и избила его самого⁴¹⁰.

---

⁴⁰⁶ Почты панней вдов их милости // Литовская метрика. Отд. I. Ч. III. Кн. Публичных дел: перепись войска литовского. Пг.: [б./и.] 1915. С.241.

⁴⁰⁷ Реестр панских почтов, май – июнь 1536 г. // Радзивилловские акты из собрания Российской Национальной библиотеки / сост. М.М.Кром... С.183 – 184.

⁴⁰⁸ Реестр бояр Городинского повета, собравшихся в Слониме для участия в военной компании, сентябрь 1536 – август 1537 гг // Там же. С.192 – 194.

⁴⁰⁹ Почты панней вдов их милости. // Там же. С.42 – 45.

⁴¹⁰ Заявление землянина Зиновия Гридича о нанесении ему побоев и пошатрии егоовса Анастасией Олеховной. 1557 г. // Акты, издаваемые Виленской комиссией... Т.21. С.253.

Авдотья Маечковская вместе со слугами напала на поля Богуша Кошчича, вытоптала их и избивала палкой проезжавшую мимо жену Богуша – Марину⁴¹¹. В ходе разбирательств выяснилось, что выходка Анастасии была ответом на кгвалт, который учинили сами Кошчичи⁴¹².

Показательно и поведение шляхтичей – мужчин в тяжбах, где их оппонентом оказывалась женщина. Они не дают соперницам никаких послаблений: во чтобы то ни стало стремятся призвать их к ответу, засудить, оставить с носом и т.д. В то же время шляхтичи активно используют конструкт «плохой/злой» жены в качестве дополнительного аргумента. В ход идут и упреки в невнимании к детям, распущенности, запустении дома, а также обвинения в «неласковости», сварливом характере, пьянстве и даже колдовстве. Очевидно, что в понимании шляхтича доказать, что женщина не справляется со своими «естественными» обязанностями жены и матери (то есть является «злой/плохой») означало подспудно доказать свою правоту в конкретном судебном деле, чего бы оно ни касалось⁴¹³.

В целом, что касается проявлений у женщин качеств, традиционно приписываемых мужчинам, всегда велик соблазн навесить определенные ярлыки. Однако прежде чем удивляться необычайной «маскулинности» шляхтянок, стоит учесть, что зачастую мы оцениваем поведение шляхты как «традиционно мужское» и «традиционно женское», исходя из современных представлений о маскулинности и феминности. Для общества позднего Средневековья и раннего Нового времени основным критерием мужественности являлась способность шляхтича справляться с возложенными на него социальными функциями воина, государя,

---

⁴¹¹ Заявление п.Богуша Григорьевича Кошчича о нанесении Маечковскими побоев ему, его жене Марине, его шурина, и о потраве лугов. 1558 г. // Там же. С.322.

⁴¹² Жалоба п.Вечслава Маевского на Богуша Кошчича, что тот разорил его дом, забрал его вещи, избив его самого и его жену. 1558 г. // Там же. С. 322 – 323.

⁴¹³ Справедливости ради стоит отметить, что этот подход работал и в отношении самих шляхтичей: обвиняющая сторона всегда стремилась не только представить доказательства по конкретному делу (разбойное нападение или кража, например), но и выставить обидчика абсолютно некомпетентным в традиционных гендерных ролях – государя, подданного короля и проч.

подданного короля⁴¹⁴; для женщины – ее компетентность в решении внутрисемейных и хозяйственных дел. Проявления же конкретных качеств характера, таких как решительность или грубость, не являлись гендерными характеристиками в обществе и были допустимы для представителей обоих полов, если этого требовала успешная реализация отведенной им социальной роли.

Резюмируя, хочется привести высказывание О.И.Левицкого, который, как нам кажется, весьма метко подметил, что «играя вполне активную роль в тогдашней общественной жизни женщина столь же восприимчиво, как и мужчина, отзывалась на веяния своего века, страстно проникалась его интересами и едва ли не резче отражала в своей жизни и деятельности как светлые, так и темные черты эпохи»⁴¹⁵.

---

⁴¹⁴ *Сліж Н.У.* Гендерна-ролевыя функції шляхціца у сям’і і грамадстве Вялікага княства Літоускага... С.165 – 166.

⁴¹⁵ *Левицкий О.И.* Черты семейного права...С.7.

Глава 3. Горизонты повседневной жизни⁴¹⁶: вдовство, развод и девичество как возможные варианты жизни вне брака

§1. Особенности культурного развития Великого княжества Литовского в середине XVI века

Оказавшись на цивилизационном стыке между Московской Русью с одной стороны и Западной Европой – с другой, Великое княжество Литовское (и впоследствии – Речь Посполитая) на протяжении столетий находилось в эпицентре большинства общеевропейских событий. Не миновали Литву и такие значимые для всей европейской цивилизации явления, как Возрождение и протестантизм. В рамках нашего диссертационного исследования мы обратим внимание на то, были ли вовлечены женщины в данные культурные изменения и – если да, то в каком качестве.

В ВКЛ Ренессанс «распространялся параллельно с гуманизмом»⁴¹⁷. Польско-литовскому Ренессансу способствовали те же объективные факторы, что предопределили Ренессанс в Западной Европе: это значительный рост городов с конца XIV в., распространение раннебуржуазных отношений, развитие торговли, в том числе и международной. Способствовали культурному сближению с Европой и факторы субъективные, такие как, например, брак Сигизмунда I и итальянки Боны Сфорцы, имевшей близкое родство с родом Медичи – главными двигателями Возрождения в Европе. При этом, как отмечают исследователи Восточно-европейского Ренессанса, католическая и протестантская культура приходили на территории, где культурное развитие долгие годы протекало в традициях православия, тем

---

⁴¹⁶ Термин предложен: *Земон Дэвис Н., Фарж А.* Горизонты повседневной жизни // История женщин на Западе. Т.3. Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. С. 22

⁴¹⁷ *Гудавичюс Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М.: Фонд им. И. Д. Сытина; BALTRUS, 2005. С. 613; *Bumblauskas A.* Senosios Lietuvos Istorija. 1009 – 1795. Vilnius: R. Paknio Leidykla, 2005.

самым порождая религиозный антагонизм⁴¹⁸. Ситуация в общем-то не новая. С самого своего образования Великое княжество Литовское, словно губка, впитывало зачастую противоречивые тенденции, приходившие как с Запада, так и из Московского государства. Старинный принцип первых литовских князей «старины не рухать и новин не вводить» вылился в разобщенность различных социальных групп и географических регионов. Магдебургское право соседствовало с элементами древнерусских правовых норм; польский язык и латынь – со старобелорусским; полонизация и католизация социальных верхов – с православием большинства населения. При этом веротерпимость, даже если на уровне государственной политики и была вынужденной⁴¹⁹, в обычной жизни проявлялась весьма часто. Решение политических и экономических вопросов для шляхетской элиты, судя по всему, было важнее религиозных расхождений. Так, в частности, известный поборник православия К.К.Острожский был женат на католичке – дочери краковского каштеляна Софии Тырновской. Их дочери в свою очередь вышли замуж за протестантов – кальвиниста Криштофа Радзивилла и сторонника социан Яна Кишку. Допускалось одновременное присутствие на венчании и православного священника и католического ксендза, чтобы брак признавался действительными обеими конфессиями⁴²⁰.

К середине XVI в. ситуация достигла апогея. Даже в составе Речи Посполитой Великое княжество Литовское сохраняло автономию: свой государственный язык, казну, суд и проч. Попытки ввести религиозную Унию раскололи общество, и без того не отличавшееся единством. Даже среди шляхетских родов (а шляхта, желая все больше укрепиться в правах, старалась сохранять максимальное социальное единство) наметилось противостояние между яркими сторонниками и не менее яркими противниками объединения католической и православной церковью под властью Папы. Был

---

⁴¹⁸ *Падокшын С.А.* Этычная думка у культуры Беларусі XVI – XVII стст. Мінск: Бел. Навука, 2004. с.37

⁴¹⁹ А.В.Беднов отмечал, что веротерпимость польско-литовских королей была вынужденной, т.к. это была единственная возможность сохранить мир внутри государства. См.: *Беднов А.В.* Православная церковь в Польше и Литве. Минск: Лучи Софии, 2002. С. 38

⁴²⁰ О.И.Левицкий описывает несколько таких случаев, что, по мнению исследователя, свидетельствовало об отсутствии в Литве «вероисповедальной отчужденности». См.: АЮЗР. Часть 8. Т.3. С.5 – 7.

во всем этом и положительный момент: общая ситуация способствовала развитию философско-гуманистической риторики и искусства. Анализ особенностей визуальных искусств того периода мы предоставим вниманию искусствоведения. Отметим лишь, что ставший таким популярным к концу XVI в. жанр сарматского портрета содержит элементы гендерных стереотипов. На первом плане здесь выступало не портретное сходство, а шляхетские регалии и амуниция. Персонажи всегда изображались в парадных костюмах, подчеркивающим их социальный статус. Изображения женщин встречаются редко и отражают их семейную роль. Так, например, наиболее известный портрет Екатерины Тенчинской изображает Слуцкую княгиню вдовой, скорбящей по умершему мужу. Однако ее общественная деятельность (Екатерина активно сотрудничала с иезуитским проповедником Петром Скаргой и через него состояла в переписке с Папой римским Григорием XIII) остается «за кадром».

Что касается гуманистической риторики, то и здесь женщины крайне редко появляются в качестве объектов философских рассуждений. В центре внимания польских гуманистов – таких как, например, Матей Стрыйковский, Казимир Лыщинский или Николай Гусовский – трактовка Священного Писания, вопрос о бессмертии души и возможные пути национально-культурного самоопределения. Помимо Михалона Литвина, подвергнутого жесткой критике нравы польско-литовского дворянства, косвенно о роли женщины в грехопадении человечества говорит Сымон Будный⁴²¹.

Направления общественной мысли, предлагаемые польско-литовскими гуманистами, были различны и многочисленны. Как и всех гуманистов того времени, их объединяют идеи о величии человека, о его способности творить судьбу⁴²², а так же поиск идеального государственного строя,

---

⁴²¹ Будный С. Катэхізіс, то есть наука стародавняя христианская, от святого писма, для простых людей языка руского, в пытаниях и отказах събрана. Пад. ред. Н. Кабелка (навуковы рэдактар) і інш. – Мн.: Юніпак, 2005. – 312 с.

⁴²² Францыск Скарына. Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Пад рэд. Я.Д. Ісаевіча, В.Д. Чамярыцкага Мн: Навука і тэхніка. – 355 с.; Суша А. Францыск Скарына. Чалавек-энцыклапедыя. М: Беларуская дзіцячая энцыклапедыя, 2016. – 120 с.

способствовавшего дальнейшему развитию человеческой личности ⁴²³ . Взаимоотношение полов и природа женщин на этом этапе гуманистов интересовали мало.

Тем более удивительным может показаться живой отклик, который нашли религиозные идеи именно у женской аудитории. Мы уже упоминали, что женщины были активно вовлечены в социальную жизнь Великого княжества Литовского. Основным видом их социальной активности, проходившей в рамках существовавших гендерных иерархий, было решение насущных жизненных проблем. Однако находились и те, кто занимался общественной деятельностью в гораздо более широком смысле.

Здесь имеем в виду не только политические амбиции великих княгинь литовских и польских королей (Барбары Радзивилл, Боны Сфорцы)⁴²⁴, но и общественную деятельность представительниц знатных литовских родов в целом. Известия о благотворительности в пользу церквей и общественной религиозной деятельности шляхтянок встречались и раньше⁴²⁵, однако пик женской активности приходится именно на сложные годы культурных и цивилизационных изменений в обществе Великого княжества Литовского. В годы нарастания религиозного противостояния в объединенной уже Речи Посполитой шляхтянки принимают активное участие в жизни религиозных братств, благотворительности и просвещении. Раиса Ярмолинская, Анна Ганская, Софья Чарторыйская в разное время основали у себя в имениях типографии. Чарторыйская даже переводила библейские тексты с греческого на славянский язык ⁴²⁶ . Пани Барбара Сновская передала свой дом новогрудскому Евангелистскому собору, тем самым выполнив волю

---

⁴²³ Асветнікі зямлі беларускай, X – пачатак XX ст. Мн.: Беларуская энцыклапедыя, 2001 – 496 с.; *Кориунаў А.Ф. Васіль Цяпінскі // Гісторыя беларускай дакастрычніцкай літаратуры. Мн.: Навука і тэхніка, 1968.*;

⁴²⁴ *Kuchowicz Z. Barbara Radziwillowna...; Bogucka M. Bona Sforza d' Aragona.; Eadem. Anna Jagiellonka. 208 p.; Pirozynski J. Ksiezna Brunszwicka Zofia Jagiellonka (1522 – 1575) 216 pp. etc.*

⁴²⁵ Привилеи Немириной Олюхне на монастырь Светое Пречистое в Овручом до ее живота. 13 декабря 1531 г. // *Lietuvos Metrika. (1528 – 1538) Knyga Nr.15. P.143.*; записанье от Катерины Войтковны Нарушевича, жоны Матея Богдевича, на костел кляштора Панны Марьи у Вильне певное сумы пенезей на дворцы в повете Виленскомь Пикутишкахъ. 8 февраля 1546 г. // *Lietuvos Metrika. (1546 – 1548) 19 – oji Teismu bylu knyga. P.81.*

⁴²⁶ *Левицкий О.И. Черты семейного быта...С.12.*

покойного мужа⁴²⁷. Уже упоминаемая княгиня слущкая Екатерина Тенчинская записывала целые имения в качестве пожертвований монастырям⁴²⁸. Раиса Войнова управляла монастырем Святой Варвары и даже составила для него устав⁴²⁹.

С нескрываемым восторгом о вовлеченности литовских шляхтянок во все культурные процессы пишет О.И.Левицкий, отмечая, что литовские женщины зачастую даже больше, чем представители сильного пола, были открыты разного рода духовным экспериментам⁴³⁰. Неоднократная смена веры, участие в деятельности всевозможных братств и даже активное миссионерство были, пожалуй, характерными чертами жизни многих литовских шляхтянок⁴³¹. С одной стороны, данный факт не должен никого удивлять. З.Кухович даже говорит, что подобная модель поведения была типовой для общества второй половины XVI в⁴³². На зависимость социальной активности от общей образованности внутри сословной группы и довольно высокий уровень образования шляхетских родов, приближенных к власти, указывает М.Богущка⁴³³. С другой стороны, невозможно отрицать, что подобной открытости и вовлеченности женского населения в общекультурные процессы должны были способствовать и какие-то другие факторы, кроме полонизации и распространения образования. Из объективных причин можем назвать здесь общую политическую линию, проводимую польско-литовскими князьями и королями.

В Московском государстве, как известно, не было протестантства. Все попытки Папы утвердить униатскую церковь также потерпели неудачу. Сохранение религиозной и культурной самобытности являлось одной из приоритетных задач московских государей на протяжении всего XVI в. и

---

⁴²⁷ *Bogucka M. Women in Early Modern Polish Society... P. 112.*

⁴²⁸ Жалование княгини Юрьевой Юрьевича Олельковича Катерины с Тенчины княгини Слуцкой имений и пожертвований, 1579 г. // Акты, относящиеся к истории Западной России... Т.3. С.244.

⁴²⁹ Жалованная грамота Раисе Войновой о предоставлении в пожизненное пользование православного девичьего монастыря св. Варвары, с отчинами, угодьями и доходами, 10 марта 1580 г. // Там же. С.335.

⁴³⁰ *Левицкий О.И. Черты семейного быта... С.7*

⁴³¹ Там же. С.8.

⁴³² *Kuchowicz Z. Wizerunki niepospolitych niewiast staropolskich XVI – XVIII wieku... P. 23 – 46.*

⁴³³ *Bogucka M. Women in Early Modern Polish Society... P.86 – 88.*

соотносилось с главной целью – построением четкой вертикали государственной власти.

У литовских князей задачи были другими. Культурная интеграция с Польшей была следствием интеграции политической. Культурный поиск, выраженный деятельностью самых разных протестантских, православных и католических общин на территории Великого княжества Литовского, коррелировал с самоидентификационным поиском шляхты, в течение XVI в. оформлявшейся в единое сословие.

Субъективными же факторами, т.е. проявлявшимися по-разному в каждом конкретном случае, на наш взгляд, является имевшее место в обществе Великого княжества Литовского расширенное понимание гендерных ролей. Это связано опять же со спецификой военно-служилой жизни шляхтичей, когда любой уважающий себя дворянин большую часть жизни пребывал либо на войне, либо на службе. Длительное отсутствие мужчины делало невозможным затворничество женщины, вынужденной справляться не только со своими обязанностями, но и с обязанностями отсутствующего мужа. Это, во-первых, формировало представления о собственной самодостаточности (что только подтверждалось судопроизводственной практикой), а во-вторых, открывало пути для новой, нетипичной реализации в качестве миссионерок.

Мы не погрешим против истины, если скажем, что под влиянием всевозможных религиозных и культурных течений, у женщины начинают формироваться собственные личностные интересы. Они выходят за рамки типичных для патриархата интересов хозяйки имения или матери шляхтича, предоставляя совершенно иные формы саморепрезентации. В то же время открытие школ, благотворительность или просветительская деятельность вписываются в представления о «доброй», «хорошей» жене: помогая слабым, жертвуя материальным на нужды духовного, такие женщины проявляют христианские добродетели милосердия, смирения и сострадания. Неудивительно, что очень скоро помощь «сырым и убогим», а так же любая

социально значимая активность будут включены в идеалистический образ истинной шляхтянки, отразившийся в торжественных панегириках. Общество благосклонно воспримет это новое направление деятельности шляхтянок еще и потому, что уже будет привычным к присутствию женщины в публичной сфере. Привлечение женщины к решению большинства дел, начиная от выбора жениха и заканчивая участием в квалте соседского имения, делали их вовлеченными в общественные отношения и прежде. Религиозный поиск середины XVI в., инициированный сверху в политических целях⁴³⁴, лишь расширил сферы деятельности.

Весьма любопытен еще тот факт, что большинство шляхтянок, о чьей социально значимой деятельности известно, на момент этой деятельности были вдовыми или разведенными. Выявить закономерность во влиянии семейного положения на общественно-значимую деятельность женщин XVI в. не просто. Во-первых, не смотря на всю социальную активность, количество шляхтянок, занимавшихся какой бы то ни было общественной деятельностью, все равно относительно невелико по сравнению с теми, кто в подобную деятельность вовлечен не был. Во-вторых, зачастую вдовство и развод были состояниями временными. Ни церковь, ни государственная власть не мешали шляхтичам заключать повторные браки, что способствовало укреплению и разветвлению семейных связей крупных польско-литовских родов. Семья выступала как основа шляхетской корпорации, а значит, длительное пребывание в состоянии развода или вдовства рассматривалось как нежелательное. Представительницы крупнейших знатных родов Речи Посполитой, таких как Чарторыйские, Вишневецкие, Огинские, Сангушки и другие, вступали в брак по два, три, а то и четыре раза. Каждый брак приносил расширение и укрепление материальной базы рода, однако часто запутывал и без того непростые имущественные отношения членов семьи. Одинокая жизнь при этом не

---

⁴³⁴Здесь имеем в виду политические причины создания на территории Великого княжества Литовского униатской церкви под протекторатом Папы.

стигматизировалась литовским обществом, однако несла в себе ряд трудностей, справиться с которыми представительницы шляхетского сословия, судя по всему, не всегда были в состоянии.

§2. Способы прекращения брака и их влияние на социальное положение женщины

В раннее Новое время жизненный цикл женщины сводился к нескольким общим этапам – девичеству, замужеству, материнству и вдовству. Брак существенно расширял фактические рамки женской свободы, т.к. исторические реалии и образ жизни шляхты предполагали весьма большую социальную активность женщины. Однако в сложных перипетиях жизни иногда случалось так, что брак по тем или иным причинам прекращал свое существование, и женщина, оставаясь один на один с реалиями XVI века, вынуждена была жить без мужа.

Сразу стоит оговориться, что женщина, по каким-либо причинам ни разу не вышедшая замуж, так и оставалась наиболее бесправной в семье. Поскольку сам факт замужества как для мужчины, так и для женщины означал фактическую правоспособность, преодолеть общественные предубеждения, а также имущественную зависимость от опекунов подобным женщинам было крайне сложно. Их шаткое положение сопровождалось также долей общественного порицания (женщина, не сумевшая реализовать себя в основных семейных ролях – жены и матери, вызывала сочувствие, настороженность, неодобрение)⁴³⁵. Такие женщины до смерти жили в доме опекунов – отцов, а затем старших братьев; имуществом, полагавшимся им по праву наследования, продолжали распоряжаться мужчины.

Совсем иным было положение женщин, оставшихся без мужа – разведенных и вдовых. Прочность их общественного положения зависела от

---

⁴³⁵ Кись О.А. Материнство и детство в украинской традиции: деконструкция мифа // Социальная история. Ежегодник... С. 112.

многих факторов, прежде всего от материальной обеспеченности и собственной предприимчивости. Зачастую на стороне таких женщин оказывался закон.

Литовский Статут различает следующие варианты прекращения брака:

- ✓ признание брака недействительным;
- ✓ развод;
- ✓ смерть одного из супругов.

Примечательно, что способ прекращения брака впоследствии напрямую влиял на социальное положение одинокой женщины, а так же на ее имущественные права. Диапазон был чрезвычайно широк: от возвращения в отцовский дом и установления опеки до исполнения обязанностей и несения службы наравне с мужчинами. Значение имели всевозможные нюансы: наличие дарственных и завещаний; условия, оговаривавшие повторный брак; размер вена и приданого; степень «вины» каждого из супругов при разводе, авторитет рода и проч. Однако, осмелимся предположить, что подобная подробная детализация в законе связана скорее с изначальной мозаичностью всей правовой системы Великого княжества Литовского, нежели с желанием оформить правовую дееспособность представительниц шляхетского сословия. Статьи, позаимствованные Статутом из Устава Ярослава или Судебника Казимира, дополнялись королевскими привилегиями, расширявшими шляхетские привилегии, и накладывались на именные грамоты, отвечавшие конкретным, часто сиюминутным запросам шляхты, в результате чего каждая ситуация с прекращением брака тем или иным способом рассматривалась индивидуально. Выявить определенные закономерности и факторы, безусловно влиявшие на социально-экономическое положение женщины после брака, все же возможно. Для этого необходимо обратиться к актам судопроизводства и личной хозяйственной документации знатных родов Литвы, сохранившей сведения о переходящих правах владения на имущества и движимое имущество.

§3. Признание брака недействительным: условия и последствия

Отлучение супругов от сожительства происходило, если выявлялось нарушение необходимых условий: наличие запрещенных степеней родства/свойства; временное помешательство; разное вероисповедание; зависимое положение одного из супругов, скрытое от другого (актуально для простолюдинов); насильственный брак и проч.⁴³⁶

Здесь важно отметить тонкую грань между простым признанием брака недействительным и обвинением в уголовном преступлении. Брак в недозволенных степенях родства/свойства при условии, что супруги знали о своих родственных связях, считался тяжким преступлением и карался смертной казнью. Вторая редакция Статута смягчала наказание: в случае заключения подобного брака половина собственности преступников отходила государству⁴³⁷. Но для признания такого брака недействительным достаточно было крестоцелования и клятвы обоих супругов, что они не знали о родстве.

В случае безвестного отсутствия одного из супругов более трех лет (в Московской Руси – более пяти лет⁴³⁸) брак мог быть расторгнут. Здесь, впрочем, оговаривалось, что в случае внезапного возвращения супруга брак вновь считался действительным вплоть до совершения традиционной процедуры развода. Это, как отмечает О.И.Левицкий, «находило логическое оправдание в общем принципе, что брак мог быть расторгнут только по воле и взаимному соглашению обоих супругов»⁴³⁹

Еще один вариант признания брака недействительным – аннулирование повторного брака при не расторгнутом – предыдущем. Вопрос о классификации двоебрачия (как акта прелюбодеяния или уголовного

---

⁴³⁶ О необходимых для вступления в законный брак условия см. наст.исследование Гл.2. п.1. Порядок заключения брака и социальное значение супружества

⁴³⁷ Статут Великого княжества Литовского 1588. Разд.V. Арт.22. // Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения – 13.10.2018 г.)

⁴³⁸ Цит. по: *Цатурова М.К.* Три века русского развода (XVI – XVIII вв). М.: Логос, 2011. С.34.

⁴³⁹ *Левицкий О.И.* Черты семейного быта...С.88.

преступления) был актуален не только для общества Великого княжества Литовского, но и для Древней Руси.

По Уставу Ярослава в случае двоеженства вся тяжесть общественного поругания ложилась на ту, «котора подлегла». Женщину отправляли в «церковный дом»; мужчина должен был выплатить штраф в 20 гривен и остаться с первой, законной женой⁴⁴⁰.

Статут еще более тверд в вопросах двоеженства. В случае заключения второго брака при действительном первом, и любвеобильного супруга, и его вторую жену ждала смертная казнь⁴⁴¹. Имущество мужа в этом случае переходило к первой жене. Однако открытым остается вопрос о том, что именно понималось в юридической практике под «двоеженством». До утверждения венчанного брака, действительным признавался тот брак, который был заключен первым – если были предоставлены доказательства или свидетели. В этом случае вторая супруга отлучалась от сожителства и теряла все привилегии, связанные с браком. Если ей удавалось доказать, что она не знала о существующем первом союзе, никаких штрафных санкций на нее не накладывалось; мужчина же должен был выплатить штраф в пользу первой жены и воеводы.

При конфликте интересов, возникавшем в случае одновременного существования венчанного и невенчанного брака, невенчаные жены «изгонялись», прижитые в подобном союзе дети считались незаконнорожденными. Венчаный брак окончательно признается единственной законной формой супружеского сожителства Тридентским церковным собором в 1563 г. и узаконивается в Польско – Литовском государстве в 1577. Однако и здесь смертная казнь или членовредительство не применялись на практике. Более того, закон не запрещал шляхтичам

---

⁴⁴⁰ Устав князя Ярослава Владимировича о церковных судах // Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв. Изд. подг. Я.Н.Щапов. Отв.ред. Л.В.Черепнин. М: «Наука», 1976. С.87

⁴⁴¹ Статут Великого княжества Литовского 1588. Разд.V. Арт.22. п.4 // Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения – 13.10.2018 г.)

указывать детей, прижитых во втором браке, в качестве наследников при составлении завещаний⁴⁴².

При признании брака недействительным, независимо от невыполненных условий, каждый из супругов оставался при своем: приданое возвращалось родным девушки, вено – в семью мужчины.

§4. Развод: условия и последствия. Социально – экономическое положение разведенных шляхтянок

Второй способ прекращения брака – развод. Статут знает несколько форм развода: развод по вине мужа; по вине жены и развод без чьей-либо вины⁴⁴³. Подобное разделение, определявшее права на собственность каждого из супругов, было необходимым для решения имущественных споров, возникавших, когда семья распадалась. С утверждением формы церковного брака, как единственного имевшего юридическую силу, разводы отдавались в ведение духовного суда. В составленной соответствующей записи непременно указывалась причина прекращения брака. Духовный уряд определял степень «вины» супругов, опираясь на аргументы обеих сторон и показания свидетелей, и передавал сведения в светский уряд для раздела имущества. При разводе по вине мужа у женщины оставалось и приданое и отписанное ей при замужестве вено, по вине жены – приданое и вено отходили в род мужа, без чьей-либо вины – каждый из супругов оставался при своем. Записанная в дарение собственность при этом не рассматривалась и не делилась.

Официальные причины развода типичны для патриархального общества. Таковыми могли быть невозможность осуществить физические

---

⁴⁴² Например: Тестамент Петра Тышкевича, 1560 г. // ЛГИА. Ф.716. Оп.4. №80. Л.1;

⁴⁴³ Другий Статут 1566 г. Разд.V. Арт.18. // Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года. [Электрон. ресурс] URL: <http://litopys.org.ua/statut2/st1566.htm> (дата обращения - 14.10.2018 г.); Статут 1588. Разд.V. Арт.20. // Статут Великога княства Літовскага 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения – 14.10.2018 г.)

цели брака (бездетность); мужское «бессилие»; позор, который один из членов семьи навлек на другого. Однако в качестве причин развода еще указываются невозможность осуществить нравственные цели брака (несогласная жизнь супругов) и мужская измена⁴⁴⁴. Обе эти причины позволяли женщинам самим инициировать развод (без чьей-либо вины и по вине мужа – соответственно), чем существенно расширяли женскую самостоятельность.

Следует отметить, что признание мужской измены уважительной причиной развода уже само по себе является прогрессивным шагом в формировании семейного права раннего Нового времени. Ни Великопольский Статут, ни Устав Ярослава не считают мужскую неверность достаточным поводом для расторжения брака. Был ли возможен развод по причине мужской измены в Московской Руси – спорный вопрос в отечественной историографии. В.Л.Янин и Н.Л.Пушкарева полагали, что разрешенным поводом к расторжению брака была только женская измена (с последующим пострижением в монахини)⁴⁴⁵. Однако Н.Л.Пушкарева при этом указывает на различное понимание самой «измены» для мужчины и женщины. Если под определение женской измены попадала любая связь замужней женщины с другим мужчиной, то мужским прелюбодеянием считались длительные любовные отношения «на стороне» с родившимися от этих отношений детьми, т.е. двоеженство, которое не только допускало развод, но считалось уголовным преступлением⁴⁴⁶. За однократную интимную связь «на стороне»

---

⁴⁴⁴ О.И.Левицкий полагает, что измены не было среди причин развода, т.к. прелюбодеяние каралось «горлом», т.е. смертной казнью. Однако под прелюбодеянием Литовский Статут понимает женскую измену или двоеженство. О мужской измене, как о одновременной сексуальной связи, не говорится ничего. Тем не менее, духовные суды рассматривают дела о разводе по причине мужской неверности. См: *Левицкий О.И. Черты семейного быта...* С.79 – 80; *Сліж Н.У. Шлюбня і пазашлюбня стасункі шляхты Вялікага Княства Літоўскага.* С.215.

⁴⁴⁵ *Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси (X – XV вв.)* [Электрон. ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/140022/Pushkareva_-_Zhenschiny_drevney_Rusi.html (Дата обращения - 18.10.2018 г.)

⁴⁴⁶ *Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница...* [Электронный ресурс] URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/life/ofw/oman/1.htm#2> (дата обращения – 08.04.2018 г.)

женатому мужчине полагалась лишь епитимья и (в некоторых случаях) штраф⁴⁴⁷.

М.К.Цатурова отмечает, что в «Кормчей книге» напрямую не говорится о запрещении разводиться с изменяющим мужем, а призыв женам терпеть блудную жизнь благоверного и тем самым хранить мир в семье носит рекомендательный характер⁴⁴⁸. Исследовательница допускает, что развод по инициативе жены из-за прелюбодеяния мужа (в более широком смысле) уже был возможен в XVII в., а его возможность зависела от решения церковного суда в каждом конкретном случае⁴⁴⁹.

Подобное двоякое отношение к мужской неверности связано с представлениями о мужской сексуальности. Многочисленные любовные похождения мужчины косвенно свидетельствовали о его мужской состоятельности, успешности и силе, что вписывалось в представления о «добром» (правильном) муже⁴⁵⁰. Следовательно, более весомым поводом к разводу считалось мужское бессилие, то есть неспособность к брачному сожителству. Русское право разрешает развод по причине импотенции супруга в течение трех лет после свадьбы без каких-либо карательных санкций⁴⁵¹.

По сути, в обоих случаях утвержденной причиной развода является одно и то же – несоответствие индивида важнейшим гендерным характеристикам. Только в случае с женами, данной характеристикой является целомудрие и верность в браке, а в случае с мужьями – мужская состоятельность. Неверность мужа не поощряется напрямую, но считается вполне «естественной», а значит не заслуживающей внимания в качестве

---

⁴⁴⁷ *Пушкарева Н.Л.* Женщины Древней Руси... [Электрон. ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/140022/Pushkareva_-_Zhenschiny_drevney_Rusi.html (дата обращения - 08.04.2018 г.)

⁴⁴⁸ *Цатурова М.К.* Три века русского развода... С.27

⁴⁴⁹ Там же. С.29

⁴⁵⁰ *Кон И.С.* Маскулинность как история // Гендерные проблемы в общественных науках. Сб. ст. сотрудников Сектора этногендерных исследований ИЭА РАН. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН / Отв. ред. И.М.Семашко. М.: ИЭА РАН. С. 29.

⁴⁵¹ *Пушкарева Н.Л.* Женщины Древней Руси... [Электрон. ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/140022/Pushkareva_-_Zhenschiny_drevney_Rusi.html (дата обращения - 08.04.2018 г.)

причины развода. В этом смысле литовское право делает значительный шаг вперед, частично отказываясь от биологического эссенциализма, как основы норм регулирования семейно-брачных отношений.

Другим значительным шагом к отказу от биологического эссенциализма становится то, что литовское право уже оперирует понятием «нравственных целей брака» (то есть ладная, мирная жизнь супругов, взаимопомощь и т.д.). Несогласная жизнь супругов, частые ссоры или отказ от брачного сожителства являлись поводом к расторжению брака. При этом инициаторами развода могли выступать в равной степени как мужчины, так и женщины. Побои, грубость, пьянство супруга были весомыми аргументами для того, чтобы брак прекратил свое существование. Например, Богдана Юрьевская Мониевич неоднократно жаловалась на мужа за то, что он, напившись, бесчинствует, держит в страхе ее и прислугу, угрожает убийством. После очередного кутежа, во время которого буйный супруг поджег собственный сарай и чуть не спалил дом, Богдана потребовала развода «по вине мужа» и даже сумела стать опекуном несовершеннолетнего сына⁴⁵².

Пани Колединая требовала развода за то, что муж во время ссоры в порыве гнева назвал ее «смердовкой», и это услышали находившиеся в доме гости⁴⁵³. Оскорбление нанесло урон ее женской чести.

Демьян Оленич отказывался принять в дом свою новоиспеченную жену, мотивируя это тем, что женитьба «вынужденная» и он не любит супругу⁴⁵⁴.

Эти и другие примеры показывают, что к середине XVI в. семья начинает восприниматься шляхетским обществом не только как институт для «законного» продолжения рода и оправдания сексуального влечения, но и как способ реализации нравственных задач.

---

⁴⁵² Акты по имению Войчово и принадлежащим к нему деревням и земельным участкам // ЛГИА. Ф. 1177. №169. Л.3

⁴⁵³ Запись о нанесении оскорбления словом пани Колединой, урожденной Войтехович. б/д. // Акты, издаваемые Виленской комиссией... Т.17. С.205.

⁴⁵⁴ Заявление об отказе Демьяна Оленича принять к себе в дом свою жену, январь 1558 г. // Там же. Т.21. С. 287.

Ряд исследователей склонен объяснять это распространением христианского мировоззрения и взгляда на семью, как на обитель христианской добродетели. Однако принять это объяснение не позволяет тот факт, что в Московской Руси, где семейное право находилось полностью в ведении церкви, в то же время развод из-за несогласной жизни супругов по-прежнему был затруднен. Ни систематические побои, ни постоянные распри (даже при привлечении свидетелей) не являлись достаточным основанием для развода. Более того, общая закрытость семейной жизни, поощряемая и церковью, и государством, сводила шансы на законное расторжение брака практически к нулю⁴⁵⁵.

В Великом княжестве Литовском широко распространенная практика привлечения представителей власти к решению вопросов частного характера способствовала все большей публичности семейной жизни. Литовская шляхта судилась много и с удовольствием, пытаясь через суд призвать к ответу мужей-дебоширов или жен-склочниц и подспудно формируя тем самым светские принципы брачного сожителства. В то же время постепенное упрочнение материального положения незамужних девушек и закрепленное в законе право самостоятельно определять будущего супруга позволяло избежать браков – сделок между родителями, заключаемых исключительно ради материальной выгоды. Набирала обороты тенденция к заключению браков на основе сердечной привязанности и сексуального влечения. Способствовало этому и распространение идей романтической любви, воспетой в западноевропейской литературе⁴⁵⁶. Развитие книгопечатания и рост грамотности среди женщин шляхетского сословия постепенно сформировал и отношение к браку как к сердечному союзу, а не как к имущественной сделке. При этом, как отмечает Й.Сарцявичене, представления об идеальной семейной модели предусматривали разделение обязанностей внутри семьи в соответствии с основными гендерными ролями

---

⁴⁵⁵ Цатурова М.К. Три века русского развода... С.17.

⁴⁵⁶ Sarcevičienė J. Idealūs moters modelis XVI a. II P. – XVII a... P.122.

без строго подчинения одного из супругов другому⁴⁵⁷. Все это в совокупности привело к тому, что возможность мирной жизни супругов ставится по своей значимости в один ряд с другими целями брака – рождением детей, легитимностью сексуальных отношений, решением материальных проблем и проч.

Разумеется, и при таком подходе к браку не обходилось без казусов. Так, например, сохранилась жалоба некой Полины Витовтовны на полоцкого владыку Симеона за то, что тот расторгнул ее брак с Иваном (фамилия не указана). Изначально Полина обратилась к Симеону с просьбой вразумить мужа, выгнавшего ее из дома четыре года назад. В материалах указывалось, что Иван неоднократно избивал Полину, не пускал домой и удерживал ее личных слуг у себя в имении. Симеон вместо того, чтобы как-то вразумить пьющего и дебоширящего шляхтича, развел их с Полиной, указав в качестве причины развода не только постоянные ссоры и драки супругов, но и то, что в течение четырех лет супруги проживали раздельно. Полину решение владыки категорически не устроило, и она обратилась к королю, указывая, что Симеон сам желал ее развода, так как буквально спустя несколько месяцев выдал замуж за Ивана собственную племянницу⁴⁵⁸. Чем закончилось дело, история, к сожалению, умалчивает.

Трудности могли возникнуть и при так называемом «самовольном» разводе. Обычно «ропустные листы», где подробно описывались причины развода, выдавались в духовном суде. Однако, иногда листы составлялись самими супругами и обмен ими происходил в присутствии свидетелей (как правило, родственников с той и другой стороны), о чем уже впоследствии сообщалось старосте и в духовный уряд. В таких листах обязательно прописывалось согласие обоих супругов на развод и (что еще важнее) беспрепятственный повторный брак: «... и позволяю ему за себе в

---

⁴⁵⁷ Ibid. P.127.

⁴⁵⁸ Королевская грамота Киевскому митрополиту Макарию о рассмотрении жалобы шляхтянки Полины Витовтовны по поводу расторжения ее брака с митрополичьим сыном, которому затем дозволил он вновь жениться на своей племяннице, 9 декабря 1545 г. // Акты, относящиеся к истории Западной России... Т.3. С.5 – 7.

малжонство кого хотячи понятии, а и мне тем волно будет замуж за кого хотя пойти»⁴⁵⁹

Если при делении имущества и прав на детей супруги долго не могли прийти к согласию, на роль третейских судей приглашались все те же родственники, которые должны были выработать приемлемые для обоих условия. Сам по себе этот обычай «самовольного» развода противоречил и светскому, и духовному праву, т.к. предполагалось, что заявление о разводе с подробным описанием семейной жизни первоначально должно было подаваться в духовный уряд, который и решал судьбу семьи.

«Самовольный» развод был весьма распространен не только в среде простолюдинов, но и у шляхетства, отчего иногда приводил к различного рода казусам. Так, крупным скандалом обернулся для шляхтича луцкого повета Василия Загоровского «самовольный» развод с женой Марушей Збаражской. Епископ Феодосий Лазовский сделал заявление, что не разводил Загоровского и тем более не давал благословения на его второй брак с княжной Чарторыйской⁴⁶⁰. Почти одновременно с этим дочь Загоровского Анна подала на Чарторыйскую жалобу о «незаконном присвоении ею титула и прав жены пана Загоровского»⁴⁶¹. Брат Екатерины Чарторыйской потребовал от епископа признания действительным развода Загоровского, свершенного «перед судом приятелей»⁴⁶², тем более, что обвенчавший Чарторыйскую и Загоровского игумен Кирилл признавал их развод правым⁴⁶³. В конце концов, Чарторыйскую признали законной женой, однако и Маруша Збаражская, и ее дочь Анна в последствии написали еще много жалоб и на

---

⁴⁵⁹ Роспустной лист Марии Красиньской с Яцьком Добрыльчицким, 1564 г. // АЮЗР. Ч.8 Т.3. С.71.

⁴⁶⁰ Донесение вознаго о заявлении Владимирского епископа Феодосия Лазовского, что он не разводил Василия Загоровского с первой его женою, княжною Збаражской, и не давал благословения на брак со второю – княжною Чарторыйской. 22 апреля 1581 // АЮЗР. Ч.8.Т.3. С.336.

⁴⁶¹ Донесение вознаго о том, как производилось в духовном суде дело по жалобе дочери Василия Загоровского Анны на княжну Чарторыйскую о незаконном присвоении ею титула и прав жены Загоровского. 9 ноября 1583. // Там же. С.339

⁴⁶² Князь Юрий Чарторыйский, именем сестры своей Екатерины, требует от Владимирского епископа Феодосия выдачи «разводных листов», которыми Василий Загоровский и его первая жена Маруша Збаражская обменялись друг с другом перед судом приятелей. 24 февраля 1583. // Там же. С.338.

⁴⁶³ Удостоверение, выданное бывшим игуменом Кириллом Ласковским, в том, что он повенчал княжну Катерину Чарторыйскую с Василием Загоровским, имея основание считать правильным развод его с первой женою, княжною Марушею Збаражской. 26 января 1584. // Там же. С.344.

нее, и на пана Загоровского в обвинении о незаконном присвоении титула и привилегий.

В этом примере наглядно видно столкновение традиционного и нового, писаного права. Уплаты налога в три гривны и обмен «ропустными» грамотами без участия судебных инстанций по представлениям обывателей было вполне достаточно для признания брака расторгнутым, и даже в среде духовенства, регулировавшего семейно-брачные отношения, не было единства на этот счет. Иные его представители иногда даже выступали в роли свидетелей «самовольных» разводов без требования первоначального обращения в уряд. О.И.Левицкий связывает это с тем, что большинство церковных чинов выходили из мирской среды и сохраняли все понятия и привычки, свойственные тогдашнему обществу⁴⁶⁴.

Впрочем, необходимо отметить, что подобное, относительно мирное расставание было возможно только при изначальном отсутствии серьезных разногласий. Когда на кону оказывались целые имения, супруги привлекали представителей официальной власти, дабы добиться расторжения брака именно по вине противоположной стороны. Здесь следует учитывать, что суд при вынесении решения опирался не на показания самих супругов, а на доказательства, которые обе стороны предоставляли, дабы убедить государство, что в крахе брака виновата другая сторона. Система доказательств сводилась к показаниям свидетелей, предоставлению писем, дарственных записей и проч. Неудивительно, что ради сохранения недвижимости и привилегий в ход часто шли и подкуп свидетелей, и подлог документов. Поистине хрестоматийным в этом смысле является громкий развод Андрея Курбского и Елены Гольшанской. К.Ю.Ерусалимский, обратившийся к этому во всех смыслах интригующему сюжету, не просто восстановил хронологию событий, но и дал характеристику главных героев в соответствии с гендерными стандартами поведения того времени. Исследователь отмечает, что для того, чтобы привлечь правосудие на свою

---

⁴⁶⁴ *Левицкий О.И.* Черты семейного быта...С.96.

сторону Гольшанская и Курбский действовали в соответствии с каноническими требованиями к такого рода делам, при этом не гнушаясь лжесвидетельством, взаимными наговорами и даже кражей улик и документов⁴⁶⁵. Причем стратегия обоих супругов в течение бракоразводного процесса менялась. Это было необходимо, чтобы «подогнать» собственную версию происходивших событий под действовавшее в Литве семейное право. Так, в частности, если в начале развода княгиня Мария Юрьевна утверждала, что развелась в одностороннем порядке, чтобы вырваться из заточения, в котором ее удерживал супруг, то спустя несколько лет она показала, что Курбский этим заточением сам добивался от нее развода, которого она не желала⁴⁶⁶. Не меньше противоречий было и в поведении князя, который, чтобы добиться признания развода «по вине» жены, стремился представить ее прелюбодейкой и чаровницей⁴⁶⁷. По тому, как развивался конфликт, можно судить о характерах и манере ведения дел обоих супругов. Вот как характеризует Гольшанскую К.Е.Ерусалимский: «Княгиня Мария Юрьевна не выступала в этом конфликте как слабая или только угнетаемая сторона. Из обрывочных и неоднозначных свидетельств источников можно составить сложный портрет деятельной и энергичной женщины... У нее – особые слуги, своя канцелярия, доступ к документам, хранящимся в канцелярии мужа... Она тайно обменивается письмами со своими детьми, тайно от мужа разводится с ним, подговаривает против него его слуг, благоволит одному из его секретарей или вступает с ним в любовную связь... Важно, что супруга «московита» не была согласна на роль безмолвной и незаметной статистки во всей этой истории, и сама принимала активное участие в борьбе за свои интересы и интересы детей»⁴⁶⁸. Примечательно, считает исследователь, во всем этом деле и то, что расчет Курбского на традиционные (канонические) аргументы против супруги не оправдался. Обвинения в измене и колдовстве, судя по всему, даже не рассматривались судом. Здесь мы снова сталкиваемся

---

⁴⁶⁵ Ерусалимский К.Ю. История одного развода // Социум. Альманах социальной истории. С.149.

⁴⁶⁶ Там же. С.175.

⁴⁶⁷ Там же. С.163.

⁴⁶⁸ Там же. С.173 – 174.

с вопросом о том, какую все-таки роль играли гендерные стереотипы, выразившиеся в представлениях о «хороших» и «плохих» мужьях и женах. Закон и судопроизводство уже к середине XVI в. становится все более гендерно нейтральным: обе стороны конфликта выступают на равных, используя одни и те же приемы.

Развод «главного московского эмигранта» не только стал громким международным событием⁴⁶⁹, но и отразился в литературной традиции: в «Новом Маргарите» Курбский рассуждает о вражде между мужчинами и женщинами, где, безусловно, рефлексировал личный горький опыт⁴⁷⁰.

§5. «Вдовый стол»: социально-экономическое положение вдовых

Помимо развода семейная жизнь могла прерваться еще из-за такой неприятности, как смерть одного из супругов. Статут, затрагивавший внутрисемейные отношения в связи с имущественными, оговаривает права мужа на имущество жены в случае ее смерти и наоборот – права жены на имущество мужа.

Повторный брак после смерти мужа не воспрещался, но не ранее, чем через полгода, если в завещании не было прописано иначе. Женщинам, не дождавшимся и вышедшим замуж раньше, Статут приписывал штраф в 12 рублей⁴⁷¹, однако повторный брак признавал законным.

Имущественные права вдов все три редакции Статута прописывают очень подробно, учитывая различные нюансы. Мы уже неоднократно говорили, что с помощью завещаний, брачных договоров и записей «в дар» женская доля собственности могла значительно увеличиться. В этих случаях

⁴⁶⁹ Филлюшкин А.И. Князь Курбский. М: Молодая гвардия. 2008. С.142.

⁴⁷⁰ Там же.

⁴⁷¹ Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Разд.IV. Арт. 1 - 6. // Первый Литовский Статут 1529 г. [Электрон. ресурс] URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XVI/1520-1540/Statut1529/text1.phtml?id=2270> (дата обращения – 14.10.2018 г.); Другой Статут 1566 г. Разд.V. Арт. 4 – 6, 10 – 12 // Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года. [Электрон. ресурс] URL: <http://litopys.org.ua/statut2/st1566.htm> (дата обращения - 13.10.2018 г.); Статут 1588. Разд.V. Арт.5 – 6, 10 - 11. // Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения – 13.10.2018 г.)

право собственности было полным и не могло оспариваться. Правда, редакция Статута 1529 года накладывала существенные ограничения: при наличии детей мужчина не мог завещать жене более одной трети имения⁴⁷². Эта норма сохранилась и в последующих редакциях Статута⁴⁷³, но с многочисленными оговорками.

Итак, если в семье были взрослые дети (сыновья), а вдова имела отписанное ей при замужестве вено, то все имения и прочая собственность отходили сыновьям. Вдове полагалась треть имения (вдовый стол) и собственно вено, «а до иных ни до какихъ имений и животов мужних дела нет»⁴⁷⁴. Если вена не было, вдова владела всей собственностью на правах пользования.

В случае же, если в семье не было детей, вдова «венованная» оставалась владеть только веном, вся прочая собственность отходила ближайшим родственникам мужа⁴⁷⁵, без вена – вдове отходила одна треть имения⁴⁷⁶ до вторичного замужества (при повторном браке второй муж не должен был записывать ей нового вена). При этом следует иметь в виду, что во всех случаях и вариантах «вдовый стол» был неотчуждаемой собственностью: вдова могла владеть им до своей смерти, но не могла продать или заложить. «...а будучи вдовою, того имения ни продать и никаким иным обычаем не сбыть»⁴⁷⁷

Иногда в завещаниях шляхтичи отдельно прописывали условия владения наследством в случае повторного замужества. Как правило, в

---

⁴⁷² Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Разд.IV. Арт.3. // Первый Литовский Статут 1529 г. [Электрон. ресурс] URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XVI/1520-1540/Statut1529/text1.phtml?id=2270> (дата обращения – 14.10.2018 г.)

⁴⁷³ Другой Статут 1566 г. Разд.V. Арт.4. // Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года. [Электрон. ресурс] URL: <http://litopys.org.ua/statut2/st1566.htm> (дата обращения - 14.10.2018 г.); Статут 1588. Разд.V. Арт.5. // Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения – 14.10.2018 г.).

⁴⁷⁴ Там же.

⁴⁷⁵ Другой Статут 1566 г. Разд.V. Арт.5. // Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года. [Электрон. ресурс] URL: <http://litopys.org.ua/statut2/st1566.htm> (дата обращения - 14.10.2018 г.), Статут 1588. Разд.V. Арт.6. // Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения – 14.10.2018 г.)

⁴⁷⁶ Там же.

⁴⁷⁷ Статут 1588. Разд.V. Арт.11. // Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения – 14.10.2018 г.)

таком случае право опекунства переходило ближайшим родственникам первого мужа, а вдове, решившейся на повторный брак, выдавали заранее обговоренную сумму⁴⁷⁸.

Из этих положений следует, что со смертью супруга экономическое положение женщины могло пошатнуться. Закон обязывал родственников умершего шляхтича обеспечить вдове безбедную жизнь, но ее свобода в решении имущественных вопросов существенно ограничивалась. Она не являлась прямой наследницей, и, если супруг не записал ей имущества еще при жизни, могла лишиться части собственности. Однако в то же время другие статьи Статута и королевские привилегии, напротив, не только защищают интересы вдовых, но и значительно укрепляют ее положение в обществе.

Если глава семьи умирал при несовершеннолетних детях, то вдова могла стать опекуном⁴⁷⁹. В случае повторного замужества опекуном мог стать ее новый муж или же она могла разделить право опекунства с кем-нибудь из родственников первого супруга⁴⁸⁰. Ее могли лишить опекунства по жалобе все тех же родственников, если вдова вела неподобающий образ жизни, «способствующий разорению»⁴⁸¹. Эта статья ни в коем случае не является ограничением женщин в их правах: опекунства так же могли лишиться и недобросовестные мужчины – шляхтичи, если выполняли свои обязанности не должным образом⁴⁸². Правда, стоит признать, что за действиями вдов в подобной ситуации следили гораздо тщательнее. Вдову

---

⁴⁷⁸ Например: Вписание до книге тестаменту п.троцкого, старосты жомойтского, п. Петра Станиславовича и подвезене того тестаменту. 3 мая 1534 г. // Lietuvos Metrika. (1528 – 1538) Knyga Nr.15. P. 243 – 246.

⁴⁷⁹ Статут 1588. Разд.V. Арт.11. // Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения – 14.10.2018 г.)

⁴⁸⁰ Владимирский-Буданов М.Ф. Очерки литовско-русского права...С. 39.

⁴⁸¹ Статут 1588. Разд.V. Арт.11. // Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения – 14.10.2018 г.)

⁴⁸² Грамота Короля Сигизмунда Августа Новогрудскому каштеляну Григорию Воловичу с поручением отнять у опекуна Радзивилла четвертую часть имения Тонцева покойного Льва Образцова и по праву наследства, после оценки, отдать причитающиеся деньги и движимость дочерям Образцова – Анне и Елене, женам Юрия Быковского и Юрия Тышкевича, 1566 г. // ЛГИА. Ф.716. Оп. 1. № 226.230. Л.1.

Яна Кишки Елизавету Острожскую пытались лишить «вдовьего стола» из-за того, что она не присутствовала на похоронах мужа⁴⁸³.

На имение Анны Сапеги посягнул сосед и по совместительству дальний родственник, который поставил под сомнение способность вдовы самостоятельно справиться с имением и выразил желание взять ее под опеку. Двоюродный брат усопшего мужа Станислав обвинил Анну в расточительстве и неумении держать хозяйство. Анна привлекла в качестве свидетелей двух своих соседей, но показания одного из них были не признаны судом, т.к. Станислав раздобыл расписку, в которой Анна прощала соседу долг взамен на некую помощь. Имение Анне все же оставили, однако Станислав наехал на него «кгвалтом» и разорил⁴⁸⁴.

Опекунства стоил Анне Радзивилл повторный брак. После того, как вдова Яна Николаевича Радзивилла, вышла замуж второй раз, в суд с требованием пересмотреть права пользования имениями обратился деверь Анны – Юрий Радзивилл. Он указывал, что по завещанию Анне полагалось восемьсот коп грошей, а управление имениями по праву опекунства над несовершеннолетними детьми должны перейти ему. Суд принял компромиссное решение, обязав Анну выплатить Юрию часть доходов с имений, находящихся у нее «в опеке»⁴⁸⁵.

Сложности могли возникнуть у шляхтянок, живших в невенчанном браке, т.к. второй и третий Статуты, оперируя понятием «брака», подразумевают наличие венчания, как одного из условий признания сожителства легитимным. Однако, воля шляхтича, выраженная в завещаниях, или же показания свидетелей, подтверждавших супружескую жизнь, оставались в приоритете. Если шляхтич признавал жену и детей

---

⁴⁸³ Заявление вознаго и других лиц о том, что она (Елизавета Кишка – *Т.П.*) отсутствовала на похоронах мужа в ц.Венгрове и не вступила в переговоры с Анной Содовской, урожденной Радзивилл. б/д. // Там же. Ф.1280. Оп.1. Т.1. № 40.39. Л.1 – 3.

⁴⁸⁴ Материалы о процессах Кишков Станислава и Хамынки, урожденной Сапега, с Сапегами Анной, урожденной Ходкевич, вдовой Павла и ее сыновьями Яном и Павлом о нарушении взаимного договора и разрушении имения Ляпуны, 1591 – 1592 г // Там же. Ф.1280. Оп.1. Т.1. №35.35. Л.1 – 12об.

⁴⁸⁵ Вырок п.Юрию Николаевичу Радивилловичу з невесткою его, его пани Яновою Миколаевича, пани Анною в опеку детеи и местности небожчика брата его, пана Яна Миколаевича. Март 1529 г. // Lietuvos Metrika. (1528 – 1538) Knyga Nr.15. P.109 – 110.

законными и прописывал в завещаниях их права на имущество, никаких санкций не применялось: женщина могла претендовать на «вдовый стол», а дети – на наследование фамилии и привилегий (при условии, что одновременно с этим у шляхтича не был заключен другой, венчанный брак).

После смерти Яна Петрашевича его сестры затеяли судебную тяжбу с его вдовой – Полонеей за право распоряжаться имением Яна, аргументируя свою позицию тем, что Полонья – невенчанная жена и, следовательно, никаких прав на имущество шляхтича не имеет. Доказать, что венчание все-таки было, Полонья не смогла. Однако точку в данном деле поставило завещание Яна, в котором он признавал Полонью законной супругой, семилетнюю Ульяну – своей дочерью, и передавал Полонее право опекуна над девочкой и все имение целиком в держание. Отдельно оговаривалось второе замужество Полоньи. В случае повторного брака опекунство над дочерью и право распоряжаться собственностью переходило к сестрам Яна – Катерине Матеевой и Дороте Мартиновой⁴⁸⁶.

При отсутствии завещания или каких-либо других доказательств законности брака, ситуация развивалась в неблагоприятном для шляхтянок русле. Так, например, суд постановил удалить из дома Антона Ходоровича его невестку Ульяну Федоровну с малолетним ребенком, так как те ему мешали. Ходорович утверждал, что претендовать на «вдовый стол» Ульяна не может, потому что жила с его сыном в невенчанном браке. Ульяна обещала привести попа, обвенчавшего их, дабы доказать законность своих притязаний, однако так этого и не сделала в условленный срок. Суд встал на сторону Ходоровича и постановил Ульяне вместе с сыном покинуть имение⁴⁸⁷.

Из-за многоаспектности литовского права зачастую случалось так, что после смерти шляхтича интересы самых разных его родственников сталкивались, опираясь на разные статьи Литовского Статута. Никак не

---

⁴⁸⁶ Решение по спору о наследстве между Катериной Матеевой и Доротой Мартиновой с женой их брата Полонью Яновой, 17 мая 1555 г. // Акты, издаваемые Виленской комиссией...т. 21. С.6 – 7

⁴⁸⁷ Решение об удалении из дома Антона Ходоровича его невестки Ульяны Федоровны с ребенком, б/д // Там же. Т. 17. С.405 – 406.

могли поделить между собой имение умершего Богуша Тарусы его вдова Анна и дети от первого брака Григорий и Иван. Анна претендовала на все имение, ссылаясь на статью Статута о «вдовьем столе» и на дарственную Богуша об остальных двух третях⁴⁸⁸. Григорий и Иван хотели отдать Анне только ее «вдовый стол», указывая на статью о том, что первыми наследниками всегда являются сыновья⁴⁸⁹. Примерно с той же проблемой столкнулась и София Стецкевич, с трудом поделившая имущество умершего мужа с пасынком Станиславом⁴⁹⁰.

Свободу опекуна ограничили постановления Виленского сейма 1551 года. Согласно требованиям к «выдаче замуж девиц, оставшихся сиротами после смерти отцов», вдова не могла выдать дочерей замуж только лишь по собственному усмотрению: на замужество требовалось согласие либо совершеннолетних братьев, либо других родственников-мужчин по отцовской линии, если таковых не было – согласие воеводы⁴⁹¹. Это ограничение полностью согласуется с общим ослаблением позиций вдовы в семье после смерти мужа согласно литовскому праву, но плохо соотносится с реальной ситуацией, когда, овдовев, женщина самовластно решала насущные вопросы.

Социальное положение вдовых шляхтянок крайне неоднозначно. Общество требовало от таких женщин почтеного отношения к покойному супругу (ограничения на повторный брак завещаниями, необходимость носить траур минимум полгода; лишение опекуна в случае ведения неблаговидного образа жизни и проч.). Уязвимость их положения, как правило, выражалась в большом количестве желающих получить наследство или право опеки над ними самими и их детьми, с одной стороны и

---

⁴⁸⁸ Предъявление суду Анной Тарусиной записей ее мужа на подаренную ей часть его имения. 5 января 1558. // Там же...Т. 21. С. 272.

⁴⁸⁹ Заявление Ивана и Григория Тарусы и мачехи их Анны о готовности их подчиниться решению третейского суда по спору их о владении имением. б/д. // Там же. С.305.

⁴⁹⁰ Вырок межы Станиславовою Стецкевича Сомиєю и пасынком ею Станиславом о живности и вхованье детей ее, а сестр его з именею ойчыстыхъ и иные речи. 25 июня 1546 г // Lietuvos Metrika. (1546 – 1548) 19 – oji Teismu bylu knyga. P.18 – 19.

⁴⁹¹ Постановления, сделанные в заключение Виленского сейма. 3. Установление, обязательное к исполнению требований при выдаче замуж девиц, оставшихся сиротами после смерти отцов, 1551. // Литовская метрика. Отд. I – II. Ч.III: Кн. Публичных дел. Т.1. С.220 – 221.

необходимостью вести хозяйственные дела и государственную службу – с другой. Дабы сохранить независимость, прежде всего материальную, вдовам зачастую приходилось в буквальном смысле отвоевывать свое право на земли, детей и имущество⁴⁹². Нередко борьба за имения разгоралась даже между вдовами и их повзрослевшими детьми, желавшими по достижению совершеннолетия полностью вступить в права владения⁴⁹³.

В то же время вдова воспринималась как продолжательница дел шляхтича. Вместе с имуществом и привилегиями она наследовала и обязанности мужа, его долги и нерешенные проблемы⁴⁹⁴.

Вдовы издавали указы⁴⁹⁵, выступали в качестве третьей стороны при спорах простого люда⁴⁹⁶, почти постоянно занимались судебными тяжбами с соседями по поводу украденных сенокосов или бессовестно убитых бобров⁴⁹⁷.

---

⁴⁹² Например: дело по жалобе Анны Тегинской, вдовы Станислава, впервые замужем за Юрием, княгини Слуцкой на Николая Ласкаго о захвате ее имения, перешедшего ей по наследству, 1564 г. // ЛГИА. Ф.1280. Оп.1. Т.1. №12.9. Л.1 – 2.; Заявление Алены Богушовой о захвате имения против пана Андрея Непреского, 17 мая 1555 г. // Акты, издаваемые Виленской комиссией... Т.21. С.1.; Жалоба Болторомеевой на деверей Добка и Матвея Ганцевичей, которые не хотели выдать ей «статка» после смерти и выгнали ее из дома, 1539 г. // там же. Т. 17. С.19; дело о процессах Кишков Станислава и Хамынки, урожденной Сапега, с Сапегами Анной, урожденной Ходкевич, и вдовой Павла, и ее сыновьями Яном и Павлом о нарушении взаимного договора и разрушении имения Ляпуны, 1591 – 1592 гг // ЛГИА. Ф.1280. Оп.1. Т.1. №35.35. Л.2 – Л.8.; Жалоба Анны Радзивилл на Михаила Криштофа Радзивилла и подданных имения Лахва о захвате имения Давидогрудск, избииении подданных и прочие обиды, 1594 г. // Там же. №1290. Л.1 – 3 и др.

⁴⁹³ Разбирательство по жалобе Богдана Чешейковича на разорение якобы его матерью наследственного имения и захват имущества, 1557 г. // АЮЗР. Ч.8. Т.3. С.211 – 212.; спор между боярином Амбросием Петровичем с его матерью Доротой Малаховной об огороде. 1558 г. // Там же. С.307. и др.

⁴⁹⁴ Заявление п. Анны Пехтицкой об отдаче своего дома в счет долга Станиславу Девялтковскому. Апрель 1556. // Акты, издаваемые Виленской комиссией... Т.21. С.183.

⁴⁹⁵ Лист жены Виленского воеводы Софьи Гаштольд Воложинскому наместнику Балцару с приказанием Пятицкому попу Федору делится пополам с попом Степаном церковными доходами, 9 мая 1537 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф.124. Картон 1. №37.Л.1

⁴⁹⁶ Лист Софьи Гаштольд наместнику Балцару Войтеховичу о взыскании с Войтеха Якубского 3-х рублей за разорванный реестр Тимофея Ермоловича, в который последний вносил количество вызенного им солода // Там же. Ф.124. Картон 1. №99. Л.1.; Судовый лист жены Виленского воеводы Софьи Гаштольд, данный Койдановскому войту Мацуту Сычевичу на владение двумя землями Телневщицкою и Малинковщиною, 7 мая 1537 г. // Там же. Ф.124. Картон 1. №36. Л. 1 – 2.; Решение по делу о женитьбе на крепостной девке боярыней Маргаритой Богдановой, б/д. // Акты, изд. Виленской комиссией... Т.17. С.169.; вырок боярам волконицким Адаму и Шишку Юрьевичем с пани Якубовою Анной о земле и люди, от них пану Якубу Кунцевичу, мужу ее, при животе его попродаванные, 20 мая 1528 г. // Lietuvos Metrika. Knyga Nr.15. (1528 – 1538). Uzrasymu kniga 15. P.15.

⁴⁹⁷ Справа Магдалены Вежелевое зъ жоною Миколая Добковича Анною о квалтовное побранье сена на сеножати ее Велишской. 23 мая 1547 г. // Lietuvos Metrika. (1546 – 1548) 19 – oji Teismu bylu knyga. P. 105; вырок пани Андреевое Завишыное зъ Миколемь Буткевичемь о квалтовное погоненье бобров на реце Вязыни, о раскопанье земень и о иньшые многие некоторые розницы. 9 сентября 1547 г. // там же. P.130 – 131.

Не освобождались шляхтянки после смерти мужей и от службы. В переписях литовского войска за 1565–1567 года найдется немало женских имен – панны, вынужденные исполнять все обязанности владельца имения, обязаны были выставлять на службу определенное количество слуг, обмундирования и лошадей⁴⁹⁸.

В этой обязательности службы отражен не только принцип военной системы Великого княжества Литовского как службы с земли, но и представление об одинаковых обязанностях владельцев имений независимо от пола. Здесь, по всей видимости, действовала все та же схема, когда семья воспринимается обществом как некое социальное единство. Если жизнь шляхтича обрывалась (а в условиях почти перманентных войн это случалось довольно часто), на передний план выходила его супруга. Статус вдовы отличался от статуса разведенной. После развода женщина приближалась к своему положению до замужества, могла попасть под «опеку», вернуться в отцовский дом. Ограничивались ее права в отношении детей и имущества, особенно если развод был признан по ее «вине». Получившая «вдовый стол» женщина, хотя и негласно, становилась главой семьи – со всеми привилегиями и тяготами этого положения.

Если все вышеназванные тяготы вдовой жизни оказывались не под силу той или иной шляхтянке, она всегда могла уйти под опеку ближайших родственников. Тогда взамен на право пользования имуществом, некогда принадлежавшем покойному шляхтичу, опекун брал на себя и все обязанности перед обществом и государством. Практика, когда близкие родственники или соседи брали на себя обязанности службы вдовых шляхтянок, вполне можно считать распространенной тенденцией на протяжении всего XVI в. В документах примерно в равной степени встречаются как упоминания о самостоятельно действующих вдовах, так и

---

⁴⁹⁸ Почты панней вдов их милости // Литовская метрика. Отд. I. Ч. III: Кн. Публичных дел... С. 241.; Лист жены Виленского воеводы Софьи Гаштольд наместникам Воложинскому, Койдановскому, Рубешовскому и Старинскому о посылке в Мозырский замок конных вооруженных бояр, кроме путных // Архив СПбИИ РАН. Ф.124. Картон 2. №39. Л.1 – 3.

их опекунах. Станислав Мочульский выставлял слугу за свою тещу Алену Манкову, Дмитрий Киянин – за вдову Александра Курейшина и так далее⁴⁹⁹.

Зачастую интересы вдовых в суде представляют ее покровители или даже специально нанятые для этого люди⁵⁰⁰. Якуб Кудачевский отстаивал права своей дочери Анны Снарской, которую после смерти ее мужа Мытаса, вместе с тремя детьми выгнал из имения брат покойного – Августин Снарский, ссылаясь, что та заняла не только положенный ей «вдовый стол», но и часть имения, которую еще при жизни Мытас отписал брату. Суд встал на сторону Анны и имение осталось за ней⁵⁰¹.

Помимо смерти физической литовское право знало смерть юридическую. Эта форма наказания касалась только привилегированной части общества. Юридическая смерть наступала с момента лишения шляхтича политических прав за политическое или уголовное преступление. Выволание автоматически приводило к расторжению брака, жена такого мужчины становилась вдовой, а дети – сиротами. По Статуту жены уже не несли ответственность за подобные преступления главы семьи и могли сохранить не только собственные имения, но и записанное вено⁵⁰². Дочери изменников не лишались чести, но теряли права наследования на отцовскую собственность: «Имений отцовских наследовать не могут, но только по смерти матерей своих, материнское имение и записанное вено в обеспечение материнского приданого, получают по праву наследства»⁵⁰³.

Как видим, положение женщины «без мужа» было неоднозначным. С одной стороны, ее права могли быть ограничены опекой, столкновением интересов с родственниками, Статутами. С другой, при должной твердости характера, шляхтянкам удавалось не только сохранить, но и расширить

---

⁴⁹⁹ Напр.: Почты панней вдов их милости // Литовская метрика. Отд. I. Ч. III: Кн. Публичных дел... С.547, 840, 1199.

⁵⁰⁰ Например: Вырок пани Павловой Сологубовой зъ Яном Зелепугою о квалтовное наеханье на двор ее Ершовский и о збитье самое. 26 июня 1546 г. // Lietuvos Metrika. (1546 – 1548) 19 – oji Teismu bylu knyga. P.26 – 27.

⁵⁰¹ Решение о споре между боярами Якубом Кудачевским и Августином Снарским из-за части земли. б/д. // АЮЗР. Ч.8.Т.3. С.63

⁵⁰² Статут Великого княжества Литовского 1588. Разд.I. Арт.3. // Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения – 18.11.2018 г.).

⁵⁰³ Там же.

права на собственность, обеспечив себе и своим детям безбедное существование.

Смерть главы семьи хотя и допускала в сложившийся уклад жизни вмешательство новых людей, однако не делало это вмешательство неизбежным. Традиция и правовая система оставляли женщине возможность отстаивать свои привилегии, и, если ей удавалось это сделать в довольно жестокой борьбе, жизнь ее кардинальным образом не менялась. Это лишний раз показывает нам, что в XVI веке женщинам гораздо чаще, чем принято думать, приходилось проявлять твердость характера, решительность и многие другие качества, которые биологический эссенциализм изначально относит к «мужским».

Заключение

В рамках нашего исследования мы попытались вписать процесс конструирования гендера в шляхетском обществе в общий контекст сложной эпохи раннего Нового времени. Анализ основных семейных ролей женщины через призмы биологического эссенциализма, андроцентризма и гендерной поляризации позволил расширить представления о семейном строе Великого княжества Литовского, а также уточнить понятия маскулинности и феминности, характерные для шляхетского общества XVI в.

Наличие «линз» гендера, сквозь призму которых формируется отношение к женщине и мужчине, как к объектам социальных отношений, в обществе Великого княжества Литовского несомненно, хотя бы потому, что в XVI в. оно еще сохраняло признаки патриархального устройства. Эти «линзы» определяли место женщины в правовой системе, поле ее социального опыта, степень самостоятельности – зависимости в системе координат семья – общество и проч.

Андроцентризм выражался в том, социальная активность женщины была легитимирована ее семейными ролями жены и матери. Взаимодействуя с обществом, шляхтянки практически никогда не выходят за рамки этих семейных – гендерных ролей. При обращении в суд они оперируют интересами семьи, необходимостью заботиться о детях или домашнем хозяйстве, что соотносится с основными функциями женщины при патриархальном андроцентричном укладе. Пытаясь добиться желаемого, они зачастую обращаются к каноническому понятию «хорошей», «доброй» жены, являвшимся в большей степени идеалистическим, оторванным от реалий жизни конструктом, но также подчеркивающим ценность именно женского начала. Расширенное понимание функций хозяйки дома и матери в конкретных исторических условиях приводит к большой вовлеченности

женщины в социальную жизнь Великого княжества Литовского, но чаще всего шляхтянки по-прежнему остаются объектом общественных отношений.

Социальная зрелость женщины наступала с момента рождения детей (у мужчины – после женитьбы). Этот тезис подтверждается законодательством, существенно расширявшим имущественные права шляхтянок в случае материнства. Факт замужества зачастую вторичен: бездетные вдовы не сильно отличались по своему положению от женщин, никогда не бывших замужем и всю жизнь вынужденных провести «в опеке». Степень свободы в данном случае носила элемент случайности: зависела от личных качеств конкретной женщины и жизненных обстоятельств. Выйти из-под «опеки» и стать полноправной собственницей было возможно, но это было сопряжено с рядом трудностей. Положение же матерей было гораздо стабильнее. Оно было защищено Статутами, дарственными от мужа, королевскими привилегиями. Такая женщина свободно распоряжается имуществом, руководит имением и всеми, кто в нем проживает, несет службу и т.д. Именно в этом проявлялся взгляд литовского законодательства на женщину, как на продолжательницу рода. Материнство в данном случае не просто способствовало социальной реализации шляхтянки, оно по сути само являлось этой реализацией.

Отечественные исследователи указывают на элементы архаики в Статутах, в частности на членовредительство в качестве наказания, «божий суд», присягу в качестве доказательства невиновности и проч.⁵⁰⁴ Особенно много таких архаичных элементов в разделах, касавшихся уголовного и семейного права. Здесь, однако, следует отметить, что правовые отношения шляхты зачастую регулировались не только Статутом, но и именными королевскими привилегиями, завещаниями и договорами между членами семьи, что существенно «сглаживало» архаичность некоторых норм. Ряд позорящих и телесных наказаний в XVI в. уже не применялся к представителям шляхетского сословия. Установки сарматизма об

---

⁵⁰⁴ Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского... С.62 – 63.

исключительности и небывалой ценности шляхетского сословия, характерные как для мужчин, так и для женщин данного сословия, на практике преопределили расширение прав и свобод и тех и других.

Обращает на себя внимание то, что гендерная поляризация в обществе Великого княжества Литовского не была ярко выражена. Законодательство очень скоро (уже ко времени создания второго Литовского Статута) становится все более гендерно нейтральным. Институт опеки распространяется не только на женщин, но и на несовершеннолетних детей любого пола, при этом шляхтянки сами могут выступать в роли опекунов.

Шляхетский «наезд» («квалт» имений) совершается как шляхтичами, так и их супругами. В суде гендер нападавшего и потерпевшего, по всей видимости, не имел особого значения. Суд рассматривал дела о квалте в контексте взаимных претензий и нанесения урона шляхетской чести. Особое значение здесь имеет то, что в случае похищения женщины – хозяйки имения в результате подобного квалта, к обидчику не применялись нормы Статута о казни «горлом» за преступления против нравственности⁵⁰⁵, и подобное похищение также расценивалось, как один из насильственных способов решения шляхетского спора.

Наиболее часто встречающийся в хозяйственных и судебных документах тип обращения – совместное обращение супругов. Это косвенно подтверждает вывод Й.Сярцявичене о том, что в литовской семье не было ярко выраженного главы⁵⁰⁶. Супруги действовали совместно, подчеркивая общность интересов; брак понимался, как набор взаимных обязанностей и прав, соответственно перед внешней средой супруги также выступали в социальном единстве.

Литовское право знает уже развод из-за несогласной жизни супругов; степень вины каждого из супругов определяется церковным и светским судом, от чего зависит итоговое решение по имуществу. Нередко шляхтичи

---

⁵⁰⁵ Статут Великого княжества литовского 1588 г. Разд. XI. Арт. 13. // Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения - 24.11.2018 г.)

⁵⁰⁶ *Sarcevicene J. Idealusis moters modelis XVI a. II P. – XVII a... P.36.*

вступают в юридические споры с женщинами, те действуют практически на равных, с той же активностью и рвением, что и мужчины, и это воспринимается обществом как норма.

Понятие женской «чести», для всех остальных сословий носившее весьма конкретное физиологическое значение, в случае с шляхтянками становится более многогранным и сложным. Уже со второй редакции Статута артикулы, посвященные оскорблению женской чести, переносятся в раздел «О вольностях шляхетских»; женщины, вслед за шляхтичами – мужчинами, выводятся из категории населения, подверженной позорным наказаниям. Право свободно выбирать супруга (хотя и с некоторыми оговорками) так же закрепляется в законе и ревностно охраняется. Количество судебных дел, где женщины действуют самостоятельно, не прибегая к покровительству мужчины, возрастает пропорционально росту шляхетских привилегий.

Упоминаемый нами кгвалт имений наносит урон именно «шляхетской чести», не имея никаких последствий для восприятия гендерной идентичности. Участие в кгвалте женщин в качестве нападающей стороны не рассматривалось, как «неподобающее женщине», маскулинное поведение. Безусловно, подобная агрессия плохо сочеталась с идеальным портретом доброй и нежной жены, но никогда не вменялась в вину именно с позиции гендерного поведения. То же самое можно сказать и о службе.

Невольно встает вопрос: нет ли здесь противоречия с выдвинутым ранее тезисом о том, что с внешним миром женщины всегда взаимодействовали в рамках своих семейных ролей дочери/жены/матери. Если вспомнить о том, какую роль в складывающейся системе властно-правовых отношений играла шляхетская семья, все встает на свои места.

Для шляхты семья являлась одним из механизмов укрепления именно сословных связей. Все более усложнявшиеся в виду разветвления родов имущественные и социальные отношения между шляхтичами укрепляли их позиции в качестве первого сословия. Действия в интересах и во имя семьи

были одной из главных ценностей. Расширенные функции жены и матери при этом диктовались реалиями времени, когда мужчина, занятый войной или службой, зачастую не мог в полной мере исполнять свои функции главы семьи и хозяина. От того и судебные тяжбы по поводу украденного сена или даже квалт с участием женщины расценивались не в категориях маскулинности – феминности, а в рамках заботы о собственном хозяйстве и детях. Гендерная идентичность при этом была лишь одной из (и далеко не главной!) самоидентификационных характеристик. Принадлежность к роду, а значит к шляхетской корпорации, определяла степень бытовой свободы женщины. Не малую роль в этом сыграла и позиция государственной власти, т.к. гендер, как социальная категория, оказывался в зависимости от общего вектора социально-политического развития.

Разумеется, говорить о равноправии преждевременно, и литовские исследователи, отмечавшие «передовой дух» литовского общества⁵⁰⁷, стремятся выдать желаемое за действительное. Скорее речь идёт о расширенном понимании патриархата – не как всевластия мужчины и полной вседозволенности для него, а как строя, при котором необходимость соответствовать гендерным стандартам актуальна для представителей обоих полов. Тут можно опереться на ряд современных исследований. В частности, Н.В.Слиж, отмечала, что соответствие определенным гендерным критериям для мужчины-шляхтича было даже более значимо, чем для представительниц слабого пола, а требования, предъявляемые социумом к мужчине – более жесткими⁵⁰⁸.

Изучая ситуацию в ВКЛ, мы встаём перед вопросом об источниках формирования гендера. На разницу юридического и реального положения литовских шляхтянок не раз указывалось в исторической литературе, однако причины подобных расхождений почти всегда оставались вне поля зрения

---

⁵⁰⁷ Бумблаускас А. Первому Статуту – 480 лет [Электрон. ресурс] URL <http://ru.delfi.lt/archive/article.php?id=20022499&categoryID=14677646&ndate=1231624800> (дата обращения – 25.11. 2018 г.)

⁵⁰⁸ Слиж Н.У. Гендерна-ролевыя фунцыі шляхціца у сям’і і грамадстве Вялікага княства Літоўскага... С.165 – 166.

ученых. Кажется, что простое заключение О.И.Левицкого о том, что жизнь опередила архаичные правовые нормы⁵⁰⁹, раз и навсегда расставило все точки над *i*. Но при ближайшем рассмотрении вопрос о причинах подобных расхождений оказывается сложнее.

На формирование гендера в обществе ВКЛ влияло множество глобальных факторов, причудливое сочетание которых и привело к той пресловутой «небывалой» свободе литовских шляхтянок. Одним из них, наиболее очевидным, является христианская религия, сформировавшая нравственные представления о «хорошей» и «плохой» жене. Впрочем, сразу же возникает определенная трудность. Какую из ветвей христианства, представленных в ВКЛ, считать доминирующей в данном конкретном вопросе? С учетом того, что русские земли, изначально составлявшие основу литовского государства, с русским же населением тяготели к православию⁵¹⁰, а литовские князья и шляхтичи постепенно оказываются в лоне католической, а затем и униатской церкви, ответить на этот вопрос однозначно не представляется возможным.

Часть исследователей (преимущественно отечественных) видит причину женской «вольности» как раз в ориентированности на католическую Польшу, из которой шляхтичи, пусть и с запозданием, перенимали некоторые ценности и нравы Западной Европы, включая черты куртуазной культуры.

Другие же, вслед за З.Куховичем, напротив, убеждены, что эклектичность сознания уберегла общество ВКЛ от строгости нравов и показательной фригидности, которые были распространены в Польше именно из-за влияния католичества⁵¹¹. Нам представляется, что истина, как обычно, где-то посередине. Уникальность сложившейся к концу XVI в. шляхетской ментальности состоит в чрезвычайной избирательности

---

⁵⁰⁹ *Левицкий О.И.* Черты семейного права...С.10.

⁵¹⁰ Подробнее об этом см.: *Дворниченко А.Ю.* Некоторые проблемы истории западнорусской церкви и древнерусские традиции // Государство и общество. Вып.2. Ижевск, 1999. С.7 – 9.

⁵¹¹ *Kuchowicz Z.* *Milosc staropolska...* P.28 - 30

сознания. Шляхта усваивала только те нормы и догмы, которые отвечали ее (зачастую сиюминутным) потребностям и интересам.

Религиозная составляющая, по всей видимости, так и не стала (да и не могла стать) доминирующей компонентой гендера. Гораздо большее значение играло происхождение, т.е. принадлежность к формирующемуся шляхетскому сословию. Постоянное расширение политических и социальных прав и свобод шляхты привело к складыванию особого типа ментальности, основанной на уверенности в собственной исключительности и всевластии.

Шляхта была весьма неоднородной: верхушка сословия тяготела к польским панам, в то время как низы долгое время оставались близкими к мещанству, и многие элементы сословной культуры зачастую имели чисто внешнее значение, теряя изначальный смысл⁵¹². Шляхтичи Волыни отличались большей экспрессивностью в судебных тяжбах и были склонны судиться даже по поводу незначительных происшествий, в то время как аристократы Вильно зачастую предпочитали «не выносить сор из избы». Это объясняется в первую очередь разницей в экономическом положении шляхтичей, но также и различными механизмами усвоения новых элементов культуры. Однако как бы то ни было, княжеская (а затем и королевская) власть, двигаясь по пути формирования сословно-аристократической государственности, всячески поддерживала и укрепляла идею исключительности и избранности шляхты⁵¹³.

Подводя итоги, можно сказать о том, что перипетии гендерных отношений суть ничто иное, как проявление общих сложных процессов, набиравших силу в обществе Великого княжества Литовского в XVI веке, когда старое, традиционное в причудливой смеси переплеталось с новым, привнесенным извне; процессов, которые дадут о себе знать уже позднее – в XVII веке – в виде сложного противостояния различных культур и

---

⁵¹² Процесс складывания шляхетского сословия и проблемы формирования шляхетской ментальности – тема отдельного исследования, и полноценно осветить этот вопрос в рамках нынешней работы не представляется возможным.

⁵¹³ Дворниченко А.Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия... С. 254.

религий, окончательно изменивших всё устройство Великого княжества Литовского.

Список источников и литературы, использованных в работе

Источники

Литовский государственный исторический архив (ЛГИА):

1. Ф. 447. Виленская соединенная палата уголовного и гражданского суда: Оп. 22. N.28, 213, 262, 301, 312, 318, 379, 408, 409, 481.
2. Ф. 599. Личный фонд Меницких: Оп.1. N 3; 40; 103; 116; 117; 202; 221; 229; 230, 254; 266; 313; 513; 1571.
3. Ф. 716. Личный фонд Тышкевичей: Оп.1. N. 80; Оп.4. N. 80; 226.230.
4. Ф. 1177. Личный фонд князей Огинских: Оп.1 Т.1. N 168; 169; 169.126; 170.172; 174.46; 179; 183; 183.79; 187.155; 190.206; 201.150; 207; 209.156; 210.149. Оп.1.Т.2. №4522.
5. Ф. 1280. Личный фонд князей Радзивиллов: Оп.1. Т1. N. 12; 12.9; 14; 19; 35.35; 39; 40; 40.39; 76; 204; 308; 310 – 312; 574, 575; 576; 581; 607; 761; 822; 973; 1290; 1426; 1427; Оп.1. Т.2. 19.20; №1300; 1301. Оп.2. N. 491; 527; 581.
6. Ф. 1285. Фонд князей Шанявских: Оп.1. N.76; 77; 409; 716.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)

7. Ф.293. Западно-русские акты: Оп.1. Д. 144; 182; 183; 184; 186; 188; 216.

Архив Санкт-Петербургского Института Истории РАН (Архив СПбИИ РАН)

8. Ф. 124. Коллекция С.В.Соловьева. Документы Смоленской воеводской избы: Оп.1. Картон 1. N.18; 36; 37; 98 – 100; 113; 123; Картон 2. N.39; 101; 103; 104.
9. Ф.238. Коллекция по истории Волыни и Белоруссии: Оп.2. Картон 63. N.3; картон 69. N. 2, 5, 8, 11, 12.
10. Коллекция 68. Акты Киевской казенной Палаты: Оп. 1., картон 1А. N.9.

Законодательные акты

11. Выписки из Литовского Статута, *Volumina Legum*, сборника литовских законов с переводом их на русский язык. СПб.: Тип.Р.Голике, 1896. – 120 с.
12. Первый Литовский Статут 1529 г. / под ред. К.И.Яблонскиса. Мн: АНН БССР, 1960. [Электрон. ресурс] URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XVI/1520-1540/Statut1529/text4.phtml?id=2273>
13. Устав князя Ярослава Владимировича о церковных судах // Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв. Изд. подг. Я.Н.Щапов. Отв.ред. Л.В.Черепнин. М: «Наука», 1976. — 240 с.
14. Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] / Подг. О.Лицкевич. Мн., 2002-2003 URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm>
15. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года. — Мінск, 2003. [Электрон. ресурс] URL: http://litopys.org.ua/statut2/st1566_06.htm

Материалы делопроизводства

16. Акты, издаваемые Комиссиею высочайше учрежденною для разбора древних актов в Вильне. В 23 т. / Т.17. Акты Гродненского земского суда. Вильна: Тип.А.Г.Сыркина. 1890. – 638 с;
17. Акты, издаваемые Комиссиею высочайше учрежденною для разбора древних актов в Вильне. В 23 т. / Т.21. Акты Гродненского земского суда. Вильна: Тип.А.Г.Сыркина. 1894. – 418 с.
18. Акты Литовской метрики / изд. Ф.И.Леонтович. Т1. Вып.2. (1499 – 1507). Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1897. – 259 с.

19. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: [В 15-ти т.]. Т 1 : 1361 – 1598. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1863. – 332 с.
20. Архив Юго-Западной России. В 34 т. / Ч.6. Т.1. Акты, относящиеся к истории православной церкви в Юго-Западной России. Киев: тип. Е.Федорова, 1867. – 862 с.
21. Архив Юго-Западной России. В 34 т. / Ч.8. Т.III. Киев: Тип. Киевского Университета Св.Владимира. 1909. – 857 с.
22. Литовская метрика. Отд. I. Ч. III. Кн. Публичных дел: перепись войска литовского. Пг.: [б./и.] 1915. – 697 с.
23. Литовская метрика. Отд. I-II. Ч.III: Книги публичных дел. Т.1. Юрьев: Тип.К.Маттисена, 1914. – 542 с.
24. Описание книг и актов Литовской Метрики. / Сост. С.Л.Пташицкий. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1887. – 280 с.
25. Полный перечень изданий ЛМ [Электронный ресурс] // Новости Литовской Метрики. Научно-информационное приложение журнала «Ежегодник истории Литвы». 15 – 2014 - 2015. Режим доступа: <http://talpykla.istorija.lt/handle/123456789/213>
26. Радзивилловские акты из собрания Российской Национальной библиотеки / сост. М.М.Кром. М.; Варшава: Древлехранилище. 2002, (Памятники Восточной Европы. Источники XV – XVII в). – 256 с.
27. Судебные процессы над ведьмами в Литве / Подгот. К. Яблонскис, Р. Ясас. Вильнюс: АН ЛитССР, Ин-т истории, Центр. б-ка АН Лит.ССР; Мокслас. 1987. – 432 с.
28. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга запису 30. (1480 - 1546). Кніга запису 30. Падрыхтавау В.С.Мянжынскі. Мн.: Беларуская навука. 2008. – 386 с.
29. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга запису 43. (1523 – 1560). Кніга запису 43. Да друку падрахтывалі В.С.Мянжынскі. Мн.: Беларуская навука. 2003. – 460 с.

30. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга запису 44. (1559 – 1566). Кніга запису 44. Падрахтаваў А.І.Груша. Мн.: Арты-Фэкс. 2001. – 312 р.
31. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга запису 46. (1562 – 1565). Кніга запису 46. Падрыхтаваў В.С.Мянжынскі. Мн.: Беларуская энцыклапедыя. 2006. – 280 с.
32. Lietuvos Metrika. Knyga Nr.15. (1528 – 1538). Uzrasumu knyga 15. Parengė A.Dubonis. Vilnius: Zara. 2002. – 448 p.
33. Lietuvos Metrika. (1546 – 1548) 19 – oji Teismu bulu knyga. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas. 2009. – 288 p.
34. Lietuvos Metrika (1555 – 1558) 37-oji Teismu bulu knyga. Vilnius: Leidykla. 2010. – 316 p.

Источники нарративного характера

35. *Литвин М.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М.:Изд-во Москв.Унив.-та, 1994. – 151 с.
36. *Будный С.* Катэхізіс, то есть наука стародавняя христианская, от святого писма, для простых людей языка руского, в пытаниях и отказах събрана. / С. Будный [Пад. ред. Н. Кабелка (навуковы рэдактар) і інш.] – Мн.: Юніпак, 2005. – 312 с.
37. *Скарына Ф.* Зборнік дакументаў і матэрыялаў. / Францыск Скарына [Пад рэд. Я.Д. Ісаевіча, В.Д. Чамярыцкага]. – Мн: Навука і тэхніка. – 355 с.
38. *Morawska T.S.* Diariusz podróży 1773 – 1774. / ws. i oprac. B.Rok. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002. – 260 p.

Литература

1. *Андрюлис В.И.* Правовое регулирование семейных отношений по Литовскому Статуту 1588г. : автореф. дисс. ...канд. юрид наук (12.00.01) / Андрюлис Витаутас Иона. – Вильнюс, 1975. – 34 с.
2. *Антонович В.Б.* Исторические деятели Юго-западной России в биографиях и портретах. / В.Б.Антонович. – Киев: Типогр.Имп. ун.-та им. Св.Владимира. 1883. Вып:1. – 138 с.
3. *Антонович В.Б.* Колдовство. Документы – процессы – исследования. / В.Б.Антонович. – Пб: Тип. В.Киршбаума. 1877. – 139 с.
4. *Антонович В.Б.* Монографии по истории западной и юго-западной России. / В.Б.Антонович. – Киев: Тип. Е.Я.Федорова, 1885. Т.1. – 351 с.
5. *Беднов А.В.* Православная церковь в Польше и Литве. / А.В.Беднов. – Минск: Лучи Софии, 2002. – 432 с.
6. *Бем С.Л.* Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. / Пер.с англ. – М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 336 с.
7. *Бондаренко А. А.* Грамоты польской королевы Боны Сфорца православному духовенству Великого княжества Литовского (1523 – 1556): источниковедческое исследование. / А.А.Бондаренко. - М.: Изд.-во РГГУ, 2018. – 256 с.
8. *Бурдые П.* Практический смысл / Пер.с фр. – СПб: Алетейя, М.: «Институт экспериментальной социологии», 2001 г. – 562 с.
9. *Валиконите И.М.* Социально-экономическое и правовое положение женщины в ВКЛ (с конца XVв. до первой половины XVI) и его отражение в I Литовском Статуте: автореф. дис. ...канд. исторических наук (07.00.02) / Валиконите Ирэна Миколовна. – Вильнюс, 1978. – 26 с.
10. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Немецкое право в Польше и Литве / М.Ф.Владимирский-Буданов. – СПб.: б/и, 1868. – 312 с.

11. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Очерки истории Литовско-русского права. Вып.2: Черты семейного права / М.Ф.Владимирский-Буданов. - Киев: Тип. В.И.Завадского. 1889. – 59 с.
12. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Судебник 1588. Его значение и источники. / М.Ф.Владимирский-Буданов. – Киев: Тип. Имп. Унив.-та им.Св.Владимира, Акционерное общество печатн. и изд.дела Н.Т.Корчак-Новицкого, 1902. – 65 с.
13. *Гудавичюс Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 года. / Пер.с лит. М.: Фонд им. И. Д. Сытина; BALTRUS, 2005. – 613 с.
14. *Дворниченко А. Ю.* Российская история с древнейших времён до падения самодержавия. / А.Ю.Дворниченко. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2010. – 944 с.
15. *Дворниченко А. Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского: Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.) / А.Ю.Дворниченко. 2-е изд.-е – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2013. – 240 с.
16. *Дворниченко А.Ю., Фроянов И.Я.* Города-государства Древней Руси. / А.Ю.Дворниченко, И.Я.Фроянов. - Л.: Изд.-во Ленинградского университета, 1988. – 269 с.
17. *Демченко Г.В.* Наказание по Литовскому Статуту в его трех редакциях / Г.В.Демченко. – Киев: Тип. Имп. Унив.-та Св. Владимира В.И.Завадского, 1894. – 271 с.
18. *Довнар-Запольский М.В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах / М.В.Довнар-Запольский. – Киев: Тип. Имп. Унив.-та им.Св.Владимира, Акционерное общество печатн. и изд.дела Н.Т.Корчак-Новицкого. 1901. Т. 1. – 820 с.;
19. *Довнар-Запольский М.В.* Западно-русская сельская община в XVI в. / М.В.Довнар-Запольский. – СПб: Тип. В.С.Балашева, 1897. – 52 с.
20. *Долгов В.В.* Потаенная жизнь Древней Руси: быт, нравы, любовь / В.В.Долгов. – М.: Яуза, ЭКСМО. 2009. – 510 с.

21. *Киммел М.* Гендерное общество. / Пер.с англ. М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 464 с.
22. *Коялович М.О.* Лекции по истории Западной России. / М.О.Коялович. – М.: Тип. Бехметева, 1864. – 391 с.
23. *Коялович М.О.* Люблинская уния или последнее соединение Литовского княжества с Польским королевством на Люблинском сейме в 1569 году. / М.О.Коялович. – СПб.: ред. Газеты «Русский инвалид», 1863. – 87 с.
24. *Лаппо И.И.* Великое княжество Литовское во второй половине XVI в. Литовско-русский повет и его сеймик / И.И.Лаппо. – Юрьев: Тип. К.Маттисена, 1911 – 192 с.
25. *Лаппо И.И.* Западная Россия и ее соединение с Польшей. Исторические очерки. / И.И. Лаппо. – Прага: Пламя. 1924. – 225.
26. *Лаппо И.И.* Земский суд в Великом княжестве Литовском в конце XVI в. / И.И.Лаппо. – СПб.: Тип. В.С.Бабашева, 1897. – 39 с.
27. *Лаппо И.И.* К вопросу об утверждении Литовского Статута 1588. / И.И.Лаппо. - Пг.: б/и, 1914. – 43 с.
28. *Левицкий О.И.* Анна-Алоиза, княжна Острожская. / О.И.Левицкий. – Киев: Тип. Г.Т.Корчак-Новицкого, 1883. – 45 с.
29. *Левицкий О.И.* Ганна Монтовт. Историко-бытовой очерк из жизни волынского дворянства в XVI веке. / О.И.Левицкий. – Киев: Тип. Г.Т.Корчак-Новицкого, 1888. – 69 с.
30. *Левицкий О.И.* Очерки старинного быта Волыни и Украины. Вып. I. Пасквиль и суд. / О.И.Левицкий. – Киев: Тип. Г.Т.Корчак-Новицкого, 1889. – 32 с.
31. *Левицкий О.И.* Очерки старинного быта Волыни и Украины. Вып. II – III. Матери-преступницы. Превелебный сват. / О.И.Левицкий. – Киев: Тип. Г.Т.Корчак-Новицкого, 1891. – 32 с.
32. *Левицкий О.И.* Черты семейного быта в Юго-Западной Руси в XVII – XVIII в. Киев: Тип. Имп.Ун.-та Св.Владимира, Акц.общ. Н.Т.Корчак-Новицкого, 1909. – 120 с.;

33. *Леонтович Ф.И.* Источники русско-литовского права. Общий обзор источников. Договоры. Земские и областные привилегии / Ф.И.Леонтович. – Варшава: Тип. Варшавского учеб.округа. 1894. – 72 с.;
34. *Леонтович Ф.И.* Очерки истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства. / Ф.И.Леонтович. – СПб.: Тип. В.С.Балашева, 1894 – 393 с.;
35. *Леонтович Ф.И.* Русская Правда и Литовский Статут в видах настоятельной необходимости включить литовское законодательство в круг истории русского права. / Ф.И.Леонтович. – Киев: б/и, 1865. – 92 с.;
36. *Любавский М.К.* К вопросу об удельных князьях и местном управлении в Литовско-русском государстве / М.К.Любавский. – СПб.: Тип. В.С.Балашева и Ко. 1894. – 48 с.
37. *Любавский М.К.* Литовско-русский сейм. Очерк по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства / М.К.Любавский. – М.: Императорское общество истории и древностей при Московском университете. 1900. – 850 с.
38. *Любавский М.К.* Областное деление и местное самоуправление в Литовско-Русском государстве до Люблинской унии включительно / М.К.Любавский. – М.: Университетская тип., 1893. – 984 с.
39. *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно / М.К.Любавский. – СПб: Наука. 2004. – 312 с.
40. *Максимейко Н.А.* Источники уголовных законов Литовского Статута / Н.А.Максимейко. – Киев: Тип. Унив-та Св.Владимира В.И.Завадского, 1894. – 185 с. и др.
41. *Максимейко Н.А.* Русская Правда и литовско-русское право / Н.А.Максимейко. – Киев: Тип. С.В.Кульженко, 1904. – 14 с.

42. *Максимейко Н.А.* Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 года. / Н.А.Максимейко. – Харьков: Тип. А.Дарре, 1902. – 205 с.;
43. *Малиновский И.А.* Рада Великого княжества Литовского в связи с Боярской Думой древней России. В 2 ч. / И.А.Малиновский. – Томск: Паровая тип-лит. П.И.Макушина, 1904. Ч.2. Вып. 1. – 139 с.
44. *Малиновский И.А.* Учение о преступлении по Литовскому Статуту / И.А.Малиновский. - Киев: Тип. Имп. Унив.-та Св.Владимира, 1894. – 171 с.
45. Молот ведьм / Я. Шпренгер и Г. Инститорис; Пер. с лат. Н. Цветкова. СПб.: Пальмира. 2017. – 142 с.
46. *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. / В.Т.Пашуто. – М.: АН СССР, 1959 – 531 с.
47. *Пташицкий С.Л.* К вопросу об изданиях и комментариях Литовского Статута / С.Л.Пташицкий. – СПб.: Тип. С.А.Корнатовского, 1893. – 78 с.
48. *Пушкарева Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание / Н.Л.Пушкарева. – СПб.: Алетейя, АНО «Женский проект СПб», 2007. – 496 с.
49. *Пушкарева Н.Л.* Женщина Древней Руси (X – XV вв.) [Электрон. ресурс] / Н.Л.Пушкарева. – М.: Мысль, 1985. – 286 с. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/140022/Pushkareva_-_Zhenschiny_drevney_Rusi.html
50. *Пушкарева Н. Л.* Женщины России и Европы на пороге нового времени / Н.Л. Пушкарева. – М.: Изд.-во ИЭА РАН, 1996. – 285 с.
51. *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX вв). [Электронный ресурс] / Н.Л.Пушкарева. – М: Ладомир, 1997. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/life/ofw/oman/1.htm#2>

52. *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI-XIII веков. / Б.А.Романов. – М.: Наука, 1947. – 242 с.
53. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Сочинения: в 4 Т. / Сергей Михайлович Соловьев. М.: Мысль, 1988. – Кн. II: Т. 3 – 4.
54. *Спасович В.Д.* Об отношениях супругов по имуществу по древнепольскому праву. Рассуждение, представленное на юридический факультет Санкт-Петербургского Императорского Ун.-та / В.Д.Спасович. – СПб.: Тип. М.О.Вольфа, 1857. – 82 с.
55. *Тананьева Л.И.* Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко / Л.И.Тананьева. – М.: Наука, 1979. – 301 с.
56. *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России в 50-е – 60-е XIX в. / Г.А.Тишкин. – Л.: Изд.-во ЛГУ, 1984. – 239 с.
57. *Филлюшкин А.И.* Князь Курбский. / А.И.Филлюшкин. – М: Молодая гвардия. 2008. – 302 с.
58. *Цатурова М.К.* Русское семейное права XVI – XVIII вв. Автореф.дисс... канд. юридических наук. / Цатурова Марина Карленовна. – М: МГУ им. М.В.Ломоносова, 1992 – 36 с.
59. *Цатурова М.К.* Три века русского развода (XVI – XVIII вв). / М.К.Цатурова. – М.: Логос, 2011. – 288 с
60. *Юнг К.Г.* Психология бессознательного. / Пер.с нем. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2016. – 320 с.
61. *Антонович В.Б.* Заклинания против чар / В.Б.Антонович // Этнографическое обозрение. М: Императорское Общество Любителей Естествознания, Археологии и Этнографии (ИОЛЕАЭ) при Московском Университете. 1900. №2. С.49 – 72.
62. *Беррио-Сальвадор Э.* Медицинский и научный дискурс: женская природа, женская функция, роль, уготованная женщине / Э.Беррио-Сальвадор // История женщин на Западе. В 5 т. Т. III: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения / под. общ. ред. Ж.Дюби и М.Перро; под

- ред. Н.З.Дэвис и А.Фарж; пер.с англ.; науч.ред.перевода Н.Л.Пушкарева. – СПб: Алетейя, 2008. С. 358 – 396.
63. *Борисенок С.И.* Списки Литовського Статуту 1529 р. / С.И.Борисенок // Праці комісії для виучування історії західньо-руського та українського права. Вып. VI. Киев, 1929. С.36 – 109.
64. *Бумблаускас А.* Первому Статуту – 480 лет [Электрон. ресурс] URL: <http://ru.delfi.lt/archive/article.php?id=20022499&categoryID=14677646&ndate=1231624800>
65. *Буслаев Ф. И.* Идеальные образы Древней Руси / Ф.И.Буслаев // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. В 2 т. – СПб.: Издание Д. Е. Кожанчикова : Типогр. товарищества «Общественная польза», 1861. Т. 2. С. 262 – 292.
66. *Верещагина Е.В.* Зачем белорусской шляхте понадобился сарматский миф? [Электрон. ресурс] URL <https://charter97.org/be/news/2017/9/17/263159/>
67. Гендерная история // Теория и методология истории: учебник для вузов / Отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014. С. 287 – 312 .
68. *Дворниченко А.Ю.* Некоторые проблемы истории западнорусской церкви и древнерусские традиции / А.Ю. Дворниченко // Государство и общество. Вып.2. Ижевск, 1999. С.7 – 9.
69. *Дворниченко А. Ю.* Уголовное право западнорусских земель и Судебник 1497 г. / А.Ю.Дворниченко // Судебник Ивана III. Становление самодержавного государства на Руси: [сб. ст.] / С.-Петербург. гос. ун-т; под общ. ред. И. Я. Фроянова. - СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 120 – 136.
70. *Дмитриев М.В.* Польская шляхта в XVI – XVIII в. / М.В.Дмитриев // Европейское дворянство XVI – XVII вв: границы сословия. / Отв.ред. В.А.Ведюшкин. М: «Археографический центр», 1997. С.192 – 216.

71. *Довнар-Запольский М.В.* Чародейство в Северо-Западном крае в XVII – XVIII вв. Историко-этнографический этюд / М.В.Довнар-Запольский // Этнографическое обозрение. М: Императорское Общество Любителей Естествознания, Археологии и Этнографии (ИОЛЕАЭ) при Московском Университете. 1900. №2. С. 49 – 72.
72. *Долгов В.В.* «Зло есть женская прелесть» (сексуальная жизнь древних руссов XI-XIII вв. и их отношение к женщине) / В.В.Долгов // Женская и гендерная история / Отв.ред. Н.Л.Пушкарева. М.: Рос. Акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; СПб.: Алетейя, 2003. С.237 – 248.
73. *Ерусалимский К.Ю.* Гендерная асимметрия в средневековой Волыни: (по поводу исследований Н. Старченко) / К.Ю.Ерусалимский // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / под ред. Л.П. Репиной. М.: Российская Академия наук, Институт всеобщей истории, 2007. № 13. С. 261–275.
74. *Ерусалимский К.Ю.* История одного развода / К.Ю. Ерусалимский // Соціум. Альманах соціальної історії / Гол. Ред. В.А. Смолій; відп.ред. В.А. Горобець. Вып.3, 2003. Киев: Інститут історії України НАН України С.149 – 176
75. *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц XVI–XVII столетий / Н. И. Костомаров, И. Е. Забелин. О жизни, быте и нравах русского народа. М., 1996. С. 360–561
76. *Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* Социальное конструирование гендера: феминистская теория / Е.А.Здравомыслова, А.А.Темкина // Введение в гендерные исследования [в 2 ч]. под ред.И.А.Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, СПб.: Алетейя. 2002. Ч.1. С.155 – 162.
77. *Земон Дэвис Н., Фарж А.* Горизонты повседневной жизни / Н.Земон Дэвис, А.Фарж // История женщин на Западе. В 5 т. Т.III: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения / под. общ. ред. Ж.Дюби и

М.Перро; под ред. Н.З.Дэвис и А.Фарж; пер.с англ.; науч.ред.перевода Н.Л.Пушкарева. – СПб: Алетейя, 2008. С.21 – 26.

78. *Кись О.А.* Материнство и детство в украинской традиции: деконструкция мифа / О.А.Кись // Социальная история. Ежегодник. Женская и гендерная история. / Отв.ред. Н.Л.Пушкарева. – М.: Рос. Акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; СПб.: Алетейя. С.155 – 172.
79. *Кон И.С.* Маскулинность как история / И.С.Кон // Гендерные проблемы в общественных науках: Сб. ст. сотрудников Сектора этногендерных иссл. ИЭА РАН. / Отв. ред. И.М.Семашко. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН С. 29.
80. *Лазутка С.А.* Предисловие / С.А.Лазутка // Третий Литовский Статут 1588 г. / под.ред. С.И.Лазутка Вильнюс: Вильнюсский Ун.-т, 1989 С.2 – 15.
81. *Лазутка С.И., Валиконите И.М.* Имущественное положение женщины (матери, жены, дочери, сестры) привилегированного сословия по I Литовскому Статуту / И.М.Валиконите, С.И.Лазутка // Научные труды Вузов Литовской ССР. История. XVI (2). Вильнюс, 1976. С.74 – 102.
82. *Левицкий О.И.* Из истории брачного права и семейного быта в Юго-Западной Руси в XVI и XVII вв. / О.И.Левицкий // ЧИОНЛ. Кн.18. Вып. III-IV. С.68 – 71.
83. *Левицкий О.И.* Обычные формы заключения браков в Южной Руси в XVI–XVII вв. / О.И.Левицкий // Киевская Старина. 1900. №1. С.1 – 15. и др.
84. *Левицкий О.И.* Про шлюб на Руси-Украине в XVI-XVII столетью / О.И.Левицкий // Зоря. 1885. №13. С. 1 – 18.
85. *Левицкий О.И.* Южнорусская женщина в XVI-XVII вв. / О.И.Левицкий // Иллюстрированный сборник Киевского литературно-художественного общества. К.: б/и, 1900. С.108 – 122.

86. *Луکشайте И.* Об обычае двойного выкупа за женщину по литовскому праву / И.Луکشайте // Советская этнография. 1968. №2. с.114 – 120.
87. *Мегем М. Е., Вакар М.* Дореволюционная и советская историография средневековой Литвы в трудах современных российских историков / М.Е.Мегем, М.Вакар // Балтийский регион. 2014. № 4 (22). С. 126 – 136.
88. *Мэтьюс-Грико С.Ф.* Тело, внешность и сексуальность / С.Ф.Мэтьюс-Грико // История женщин на Западе. В 5 т. Т.III: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения / под. общ. ред. Ж.Дюби и М.Перро; под ред. Н.З.Дэвис и А.Фарж; пер.с англ.; науч.ред.перевода Н.Л.Пушкарева. – СПб: Алетейя, 2008. С.59 – 98.
89. *Пашуто В.Т.* Страны Прибалтийского региона / Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М.: Наука, 1972. С.252 – 296.
90. *Пелипенко Т.И.* Гендерная экспертиза источников по литовскому праву XVI в. на примере Литовского Статута в его трех редакциях / Т.И.Пелипенко // Вспомогательные исторические дисциплины, источниковедение, методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX международной конференции. М.: издательство РГГУ. 2008. С.512 – 515.
91. *Пелипенко Т.И.* Колдовство в светской судебной практике Великого княжества Литовского в середине XVI века / Т.И.Пелипенко // Вестник Брянского государственного Университета. №2 (40), 2019. С.61 – 66.
92. *Пелипенко Т.И.* Место гендерных исследований в современной исторической науке в России / Т.И.Пелипенко // Жінка в науці та освіті: минуле, сучасність, майбутнє. Матеріали Четвертої міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої 130-річчю вищої освіти жінок в Україні. Киев, 2008. С.224 – 227.
93. *Пелипенко Т.И.* Опекa и ограничение имущественных прав шляхтянок в Великом княжестве Литовском в середине XVI в. / Т.И.Пелипенко // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. Вып. 3, 2015. С.4 – 10.

94. *Пелипенко Т.И.* Особенности гендерного подхода в изучении истории / Т.И.Пелипенко // Современные методы исследования в гуманитарных науках: материалы научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 16-17 декабря 2008. / Под. ред Д.М.Ильиной, А.А.Панченко. – СПб.: издательство ИРЛИ РАН (Пушкинский дом), 2008. С.39 – 42.
95. *Пелипенко Т.И.* Положение шляхтянок в обществе Великого княжества Литовского в раннее Новое время / Т.И.Пелипенко // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. Вып.4., 2012. С.152 – 158.
96. *Пелипенко Т.И.* «Свободная женщина» Литовской Руси: к вопросу о социальном положении шляхтянок в Великом княжестве Литовском в XVI веке / Т.И.Пелипенко // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: Материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4 – 7 октября 2012 г., Тверь. – М.: ИЭА РАН, 2012. Т. 1. С.166 – 169.
97. *Пичета В.И.* Статут Великого княжества Литовского 1529 года. / В.Т.Пичета // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и запада. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XVI/1520-1540/Statut1529/framevved.htm>
98. *Пушкарева Н.Л.* Гендерная проблематика в исторических науках / Н.Л.Пушкарева // Введение в гендерные исследования [в 2 ч]. Под ред. И.А.Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, СПб.: Алетейя, 2001. Ч.1. С.277 – 311.
99. *Пушкарева Н.Л.* Позорящие наказания для женщин в России XIX – XX вв. [Электрон. ресурс] // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI-XX вв.). СПб.: ЕУ СПб, 2011. С. 190 – 217. URL: <http://womenation.org/pozoriaschiye-nakazania/>
100. *Салман Ж.-М.* Ведьмы / Ж.-М.Салман // История женщин на Западе. В 5 т. Т.III: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения / под. общ. ред.

- Ж.Дюби и М.Перро; под ред. Н.З.Дэвис и А.Фарж; пер.с англ.; науч.ред.перевода Н.Л.Пушкарева. – СПб: Алетейя, 2008. С. 460 – 475.
101. *Скот Дж.* Гендер – полезная категории исторического анализа / Дж.Скот // Введение в гендерные исследования. Хрестоматия / под ред. С.И.Жеребкина. Харьков: ХЦГИ. 2001. Ч.II. С.142 - 170.
102. *Старостина И.П.* Судебник Казимира 1468 / И.П.Старостина // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1988 -1989. – М.: Наука, 1991. С.170 – 334.
103. *Филюшкин А.И.* Изучение Великого княжества Литовского и Речи Посполитой в российской историографии 1990-х гг: проблемы, тенденции и перспективы / А.И.Филюшкин / Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння у 1991 – 2003 гг.: матэрыялы міжнар.круглага стала «Гісторыя вывучэння Вялікага княства Літоўскага у 1991 – 2003 гг.», Гродна (16 – 18 мая 2003 г.) / рэдкал.: С.Б.Каун (адказ.рэд.) і інш. – Мінск: Медисонт, 2006. с.8 – 15.
104. *Хоронжичевски В., Деген Р.* Рышард Меницкий – исследователь белорусских архивов. // Репозиториум Университета им. Н.Коперника. [Электронный ресурс] URL: https://repozytorium.umk.pl/bitstream/handle/item/1895/Ryszard_Mienicki_jako_badacz_archiwow_bialoruskich.pdf?sequence=1
105. *Яговец В.В.* Статус женщины в древнерусском обществе (историографический и методологический аспекты) / В.В. Яговец // Вестник Санкт-Петербургского Государственного университета, серия 2, выпуск 4., 2009. С.144 – 151.
106. Асветнікі зямлі беларускай, X – пачатак XX ст. / Рэдкал.: Г.П.Пашкоў (гал. рэд.) і інш. Мн: Беларуская энцыклапедыя, 2001 – 496 с.
107. *Дзёрбіна Г.В.* Права і сям'я ў Беларусі эпохі Рэнэсансу / Г.В. Дзёрбіна. – Мінск: Тэхналогія, 1997. – 175 с.
108. *Падокшын С.А.* Этычная думка у культуры Беларусі XVI – XVII стст. / Падокшын С.А . – Мінск: Бел. Навука, 2004. – 149 с.

109. *Сліж Н.У.* Шлюбныя і пазашлюбныя стасункі шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў XVI—XVII стст. / Н.У. Сліж. – Смаленск: Інбелкулт, 2015. – 672 с.
110. *Сліж Н.У.* Шляхецкая сям'я у Вялікім княстве Літоўскім у XVI – XVII стагоддзях: уздзеянне саслоўнага подзелу грамадства на яе фарміраванне і развіццё. Аўтарэферат дыс. ... канд. гістарычных навук. 07.00.01 / Сліж Наталля Уладзіміраўна . – Мінск, 2002. – 75 с.
111. *Старченко Н. П.* Честь, кров і риторыка. Конфлікт у шляхецькім середовішчы Воліні (друга паловіна XVI - XVII століття) / Н. П.Старченко. – Кіў: Laurus, 2014. – 508 с.
112. *Старченко Н.П.* Становішча жінкі-шляхтыякі на Воліні другої паловіны XVI - пачатку XVII ст.: майновы і правовы аспекты: дыс... канд. іст. навук: 07.00.01./ Старченко Наталія Пётрыўна. – Кіў, 2002. – 225 с.
113. *Суша А.* Францускі Скарына. Чалавек-энцыклапедыя / А. Суша. – М: Беларуская дзіцячая энцыклапедыя, 2016. – 120 с.
114. *Коршунаў А.Ф.* Васіль Цяпінскі / А.Ф. Коршунаў // Гісторыя беларускай дакастрычніцкай літаратуры. Мн.: Навука і тэхніка, 1968. С. 142 – 168.
115. *Мальченко О.Е.* Шляхецкія наезды у світлі масткоўных актыв кінца XVI – першай паловіны XVII ст. (війсковы аспект) / О.Е. Мальченко // Кіўская старовіна. – 1997. – № 3–4. – С. 94–113.
116. *Сліж Н.У.* Гендэрна-ролевыя функцыі шляхціца у сям'і і грамадстве Вялікага княства Літоўскага / Н.У. Сліж // Соціум. Альманах сацыяльнай історыі / Гол. Ред. В.А. Смолій; відп.ред. В.А. Горобець. Вып.5. – Кіев: Інстытут історыі Украіны НАН Украіны, 2003. С. 165 – 184.
117. *Сліж Н.У.* Гендэрная ідэнтыфікацыя шляхціча або што такое быць сапраўдным мужчынай у ВКЛ у XVI – XVII ст. / Н.У. Сліж // Канструкцыя і дэканструкцыя Вялікага княства Літоўскага: матэрыялы

- міжнар. навук. Канф. Гродна, 23 – 25 крас. 2004. / пад. Рэд. Н.У.Сліж. – Мн: Лімарыус, 2007. С.135 – 142.
118. *Сліж Н.У.* Жанчына у шляхецкая сям'ю XVI – XVII стагоддзях / Н.У. Сліж // *Женщины в истории: возможность быть увиденными: Сб. научн. ст. / под ред. И.Р.Чикаловой.* Мн: БГПУ им.М.Танка, 2001. с. 270 – 277.
119. *Сліж Н.У.* Прастытуцыя ў Вялікім княстве Літоўскаму у XVI–XVII стст. / Сліж Н.У // *Соціум. Альманах соціальной історыі / Гол. Рэд. В.А. Смолій; відп.ред. В.А. Горобець.* – Киев: Інститут історыі Украіны НАН Украіны 2017. Вип. 13–14. С. 113–126.
120. *Сліж Н.У.* Сексуальнае жыццё шляхты Вялікага княства Літоўскага у XVI – XVIII стст / Н.У. Сліж // *Terra Alba. Homo venereus: сексуальная прастора беларускай культуры / под ред. С.І.Даніленкі; Мн: Экаперспектыва, Т.2. 2001. с. 138 – 167.*
121. *Сліж Н.У.* Тэрміналогія па гісторыі сям'і Вялікага княства Літоўскага у XVI – XVIII стст / Н.У. Сліж // *Гістарычны альманах. Матэрыялы III Навуковай канферэнцыі БГТ. Праблемы тэрміналогіі беларускай гістарычнай навукі. / под ред. А.Кравцевича.* – Мн., 2003. Т.9. с.49 – 63.
122. *Старченко Н.П.* Публічнасць як домінанта культурнай традыцыі: Волян 2 п.16 ст. / Н.П. Старченко // *Mediaevalia Ucrainica. Ментальнасць та історыя ідэй.* Київ: Akademiia, 1998. Т. 5. С. 68 – 81.
123. *Старченко Н.П.* Шлюбная стратэгія вдов і кілька проблем навколу неі (шляхецкая Волян кінца XVI ст.). «Каждая вдова ест себе панею, и ничиих владзі не подлегла», або Правава дзездатнасць вдови / Н.П.Старченко // *Київська старовина.* – К., 2001. N.1. С. 42 – 63.
124. *Старченко Н.П.* Честь як регулятор шляхецкага повсякдзення (Волян останняй трэціні XVI – пачатку XVII ст.) / Н.П. Старченко // *Український історичний журнал.* Київ, 2012. N.6. С.25 – 39.

125. *Berenis V., Beresnevičius G., Samalavičius V., Savukynas V.* Lituviu mentalitetai: tautinė istorija ir kultūros problemos. / Berenis V. Beresnevičius G., Etc.. - Vilnius: Kultūros, filosofijos ir meno institutas, 2002. – 273 p;
126. *Bogucka M.* Anna Jagiellonka / M. Bogucka. – Wrocław: Ossolineum, 2004. – 208 p.;
127. *Bogucka M.* Białogłowa w dawnej Polsce. Kobieta w społeczeństwie polskim XVI-XVIII wieku na tle porównawczym / M. Bogucka. – Wrocław: Trio, 2003. – 224 p.
128. *Bogucka M.* Bona Sforza d’Aragona. / M. Bogucka. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1989. – 311 p.
129. *Bogucka M.* Gorsza płeć. Kobieta w dziejach Europy od antyku po wiek XXI / M. Bogucka. – Wrocław: Trio, 2005. – 378 p.;
130. *Bogucka M.* Women in Early Modern Polish Society, Against the European Background / M. Bogucka. – Burlington, 2004. – 226 pp.
131. *Bumblauskas A.* Senosios Lietuvos Istorija. 1009 – 1795 / A. Bumblauskas. – Vilnius: R. Paknio Leidykla, 2005 – 485 p.
132. *Butkuvienė A.* Amžinos moterys: izymios XIV – XIX a. Lietuvos moterys / A. Butkuvienė Kaunas: Baltos lankos. 2008. – 358 p.
133. *Cirunaite J.* Moterų ivardijimas Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kariuomenės dokumentuose / J. Cirunaite. – Kaunas: Vytauto Didžiojo universiteto leidykla, 2000. – 276 p.
134. *Flandrin J.-L.* Families in former times: kinship, household and sexuality / J.-L. Flandrin. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1979. – 265 p.
135. *Jurginis J., Luksaitė I.* Lietuvos kultūros istorijos bruožai. Feodalizmo epocha. Iki astuonioliktojo. / J. Jurginis, I. Luksaitė. – Vilnius: Mokslas, 1981. – 344 p.
136. *Karpaviciene J.* Moters statusas Lietuvos miestuose iki XVI a. vidurio: Vilniaus ir Kauno pavyzdys / J. Karpaviciene. – Vilnius: Versus Aureus, 2005. – 280 p.

137. *Kuchowicz Z. Barbara Radziwiłłówna. / Z.Kuchowicz* Łódź: Wydaw. Łódzkie 1976. – 318 p.
138. *Kuchowicz Z. Człowiek polskiego baroku / Z.Kuchowicz.* – Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1992. – 418 p.
139. *Kuchowicz Z. Miłość staropolska / Z.Kuchowicz.* – Łódź : Wydaw. Łódzkie, 1982. – 595 s.
140. *Kuchowicz Z. Wizerunki niepospolitych niewiast staropolskich XVI-XVIII wieku / Z.Kuchowicz.* – Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1972. – 460 s;
141. *Kuchowicz Z. Z badań nad stanem biologicznym społeczeństwa polskiego od schyłku XVI do końca XVIII w. / Z.Kuchowicz.* – Łódź: Łódzkie Towarzystwo Naukowe. 1972 -142 s.;
142. *Kuchowicz Z. O biologiczny wymiar historii: książka propozycji / Z.Kuchowicz.* – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1985. – 251 ss.
143. *Kuchowicz Z. Wpływ odżywiania na stan zdrowotny społeczeństwa polskiego w XVIII wieku \ Z.Kuchowicz.* – Łódź: Uniwersytet Łódzki, 1966. 289 ss;
144. *Kuchowicz Z. Żywoty niepospolitych kobiet polskiego baroku / Z.Kuchowicz.* – Łódź: Wydawnictwo Towarzystwa Krzewienia Kultury Świeckiej 1989. – 157 s.
145. *Pilaszek M. Procesy o czary w Polsce w wiekach XV – XVIII / M. Pilaszek.* – Kraków:UNIVERSITAS. 2008. – 554 p.
146. *Pirozynski J. Księżna Brunszwicka Zofia Jagiellonka (1522 – 1575) i jej biblioteka. Stadium z dziejów kultury / J. Pirozynski.* – Kraków: PAU, 2004. – 339 s.
147. *Pociecha W. Królowa Bona (1494 – 1557). Czasy i ludzie odrodzenia. / W. Pociecha* – Poznań: Państwowe zakłady wydawnictw szkolnych, 1949. – 322 p.
148. *Ragauskienė R., Ragauskas A. Barbaros Radvilaitės laisvą Zygimantui Augustui ir kitiems: studija apie XVIa. Lietuvos Didžiosios kunigaikštystės*

- moteru korespondencija / R.Ragauskiene, A. Ragauskas. – Vilnius: Vaga. 2001. – 256 p.
149. *Sarceviciene J.* Idealusis moters modelis XVI a. II P. – XVII a. I P. Progineje literaturoje Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštysteje / J. Sarceviciene. – Vilnius: Versus aureus, 2000. – 276 p.
150. *Tereskinas A.* Kuno zymes: seksualumas, identitetas, erdve Lietuvos kulturoje / A. Tereskinas. – Vilnius: Baltos lankos, 2001. – 174 p.
151. Tipas ir individas Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kulturoje / sud. J. Liskeviciene, T. Raciunaite. Vilnius: Vilniaus Dailės akademijos leidykla, 2002. – 267 p.
152. *Bardach J.* Swiecki charakter zwyczajowego prawa malzenskiego ludności ruskiej Wielkiego Księstwa Litewskiego (XV – XVII wiek) / J. Bardach // Czasopismo prawno-historyczne. Krakow: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 1963. T. XV, z. 1, p. 85 – 148.
153. *Jurginis J.* Lietuvių seima XIII – XIV aa. / Jurginis J. // Is lietuvių kultūros istorijos. Vilnius: Mintis, 1958. T. 1. p. 248 – 260.
154. *Kelley-Gadol J.* Did women have a Renaissance / J. Kelley-Gadol // Women, history and theory: the essays of Joan Kelley. Chicago: University of Chicago press, 1984. P. 19 – 50.
155. *Kuchowicz Z., Libiszowska Z.* The child in the polish family in the XVIII century / Z. Kuchowicz, Z. Libiszowska // The Polish Review. Vol. 27, No. 3/4 (1982), pp. 70-83.
156. *Lazutka S., Gudavicius E.* I Lietuvos statuto saltiniu klausimu / S. Lazutka, E. Gudavicius // Lietuvos TSR aukstuju mokyklu mokslo darbai. Istorija, 1970.
157. *Ragauskiene R.* XVI a. LDK didikiu patronata / R. Ragauskiene // Lithuanistica. 2005. N. 1. P. 1 – 19.
158. *Ragauskiene R.* XVI a. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės moterys: istoriografinis ir praktinis požiūris / R. Ragauskiene // Moterys, darbas,

- seima. Luciu vaidmenys uzimtumo sferoje: sociokultūrinis aspektas. Vilnius, 2008. P.146 – 165.
159. *Ragauskiene R.* The Households of XVI century Lithuanian great noblewomen / R.Ragauskiene // Lithuanian Historical studies. 2003, t.8. p.24 – 38.
160. *Sarceviciene J.* Moterys / J. Sarceviciene // Lietuvos Didziosios Kunigaikstijos kultura: tyrinejimai ir vaizdai. Vilnius, 2001. P. 397 – 412.
161. *Sarceviciene J.* Vieno stereotipo istorija – LDK moterys ivaizdis istoriografijoje / J. Sarceviciene // Feminizmas, visuomene,kultura. N1. P. 30 – 39.
162. *Valikonyte I.* The Venets of noblewomen in the Grand Duchy of Lithuania / I.Valikonyte // Lithuanian Historical studies. 1997, Vol.2. P.97 – 107.
163. *Valikonyte I.* Lietuvos metrikos 4-oji Teismu bylu knyga – saltinis moters statusui tirti / I.Valikonyte // Lietuvos Metrikos Studijos. 1998. P. 124 – 148.
164. *Valikonyte I.* Nasles vainikine Lietuvos Didziojoje Kunigaikstysteje XVI a.: norma ir realybe / I.Valikonyte // 1566 metu Antrasis Lietuvos Statutas. Respublikines mokslines konferencijos, skirtos Antrojo Lietuvos Statuto 425-osioms metinems pazymety, medziaga. Vilnius, 1993. P.82 – 90.

Список сокращений, использованных в работе

АЮЗР – Акты Юго-Западной России

ВКЛ – Великое княжество Литовское

ИРЛИ РАН – Институт русской литературы (Пушкинский дом)
Российской Академии наук

ИЭА РАН – Институт Этнографии и Антропологии Российской
Академии Наук

ЛГИА – Литовский Государственный исторический архив

ЛМ – Литовская метрика

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

РАН – Российская Академия наук

РНБ – Российская национальная библиотека

РАИЖИ – Российская ассоциация исследователей женской истории

СПбГУ – Санкт-Петербургский Государственный Университет

СПб ИИ РАН – Санкт-Петербургский Институт истории при
Российской Академии Наук

ЧИОНЛ – Чтения в историческом обществе Нестора – летописца

ХЦГИ – Харьковский Центр гендерных исследований